

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1896.

№ 2.

ЯНВАРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

І. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Слово, произнесенное по освященіи храма во имя Христа Спасителя въ Харьковскомъ Коммерческомъ Училищѣ 14 января. О силѣ привычекъ. Преосвященнаго <i>Амвросія</i>	57—68
Зло, его сущность и происхожденіе (продолженіе). Профессора богословія, <i>Прот. Т. Буткевича</i>	69—92
Очерки по исторіи древне-русской письменности (продолженіе). <i>Н. Протопопова</i>	93—110
ІІ. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Разборъ возраженій Джона Стюарта Милля противъ теизма (продолженіе). <i>М. Лебедева</i>	53—89
Дарвинизмъ. (Критическое изслѣдованіе) (продолженіе). <i>Н. Румянцева</i>	90—140
ІІІ. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.	
Содержаніе. Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи за 1894—95 учебный годъ (продолженіе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища за 1894—95 учебный годъ (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1896.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоука и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчній лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзикина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенныя годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современныя софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Врентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ

ПРОПОВѢДИ

ПРЕОСВЯЩЕННАГО АМВРОСІЯ АРХІЕПИСКОПА ХАРЬКОВСКАГО,

*произнесенныя во время служенія его въ Харьковской епархіи.
1882—1894 годы.*

Цѣна 2 руб. 50 коп., съ пересылкой 3 руб.

Съ требованіями обращаться въ Харьковъ, въ канцелярію Харьковскаго архіепископа и въ книжную лавку при Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ, въ С.-Петербургѣ—въ Синодальную книжную лавку и въ магазинъ Тузова, въ Москвѣ—въ Синодальную лавку.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ВѢРА и РАЗУМЪ

въ 1896 году.

Издание богословско-философскаго журнала „Вѣра и Разумъ“ будетъ продолжаемо въ 1896 году по прежней программѣ. Журналъ, какъ и прежде, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) Церковнаго, 2) Философскаго и 3) Листка для Харьковской епархіи.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое издание журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія до 220 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое издание внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковского Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ Конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гильговерскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 руб. за 1890 г., и по 9 р. за 1891, 1892 и 1893 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 65 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Божіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
5. „Панство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французскаго К. Истомина. Харьковъ. 1895. Цѣна 1 рубль съ пересылкою.
6. „Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1883 года. Цѣна 5 руб. съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Января 1896 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

СЛОВО

Преосвященнаго Амвросія, Архієпископа Харьковскаго,
по освященіи храма во имя Христа Спасителя въ Харьков-
скомъ Коммерческомъ Училищѣ 14 января.

О силѣ навыковъ.

*Аще и Сынъ бже, обаче навиче отъ
сихъ, яже пострада, послушанію: и со-
вершився, бысть весьма послушающимъ Бо-
гъ, и оубо спасенія выинаю. (Евр. 5. 8. 9).*

Сооруженіе и освященіе православнаго храма всегда и вездѣ составляетъ для насъ предметъ радости и торжества. Но особенно утѣшительно видѣть храмъ въ учебномъ заведеніи; такъ какъ съ нимъ соединяется надежда на пріобрѣтеніе величайшаго блага для нашей церкви и отечества,—на христіанское воспитаніе юношества. Призываю благословеніе Божіе на учредителей этого заведенія, благоустроившихъ его съ особенною тщательностію и увѣнчавшихъ святымъ храмомъ.

Но привѣтствуя васъ, братія, и выражая сердечное сочувствіе вашей радости, я почитаю своимъ долгомъ принести и съ своей стороны посильный даръ вашему заведенію. Въ чемъ же онъ можетъ состоять? Конечно, въ урокъ истины и добродѣтели, заимствованномъ изъ сокровищницы божественнаго ученія ввѣренной намъ,

служителямъ церкви, Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ.

Заведеніе ваше новое, преподаваніе въ немъ наукъ въ настоящее время первоначальное; поэтому и мой урокъ долженъ быть взятъ изъ начальной грамоты христіанской истины и добродѣтели, чтобы питомцы ваши могли его понять и усвоить, а начальники и учителя могли наблюсти за приложеніемъ его къ жизни.

Всѣмъ извѣстно, что значить начальная грамота въ наукѣ, но какая можетъ быть грамота въ обученіи добродѣтели?—Совершенно подобная той, которая существуетъ въ наукѣ. Ревнители просвѣщенія съ великою тщательностію и искусствомъ раздѣлили обширную область знанія не только на различные роды наукъ по свойству предметовъ, но и на части и степени для преподаванія каждой науки молодымъ поколѣніямъ примѣнительно къ ихъ возрастамъ и пониманію,—отъ азбуки до цѣлыхъ системъ и курсовъ научныхъ. Стало быть, здѣсь признано, что нельзя *юному уму* разомъ сообщить знаніе цѣлой и обширной науки. Поэтому необходимо призвать, что и *юной воли* и свободѣ, и только что возникающей самодѣятельности нельзя предложить къ исполненію обширной и высокой добродѣтели. Юный человекъ во всѣхъ своихъ силахъ и способностяхъ одинаковъ, т. е. одинаково слабъ; поэтому требуется одинаковое приспособленіе къ его возрасту во всемъ потребномъ для его жизни.

Существуетъ однако разность между способами сообщенія познаній и ознакомленіемъ съ опытами дѣятельности. Она опредѣляется двумя различными понятіями: *обученіе* и *пріученіе*. *Обучаютъ*, значитъ сообщать доступныя человѣку познанія о мірѣ видимомъ, въ которомъ онъ живетъ, и о мірѣ духовномъ, а *пріучаютъ*, значитъ постепенно вводитъ человека въ общеніе съ міромъ духовнымъ и доводитъ его до умѣнья и искусства пра-

вильно относиться къ людямъ и обращаться со всѣми предметами, которыми онъ окруженъ, и всѣмъ пользоваться къ своему благу и счастію.

Этотъ взглядъ на развитіе человѣка оправдывается наблюденіемъ надъ всѣми родами его дѣятельности. Такъ ремесленникъ и художникъ, объяснивъ ученику, въ чемъ состоитъ предлагаемое ему дѣло, сажаютъ его за работу и держатъ на ней долго,—отъ первыхъ пріемовъ до совершеннаго успѣха. Такъ учителя науки составленія сочиненій, объясняя правила словеснаго искусства, держатъ своихъ воспитанниковъ многіе годы на упражненіяхъ, доколѣ они не привыкнутъ къ самостоятельному мышленію и правильному изложенію мыслей. И такимъ образомъ продолжается работа дѣятельнаго развитія человѣка изъ года въ годъ, изо дня въ день съ малыми отдыхами и съ наблюденіемъ, чтобы развиваемыя силы безъ частаго упражненія, какъ струны инструмента безъ частаго настроиванія, не ослабѣли, и не утратили, каждая своего тона и общей стройности. Отсюда, и происходитъ постепенно пріобрѣтаемый отъ частаго повторенія, навыкъ къ извѣстному роду дѣятельности, переходящій по времени въ любимый родъ занятій, продолжающійся до конца жизни безъ обремененія и затрудненій. Такъ крестьянинъ, пріученный съ малыхъ лѣтъ къ тѣлесному труду и лишеніямъ, легко переноситъ цѣлдневную усиленную работу, поднимаетъ большія тяжести, не боится ни зноя, ни стужи, питаясь суровою пищею, чего не переноситъ человѣкъ непривычный. Такъ житель горъ легко ходитъ по крутизнамъ и едва замѣтнымъ тропинкамъ надъ пропастями, не боясь ни паденія, ни обморока, отъ которыхъ нерѣдко погибаютъ непривычные путешественники. Такъ и въ душевной дѣятельности: образованный человѣкъ, обратившій умственные занятія въ навыкъ, день и ночь размышляетъ, читаетъ, пишетъ, и безъ такихъ занятій

скучаетъ, между тѣмъ какъ другой и часа не проведетъ за научною книгою безъ утомленія. Такъ истинный художникъ, во всю жизнь носить въ душѣ своей образы прекраснаго, стремясь воплотить ихъ въ словѣ, краскахъ и звукахъ. Вотъ, что дѣлаетъ навѣкъ въ развитіи тѣлесныхъ и душевныхъ силъ нашихъ.

Намъ скажутъ: „все это всѣмъ извѣстно“. Отвѣтимъ: тѣмъ лучше; тѣмъ легче для всѣхъ убѣдиться въ необходимости для христіанина пріучиться посредствомъ частыхъ упражненій и навыка къ нравственнымъ трудамъ и подвигамъ для дѣятельнаго духовнаго усовершенствованія, или пріобрѣтенія добродѣтелей. Это и внушаетъ намъ настоятельно слово Божіе. Св. Апостоль Павель о христіанской свободѣ и силѣ въ совершеніи подвиговъ говоритъ: „все могу въ укрѣпляющемъ меня Іисусѣ Христѣ“, но объясняетъ и путь, которымъ онъ достигъ этой свободы: „Я научился быть довольнымъ тѣмъ, что у меня есть. Умѣю жить и въ скудости, и въ изобиліи, научился всему и во всемъ: быть въ сытости и терпѣть голодъ, быть въ изобиліи и недостаткѣ“ (Филип. 4, 11. 12). А духовныя силы и свойства христіанина онъ называетъ „чувствами, пріученными навыкомъ къ различенію добра и зла“ (Евр. V, 14.). разумѣя, конечно, подъ этимъ именемъ бдительность совѣсти, трезвенность ума и непорочность сердца. Но, что по истинѣ удивительно, Апостоль о Самомъ Іисусѣ Христѣ говоритъ: „хотя Онъ и Сынъ, однако страданіями навѣкъ послушанію, и совершившись, сдѣлался для всѣхъ послушныхъ Ему виновникомъ спасенія вѣчнаго“. То есть, и Его чистѣйшая и совершеннѣйшая человѣческая природа подъ осѣненіемъ соединеннаго съ нею Божества подчинялась законамъ естественнаго развитія по духу и тѣлу, и достигла совершенства посредствомъ „навыка послушанію“. Онъ былъ въ послу-

шаніи Родителямъ въ дѣтствѣ, въ послушаніи заповѣдямъ закона Моисеева въ зрѣломъ возрастѣ, и во всю жизнь въ послушаніи волѣ Отца Своего Небеснаго, и въ борьбѣ съ лишеніями, гоненіями и всякаго рода страданіями до крестной смерти достигъ совершенства и сталъ для всѣхъ послушныхъ Ему примѣромъ и виновникомъ вѣчнаго спасенія. Почему Апостоль не перечисляетъ многихъ совершенствъ Богочеловѣка, пріобрѣтенныхъ навыкомъ, а указываетъ только на послушаніе? Конечно, потому, что въ послушаніи волѣ или заповѣдямъ Божіимъ всегда и во всемъ лежитъ путь къ совершенству во всѣхъ родахъ человѣческой дѣятельности.

Укажемъ для большей ясности нѣкоторыя частныя добродѣтели, пріобрѣтаемыя навыкомъ. Псалмопѣвецъ говоритъ: *возвеселихся о рекахъ моихъ: въ домъ Господень поидемъ* (Пс. 121, 1). Можетъ ли человѣкъ съ радостію и веселіемъ принимать призывъ на молитву въ храмъ Божій, если онъ не привыкъ часто посѣщать его? Что это невозможно, намъ доказываютъ своимъ примѣромъ христіане, для которыхъ такъ тяжело разстаться со сномъ и съ свѣтскими удовольствіями для посѣщенія храма Божія, которымъ такъ скучно и тяжело стоять въ немъ. Онъ же говоритъ: *коль сладка гортани моему словеса твоя: паче меда устомъ моимъ* (Пс. 118, 103). Можетъ ли человѣкъ находить такую сладость въ словѣ Божіемъ, если не привыкъ часто читать его, озарять свой умъ и совѣсть его священными истинами и питать свое сердце впечатлѣніями присутствующей ему благодати Св. Духа? Что это невозможно, доказываютъ намъ тѣ образованные христіане, которые читаютъ все, кромѣ Слова Божія, не находя въ немъ ни пищи для ума, ни утѣшенія для сердца. Они устаютъ отъ чтенія нѣсколькихъ главъ священнаго Писанія, отъ нѣсколькихъ страницъ всякой книги духовнаго

содержанія. Псалмопѣвецъ такъ говоритъ о потребности въ молитвѣ къ Богу во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни: *пролію предъ Нимъ моленіе мое: печаль мою предъ Нимъ возвѣщу* (Пс. 141, 3). Можетъ ли сказать это о себѣ тотъ, кто въ нуждѣ и скорби жалуется всѣмъ, обращается ко всѣмъ, кромѣ Бога, кто совсѣмъ не молится, или молится разсѣянно и нерадиво, для того только, чтобы успокоиться на мысли, что и онъ молился?

Въ этомъ великомъ дѣлѣ нашего нравственнаго воспитанія, или постепеннаго возведенія навыковъ въ христіанскія добродѣтели, и руководить насъ Св. Церковь, и притомъ такъ, какъ не могла ни начертать, ни установить человѣческая наука всѣхъ временъ. Ея частыя богослуженія и многочисленные праздники суть изо дня въ день повторяемые опыты и упражненія въ молитвѣ, готовыя всегда для всякаго желающаго молиться. Ея посты и говѣнія,—это путь къ той свободѣ и безпрепятственности со стороны нашей плоти въ совершеніи христіанскихъ подвиговъ любви, безкорыстія, самоотверженія, о которой сказалъ Апостолъ: „все могу въ укрѣпляющемъ меня Іисусѣ Христѣ“. А уставы и заповѣди Св. Церкви,—это опыты смиреннаго послушанія волѣ Божіей, которые указалъ намъ Апостолъ въ Самомъ Сынѣ Божіемъ. Всѣ ея наставленія, чтенія изъ Слова Божія, пѣснопѣнія во славу Божію и въ честь угольниковъ Божіихъ имѣютъ одну цѣль—пріучить навыкомъ наши духовныя чувства, по выраженію Апостола, „къ различенію добра и зла“, и къ свободному избранію и предпочтенію всего добраго и прекраснаго злomu и порочному. Въ Церкви есть и приспособленія къ возрастамъ христіанъ,—каковы усвоенныя изъ Слова Божія пріемы въ наблюденіи за дѣтьми, правила о домашней молитвѣ и пріобщеніи малолѣтнихъ. Есть и повременныя испытанія въ таинствѣ испо-

вѣди и покаянія, только нѣтъ выдаваемыхъ на руки свидѣтельствъ объ окончаніи ученія. Въ церкви отъ младенчества до старости и до перехода въ вѣчную жизнь у каждаго добраго христіанина возрастають успѣхи, вѣдомые Богу, ощущаемые каждою подвизающеюся душею, и свидѣтельствуемые добродѣтельною жизнію и благосостояніемъ христіанскихъ народовъ.

Но, говоря о благотворной силѣ навыковъ добрыхъ, нельзя умолчать о страшной силѣ навыковъ худыхъ, или порочныхъ. Въ нихъ заключается главнѣйшее препятствіе къ нашему усовершенствованію и противодѣйствіе всякому доброму начинанію. Менѣе опасны для спасенія нашего самыя тяжкія преступленія, даже убійство, нежели усилившійся навыкъ, доведенный до страсти. Убійца можетъ раскаяться, получить прощеніе и не возвращаться къ прежнимъ преступленіямъ; но обладаемый страстію, какъ узникъ, лишень свободы дѣйствій и нравственныхъ силъ.

Никто изъ насъ не рождается съ пороками и страстями; но тѣмъ не менѣе всѣ мы рождаемся въ слѣдствіе первороднаго грѣха со склонностію къ порокамъ. Сѣмена пороковъ скрываются главнымъ образомъ въ вожделѣніяхъ плоти нашей; а возникновеніе самыхъ пороковъ начинается отъ усиленія и повторенія вожделѣній. Намъ свойственна потребность и желаніе пищи, питія, отдыха, увеселеній, пріобрѣтенія достатка, но всѣ эти желанія, удовлетворяемая чаще, чѣмъ должно, и не въ мѣру, переходятъ въ порочные навыки. Такъ навыкъ къ частому и неумѣренному употребленію пищи обременяетъ и утучняетъ тѣло и дѣлаетъ насъ лѣнивыми къ труду, и особенно къ ученію и молитвѣ. Неблаговременный и продолжительный отдыхъ пріучаетъ къ нѣгѣ и праздности; а большое разнообразіе и непрерывное повтореніе увеселеній производитъ ту разсѣянность и суету, которая до того овладѣваетъ нами, что не остав-

ляетъ ни времени, ни расположенія къ разумнымъ, и тѣмъ болѣе къ благочестивымъ упражненіямъ. Это сѣти, опутывающія нашъ духъ, и хотя повидимому тонкія, но по множеству и крѣпкому сплетенію своихъ нитей трудно расторгимыя. И на этой именно почвѣ возрастаютъ гибельныя страсти: пьянство, сладострастіе, роскошь, корыстолюбіе и своекорыстіе, жестокосердіе, ложь и всевозможные обманы. Мы можемъ своими глазами видѣть, какъ неосторожное и частое употребленіе вина въ невинныхъ, повидимому, собраніяхъ и пирушкахъ переходитъ въ склонность напиваться до опьяненія, и затѣмъ въ мучительную жажду пить и пить, доводящую до величайшихъ преступленій въ кругу семейномъ и общественномъ. Мы видимъ, какъ отъ частаго посѣщенія неблагообразныхъ гульбищъ и непѣломудренныхъ сборищъ возникаютъ и усиливаются плотскія страсти, переходящія въ эти постыдныя поиски плотскихъ наслажденій, которые порабащаютъ умъ и совѣсть развращенныхъ людей, и не даютъ ни роздыха, ни покоя духу ихъ ни днемъ, ни ночью. Въ то же время мы видимъ другаго рода людей, старающихся подбирать бросаемое сластолюбцами богатство, съ жадностію скоплять, беречь его для наслажденій, которыя они обѣщаютъ себѣ въ будущемъ, когда разбогатѣютъ; но въ этомъ копленіи вмѣсто наслажденій они наживаютъ себѣ страсть корыстолюбія и скупости, убивающую въ нихъ всѣ чувства жалости и любви къ ближнимъ. Но довольно объ этомъ. Укажемъ только еще одну черту въ этой печальной исторіи пріобрѣтенія порочныхъ навыковъ, именно, — какъ люди обманываютъ сами себя и увлекаются къ плотскимъ страстямъ, начиная повидимому съ невинныхъ и чистыхъ наслажденій благородными искусствами.

Извѣстно, что въ душѣ нашей есть глубочайшее и тончайшее сплетеніе и смѣна помышленій, впечат-

лѣній и ощущеній духовныхъ и плотскихъ, различаемыхъ только чистою и бдительною совѣстію, но не наблюдаемыхъ людьми равнодушными къ чистотѣ сердца и безпечными. Въ этихъ то людяхъ незамѣтно дѣлается перевѣсъ чувственныхъ впечатлѣній и влеченій надъ духовными. Это всего яснѣе видно въ исторіи театровъ, столько восхваляемыхъ, въ смыслѣ учрежденій для воспитанія въ обществѣ добрыхъ нравовъ и благородныхъ вкусовъ. Въ нихъ-то, среди блистательныхъ проявленій ума и другихъ талантовъ, вкрались изображенія плотской любви, облакаемой въ поэтическія формы и сопровождаемой другими родственными ей страстями: соперничествомъ, ревностію, измѣною, мщеніемъ и пр.; что и дѣлаетъ театральныя представленія привлекательными, и безъ чего они были бы похожи на ученые собранія, не многими охотно посѣщаемыя. Эти художественныя театральныя изображенія любви отъ притупленія чистаго чувства къ изящному въ составителяхъ пьесъ, въ исполнителяхъ ихъ и зрителяхъ съ теченіемъ времени становились все грубѣе, болѣе оплотенялись,—и вотъ въ послѣднее время изъ благородныхъ представленій выродились эти безстыдныя зрѣлища обнаженнаго разврата, заражающія грубѣйшими пороками молодыя поколѣнія современныхъ христіанскихъ народовъ. А такъ какъ съ погруженіемъ въ чувственность люди теряютъ страхъ Божій: то въ послѣднее время показались на сценѣ изображенія событій изъ священной исторіи и для разнообразія впечатлѣній (за границею)—даже страданій Спасителя; а среди театральныхъ декораций появляются священныя изображенія, и между мірскими пѣснями слышатся звуки церковныхъ пѣснопѣній. Такъ скатывается незамѣтно духъ человѣка съ высоты художественныхъ наслажденій въ темную пропасть постыдныхъ страстей, гдѣ перестаетъ быть страшнымъ и богохульство.

Трудна борьба съ укоренившимися порочными навыками. Къ намъ дошло изъ языческой древности философское изреченіе: „привычка вторая природа“. Здѣсь конечно имѣются въ виду не добрые навыки, совершенствующіе нашу первую и единственную природу, а перерожденіе природы изъ богосозданной въ искаженную порочными навыками, или безотрадное порабощеніе ея грѣху. Но, гдѣ не находили выхода язычники, тамъ указалъ его Господь Іисусъ Христосъ. *Всякъ творящій грѣхъ, говоритъ Онъ, рабъ есть грѣха: но аще Сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете* (Іоанн. 8, 34, 36). Этотъ путь къ свободѣ указываетъ намъ Его ученіе; а благодатныя силы для успѣшнаго прохожденія этого пути сообщаетъ намъ Его Св. Церковь.

Во-первыхъ, каждый изъ насъ по ученію христіанскому съ раннихъ лѣтъ долженъ наблюдать за собою: гдѣ оказывается перевѣсъ въ его помыслахъ и желаніяхъ; — въ духѣ ли и его стремленіяхъ къ истинѣ и добродѣтели, или въ вожделѣніяхъ плоти? Которая чашка вѣсовъ, поставленныхъ, такъ сказать, въ нашемъ сознаніи, больше наполняется и перевѣшиваетъ, — та ли, гдѣ собирается добро, или та, гдѣ скопляется зло? Нужно спѣшить наполнять первую и опоражнивать вторую. Нужно чаще углубляться въ себя, и наблюдая за собою, бороться съ искушеніями, непрестанно въ глубинѣ сердца прося помощи у Господа.

Потомъ, когда начинаемъ чувствовать, что худыя привычки овладѣваютъ нами, и какъ путы препятствуютъ нашему движенію въ исполненіи нашихъ обязанностей, нужно разрывать ихъ съ усиліемъ и немедленно. Оказывается ли въ насъ навыкъ къ лѣности, разсеянности, гулянью, или къ легкому пустому чтенію, питающему лѣнь ума, распаляющему и засаривающему наше воображеніе, — нужно, трудясь усиленно въ занятіяхъ

обязательныхъ, и въ свободное время заниматься какимъ бы то ни было полезнымъ дѣломъ, хотя бы оно и не входило въ кругъ нашихъ прямыхъ обязанностей.

Далѣе, если по несчастію окажется въ насъ навѣкъ уже трудно преодолимый и нудящій насъ къ повторенію порочныхъ удовольствій, не взирая на наше желаніе отстать отъ него, на частыя обѣщанія, какія даемъ въ этомъ передъ своею совѣстію и передъ Богомъ,—это знакъ, что мы уже „рабы грѣха“. Въ сердечномъ сокрушеніи и съ глубокимъ смиреніемъ мы должны молить Господа объ освобожденіи изъ этого тяжкаго плѣна: *изведи изъ темницы душу мою* (Пс. 141, 7). Только Онъ можетъ дать намъ и ясность ума, и рѣшимость на борьбу со страстями, и благодатную силу для побѣды.

Наконецъ, для укрѣпленія нашей воли, ослабѣвающей подъ давленіемъ порочныхъ навѣковъ, Св. Іоаннъ Златоустъ совѣтуетъ намъ прекращать плотскія удовольствія сначала на небольшіе сроки, потомъ эти сроки увеличивать, и въ промежуткахъ заниматься дѣлами противоположными нашимъ привычкамъ, чтобы худые навѣки вытѣснить изъ души нашей и замѣнить добрыми, а затѣмъ и утвердиться въ добродѣтели. „Если ты воздержисься, говоритъ онъ, отъ долговременной привычки десять дней, то потомъ легко перенесешь двадцать дней, а затѣмъ вдвое столько. Потомъ, протираясь впередъ, ты не будешь и чувствовать трудности бывшей вначалѣ, но весьма трудное дѣло найдешь весьма легкимъ и пріобрѣтешь себѣ другую привычку, и признаешь такую перемѣну удобною не только по новой привычкѣ, но и по благимъ надеждамъ“. ¹⁾ Но наиболѣе доступнымъ для всѣхъ средствомъ къ побѣжденію страстей онъ почитаетъ усердное посѣщеніе храма Божія. „Если воспламенится въ тебѣ похоть, то легко

¹⁾ Слово къ живущимъ съ дѣвственницами, 12.

можешь погасить ее только увидѣвъ этотъ храмъ; если возбудится въ тебѣ гнѣвъ, то скоро укротишь этого звѣря; если будетъ осаждать какая нибудь другая страсть, то можешь усмирить всякую бурю и водворить тишину и великій миръ въ душѣ“¹⁾).

Мы много слышимъ нынѣ разсужденій о борьбѣ съ современнымъ духомъ невѣрія, объ исправленіи народной нравственности; слышимъ утѣшительныя рѣчи о поворотѣ къ лучшему въ нашихъ убѣжденіяхъ; но главное средство для благотворнаго переворота мы указываемъ въ образованіи, въ наукахъ, въ книгахъ, въ искусствахъ и т. под. Конечно, и за это нужно благодарить Бога, такъ какъ изъ этого видно, что наболѣли сердца наши отъ заблужденій и пороковъ вѣка, и мы ищемъ исцѣленія и исправленія. Но всѣ эти разсужденія наши оканчиваются мыслями и словами, а о дѣйствительномъ освобожденіи себя отъ порочныхъ навыковъ и страстей мы не думаемъ, и не спѣшимъ *взяться за дѣло* своего нравственнаго исправленія. Попробуйте, —кого позоветъ на это совѣсть,—и вы увидите, что значать всѣ эти привычки къ удобствамъ жизни, къ роскоши и плотскимъ наслажденіямъ. Вы увидите, какъ порабощенъ вашъ духъ, какъ растерзано ваше сердце плотскими вожделѣніями, какъ разслаблена ваша воля. Но безъ усилій освободиться отъ этихъ узъ всѣ наши надежды на улучшеніе нравовъ и упроченіе нашего благосостоянія останутся безплодными мечтами. Начнемъ съ себя это исправленіе всѣ мы, взрослые и старѣющіяся чада нашего плотскаго и маловѣрнаго вѣка, а при этомъ и дѣтямъ нашимъ облегчимъ путь къ усовершенствованію заботами объ охраненіи ихъ отъ рановременныхъ порочныхъ навыковъ, какъ отъ зародышей тѣхъ страстей, отъ которыхъ мы гибнемъ. Аминь.

¹⁾ Противъ Аномеевъ XI. 4.

ЗЛО, ЕГО СУЩНОСТЬ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ.

(Продолженіе *).

Только одни христіанскіе богословы, пока они не перестаютъ быть *истинно-христіанскими*, стоятъ на твердой и непоколебимой почвѣ. Такою почвою для нихъ является именно Божественное Откровеніе. Христіанскіе богословы такъ же утверждаютъ, какъ и философствующіе мыслители, что добро есть то, что *должно быть*, а зло—то, чему *не слѣдовало бы быть*; но при опредѣленіи того, что должно быть и чего не должно бы быть, т. е., при опредѣленіи добра и зла, они прямо и исключительно руководствуются волею Божіею, какъ она выразилась, по Божественному Откровенію, въ твореніи міра и въ промышленіи о тваряхъ: что входитъ въ превѣчный планъ мірозда-нія, что заповѣдано или повелѣно Самимъ Богомъ, въ чемъ видны дѣйствія Промысла Божія для спасенія людей, то, по ученію истинно-христіанскихъ богослововъ, — добро, что противорѣ-читъ волѣ Божіей, то—зло. Только одинъ этотъ критерій (т. е. Божественное Откровеніе) для опредѣленія добра и зла можетъ быть названъ объективнымъ, неизмѣннымъ и всегда себѣ равнымъ.

Уже на первой страницѣ Библии подъ добромъ ясно разу-мѣется нѣчто такое, что входитъ въ Божественный планъ мірозда-нія, что получило свое бытіе непосредственно отъ Бога и что обладаетъ всѣми свойствами и совершенствами, которыя предначертаны Божественною премудростію. По свидѣтельству Слова Божія, Самъ Богъ *семь разъ* назвалъ Свое твореніе—добрымъ, хорошимъ (Быт. 1, 4. 8. 10. 12. 18. 21. 25); а по

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1896 г. № 1.

окончаніи творенія, какъ замѣчаетъ Бытописатель (Быт. 1, 31), „увидѣлъ Богъ все, что Онъ создалъ, и вотъ *хорошо весьма*“. Поэтому добро, какъ существующее въ мірѣ согласно превѣчному плану мірозданія, т. е., согласно Божественной мудрости и благодати, христіанскіе богословы всегда опредѣляли какъ нѣчто субстанціальное и существенно необходимое, какъ то, что *должно быть*. Но въ выраженіи—„*должно быть*“ необходимо мыслится понятіе *бытія* или жизни и именно такого бытія и такой жизни, какія *должны быть*, т. е. вполне удовлетворяющія благимъ требованіямъ воли Божіей. Такимъ образомъ бытіе или жизнь, вполне согласная съ предначертаніями Божественной премудрости и волею Божіею, какъ говорятъ истинно вѣрующіе люди, есть самая высшая форма добра, проявляющагося въ этомъ мірѣ, или адекватное выраженіе своей идеи, какъ говорятъ философствующіе мыслители. И жизнь поэтому не безъ основанія называютъ драгоценнымъ даромъ Божіимъ или высшимъ *благомъ* человѣка на землѣ. Съ этой точки зрѣнія, само собою разумѣется, уже легко указать и всѣ тѣ дѣйствія и явленія, которыя должны быть названы *добрыми*. Это—тѣ дѣйствія и тѣ явленія, которыя даютъ возможность бытію или жизни правильно развиваться по пути, предуказанному Божественнымъ Промысломъ и предначертанному въ самой идеѣ истиннаго богоугоднаго бытія или *долженствующей быть* жизни.

Такъ какъ зломъ всѣ, какъ мы видѣли, признаютъ то, что составляетъ совершенную противоположность добру, то послѣ сказаннаго уже не трудно опредѣлить и понятіе *зла*. Если добро есть нѣчто субстанціальное, существенное и необходимое, какъ явившееся въ этомъ мірѣ согласно Божественному плану мірозданія, или согласно идеѣ истиннаго бытія; то зло, слѣдовательно, есть нѣчто случайное, не субстанціальное, то, *чему бы не слѣдовало быть*, что несогласно съ волею Божіею и что не входило, какъ составная и необходимая часть, въ Божественный планъ мірозданія,—что не создано Богомъ, и съ чѣмъ человѣкъ можетъ и долженъ вступить въ борьбу. Вотъ почему хотя зло разлилось въ мірѣ бурнымъ потокомъ, и даже какъ бы грозитъ одержать побѣду надъ добромъ, но всѣ мы глубоко убѣждены, что это явленіе не необходимое, что *такъ* не должно

бы быть, что зло когда либо долженъ быть положенъ конецъ, потому что хотя оно и существуетъ, но оно есть именно то, чего не должно было бы быть. Наши симпатіи всегда находятся на сторонѣ даже побѣждаемаго добра, которое навсегда останется для человѣка предметомъ, достойнымъ стремленія и одобренія. Напротивъ, зло мы презираемъ, мы признаемъ его заслуживающимъ отвращенія и негодованія и—именно потому, что, по нашему убѣжденію, оно есть то, что не должно быть. Мы можемъ питать (и питаемъ) состраданіе къ убійцѣ; но одобрять его злодѣянія не станетъ даже самый развратный и безирравственный человѣкъ, если только онъ не утратилъ способности здраво мыслить; да и состраданіе наше въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ ему подобныхъ, вытекаетъ именно изъ нашего сознанія, что человѣкъ совершилъ то, *чего не должно быть*, что противно волѣ Божіей и назначенію самаго человѣка, какъ оно указано въ Божественномъ Откровеніи. Мы скорбимъ о томъ человѣкѣ, который своею дурною, развратною жизнію разрушаетъ свое здоровье и разумный строй своей жизни. Мы сознаемъ, что его поведеніе *дурно*, не естественно, такое, котораго *не должно бы быть*, что оно есть зло и для него, и для другихъ,—и мы находили бы хорошимъ, естественнымъ и разумнымъ, т. е., дѣломъ *добрымъ*, если бы этотъ человѣкъ оставилъ свою порочную жизнь и сталъ вести себя такъ, какъ *должно*, какъ *слѣдуетъ*, т. е., согласно своему назначенію или,—говоря точнѣе словами людей истинно вѣрующихъ,—если бы онъ снова сталъ жить, какъ того требуетъ воля Божія, ясно возвѣщенная людямъ въ Божественномъ Откровеніи.

Такимъ образомъ, и по своей идеѣ и по всеобщему убѣжденію человечества, зло есть то, чего не должно было бы быть, есть явленіе не субстанціальное, а случайное, противное Божественному плану мірозданія и промышленія, и какъ ни глубоко коренится оно въ мірѣ и въ особенности въ природѣ человѣка, но всѣ согласны съ тѣмъ, что оно есть явленіе не естественное и разрушительное, съ которымъ такъ или иначе нужно бороться для того, чтобы смягчить его разрушительныя дѣйствія или даже положить конецъ самому его существованію, хотя въ то же время человѣческое сознаніе ясно видитъ

всегда всю недостаточность естественныхъ силъ и средствъ для полнаго достиженія этой великой цѣли.

И исторія, и ежедневный опытъ ясно свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что все человѣчество не признаетъ зла бытіемъ субстанціальнымъ, что все человѣчество убѣждено, что зло есть то, чего не должно бы быть, почему всѣ лучшіе люди всегда дружно работали и работаютъ особенно усиленно въ настоящее время надъ изысканіемъ средствъ для борьбы со зломъ и, гдѣ возможно, для совершеннаго искорененія его. Такъ, агрономы стараются найти средство, которое бы заставило землю вмѣсто терній и волчцовъ давать прекрасные плоды и обильные урожаи; ветеринары ведутъ борьбу съ болѣзнями животныхъ; акушеры и акушерки работаютъ надъ отысканіемъ средства, чтобы въ меньшихъ болѣзняхъ происходило рожденіе дѣтей; врачи заботятся объ облегченіи человѣческихъ страданій и недуговъ, стараясь, насколько возможно, отдалить отъ человѣка день его смерти. Средневѣковые алхимики нерѣдко въ теченіе всей своей жизни работали надъ отысканіемъ „философскаго камня“, который бы навсегда освободилъ человѣка отъ роковой его участи: „земля еси и въ землю отыдеши“. Педагоги указываютъ средства для уничтоженія дурныхъ или злыхъ наклонностей, проявляющихся уже у дѣтей. Законодатели трудятся надъ тѣмъ, чтобы изгнать зло изъ общественной и государственной жизни; той же цѣли, хотя и другими средствами, стараются достигнуть богословы и философы, проповѣдники и публицисты, литераторы и поэты, осуждающіе человѣческіе пороки и восхваляющіе добродѣтели. Всѣ эти общественные дѣятели, всѣ эти лучшіе представители человѣчества самую своею дружною работою ясно свидѣтельствуютъ о своемъ убѣжденіи, что хотя зло есть и универсальное явленіе, но что оно существуетъ не необходимо, что слѣдовательно борьба съ нимъ возможна и даже неизбѣжна.

Средневѣковые богословы, какъ, напр. Эригена, Петръ Ломбардъ и Николай Кузанскій,—опредѣляли еще зло, какъ только простое отрицаніе добра. Но уже Тома Аквинатъ нашелъ такое опредѣленіе зла неудовлетворительнымъ и отвергъ его. Въ свою очередь онъ опредѣлилъ зло какъ *privatio boni debiti*, т. е., какъ лишеніе или отнятіе того добра, которое *должно быть*

и поставленіе на его мѣсто того, чего не должно было бы быть. Это опредѣленіе зла и теперь является господствующимъ у католическихъ богослововъ. И дѣйствительно, въ немъ вѣрно указывается черта, характеризующая основное свойство зла. Если здоровье, напр., должно быть признано добромъ или благомъ, потому что оно содѣйствуетъ высшему благу—бытію въ его дальнѣйшемъ развитіи и согласно его Божественному назначенію, то ясно, что лишеніе или потеря этого блага и замѣна его болѣзнію и физическими страданіями есть зло, такъ какъ такая замѣна препятствуетъ или, по крайней мѣрѣ, затрудняетъ правильное развитіе бытія и ускоряетъ разрушеніе, гибель, небытіе.

Если зло есть то, чего не должно было бы быть, то ясно, что самую выдающуюся формою его проявленія должно быть признано разрушеніе, беспорядокъ, смерть, небытіе и уничтоженіе. А съ этой точки зрѣнія легко уже опредѣлить и всѣ тѣ дѣйствія, всѣ тѣ явленія, которыя должны быть названы *злыми*. Это—тѣ явленія и тѣ дѣйствія, которыя производятъ беспорядокъ, разрушаютъ правильное теченіе жизни, ускоряютъ или причиняютъ смерть, погибель, уничтоженіе...

Такъ какъ въ настоящемъ мірѣ мы различаемъ два рода бытія—бытіе физическое и бытія духовное, то понятно, что только въ этихъ двухъ формахъ бытія проявляется и зло: а) *зло физическое* и *зло моральное* или *нравственное*. *Физическимъ зломъ* называется все то, чего, по нашему убѣжденію, не должно было бы быть въ физической природѣ, что нарушаетъ порядокъ внѣшней жизни и что вообще затрудняетъ правильное развитіе физическаго бытія, напримѣръ, пожары, голодъ, вулканическія изверженія, землетрясенія, физическія страданія, болѣзни, смерть. *Нравственнымъ* или *моральнымъ зломъ* (вопреки общепринятому словоупотребленію слѣдовало бы эту форму зла назвать *зломъ въ области нравственной жизни*, а не *нравственнымъ зломъ*) называется все то, чего не должно было бы быть въ области нравственной или духовной жизни, что нарушаетъ правильный строй ея, производитъ уклоненіе отъ богоугоднаго развитія нравственнаго бытія, однимъ словомъ—то, что въ религіозной области обыкновенно называется грѣхомъ.

Августина и въ особенности *Лейбница* ¹⁾ указываютъ еще третій видъ зла—зло, такъ называемое,—*метафизическое*, подъ которымъ они разумѣютъ, собственно, „простое несовершенство“ или ограниченность конечныхъ существъ и конечнаго бытія, отсутствіе у извѣстнаго рода существъ такихъ дѣйствій и атрибутовъ, которые, по самому назначенію своему, могутъ принадлежать существамъ иного и преимущественно—высшаго порядка. Но то, что является результатомъ ограниченности конечнаго бытія, очевидно, еще не должно быть признаваемо зломъ. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ ли считать зломъ то, что конечное создано не безконечнымъ, что растенія лишены разсудка, что человѣкъ не обладаетъ крыльями и не можетъ, подобно орлу, парить въ небесахъ, что онъ не всевѣдущъ или что, по ограниченности своего разума, онъ не можетъ постигнуть самой сущности вещей, что онъ не всемогущъ, не вездѣсущъ, т. е., что онъ созданъ только человѣкомъ и не можетъ обладать божескими свойствами? Конечное существо вовсе не совершаетъ зла, когда оно дѣйствуетъ въ предѣлахъ своего назначенія и когда его дѣйствія по необходимости являются ограниченными. Конечное существо, при всей своей ограниченности, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ даже иногда сознать себя вполне счастливымъ и не испытывающимъ тѣхъ мученій, отъ которыхъ не бываютъ свободными и существа менѣе его ограниченные. Ежедневный опытъ свидѣтельствуетъ ясно, что жизнь бѣднаго крестьянина нерѣдко складывается гораздо лучше и счастливѣе, чѣмъ жизнь человѣка, обладающаго большими средствами и стоящаго на высшей ступени умственнаго развитія. Что такъ называемое метафизическое зло, не есть зло въ собственномъ смыслѣ, это прямо вытекаетъ и изъ самаго понятія о злѣ. Какъ мы сказали уже, зло есть лишеніе добра, т. е., того, что должно быть, что должно принадлежать извѣстному существу согласно его идеѣ или его познанію по превѣчному плану мірозданія. Поэтому, напримѣръ, лишеніе зрѣнія для человѣка есть несомнѣнное зло. Но ученіе о метафизическомъ злѣ выходитъ уже за предѣлы такого понятія о злѣ и хочетъ счи-

¹⁾ ВѢра и Разумъ, 1889, Отд. философ., т. II, ч. I, стр. 1.

татъ зломъ даже не лишеніе, а *неимѣніе* или простое отсутствіе того, что по самому назначенію своему не должно принадлежать существамъ даннаго порядка.

При сужденіи о злѣ и его сущности, необходимо постоянно имѣть въ виду, что явленія и дѣйствія какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ мірѣ *сами по себѣ*, собственно говоря, не могутъ быть признаваемы ни добрыми, ни злыми, но они являются таковыми только въ зависимости отъ своего направленія, которое они принимаютъ, а слѣдовательно и отъ того, соотвѣтствуютъ ли они, по своему направленію и характеру, плану мірозданія или уклоняются отъ него, содѣйствуютъ ли они достиженію блага или противодѣйствуютъ ему. Слѣдовательно, и сущность зла нужно полагать не въ тѣхъ явленіяхъ и дѣйствіяхъ, которыя мы называемъ злыми, а въ томъ началѣ или силѣ, которая даетъ этимъ дѣйствіямъ направленіе, несогласное съ цѣлями богоугоднаго бытія, и потому дѣлаетъ ихъ злыми. Желѣзная дорога, на примѣръ, имѣетъ своимъ назначеніемъ—доставлять пассажирамъ удобство сообщенія. Пока поѣздомъ управляетъ лицо, честно выполняющее свои обязанности, и пока не примѣшивается къ его дѣйствіямъ какая-либо *злая воля*, мы пользуемся всѣми благами этого великаго изобрѣтенія и признаемъ его дѣломъ добрымъ, благословляя великій и гениальный умъ изобрѣтателя. Но какъ скоро управленіе желѣзной дороги попадаетъ въ руки дурныхъ и безнравственныхъ людей, не соотвѣтствующихъ своему назначенію, *разг* вмѣшиваются въ это дѣло злоумышленники,—и это гениальное изобрѣтеніе можетъ причинить людямъ страшное зло и невыразимыя бѣдствія. И такъ ясно, что даже одно и то же дѣйствіе или явленіе можетъ быть и добрымъ и злымъ, смотря по тому, изъ какого источника оно вытекаетъ и какая сила его движетъ. Таковыми въ особенности оказываются явленія въ области физической природы.

Такъ называемое физическое зло въ области внѣшней природы является главнымъ образомъ въ формѣ временнаго и случайнаго нарушенія порядка, или правильнаго теченія жизни, и, *само по себѣ* будучи физическимъ явленіемъ совершенно естественнымъ, т. е., происходящимъ по неизмѣннымъ законамъ

природы оно оказывается зломъ, собственно говоря, *только для человека* и лишь отчасти для животныхъ, причиняя имъ вредъ, убытки, скорби, болѣзни, а нерѣдко—и смерть. Такъ, напр., наводненіе—само по себѣ явленіе не только естественное, но во многихъ отношеніяхъ даже благотворное; тѣмъ не менѣе сколько оно иногда причиняетъ зла *людямъ* и животнымъ, затопляя цѣлые города, ссела, поля, разрушая жилища, оставляя множество семействъ безъ крова, безъ пищи, безъ имущества, отымая у многихъ жизнь, распространяя различныя болѣзни, унося кормъ, приготовленный для скота и т. д!.. Солнце согрѣваетъ и освѣщаетъ всю землю; безъ него самъ человекъ не могъ бы существовать на землѣ; въ зависимости отъ него находится вся жизнь природы—и людей, и животныхъ, и растеній; оно вліяетъ на составъ и характеръ воздуха, на климатъ, на достоинство всѣхъ земныхъ плодовъ. Было время, когда люди даже боготворили это небесное свѣтило, опредѣляющее предѣлы дня и ночи, боготворили, высоко цѣняя его благотворное значеніе для жизни. Но это же самое, столь благотѣльное во многихъ отношеніяхъ свѣтило, нерѣдко оказывается причиною страшныхъ бѣдствій для человека, причиняя смерть (солнечный ударъ), засухи, неурожаи, болѣзни, истребляя луговые травы, только лишь взшедшіе на поляхъ посѣвы и т. п. Прекрасна и восхитительна картина, изображающая вулканическое изверженіе Везувія; но сколько горя и зла жителямъ Помпей принесло это само по себѣ совершенно естественное явленіе природы! Землетрясеніе, произведшее нѣкогда страшное опустошеніе въ Лиссабонѣ и Греціи, будучи явленіемъ, происходящимъ по неизмѣннымъ физическимъ законамъ, и теперь причиняетъ людямъ нерѣдко ужасныя бѣдствія и производитъ страшную панику не только между людьми, но и между животными. Та самая буря, которая очищаетъ воздухъ, также нерѣдко является причиною великихъ бѣдствій и скорбей, производя кораблекрушенія со множествомъ человѣческихъ жертвъ, разрушая дома, опустошая поля, истребляя деревья, усиливая пламя пожара и т. д. Благотворный для земли и воздуха, дождь, котораго часто такъ молятъ у Бога хлѣбопашецъ, размываетъ однако же иногда цѣлыя горы, скалы которыхъ, обру-

шиваясь внизъ, покрываютъ собою нерѣдко даже цѣлыя селенія или, по крайней мѣрѣ, производятъ въ нихъ страшныя опустошенія. Кромѣ того, этотъ же самый благотворный для плодородія земли дождь, промочивъ до кости человѣка, нерѣдко причиняетъ ему страданія, болѣзни, а иногда даже и смерть, дѣлаетъ несчастными сиротами его дѣтей и такимъ образомъ увеличиваетъ въ мѣрѣ скорби, страданія и бѣдствія. Растенія составляютъ прекрасную и здоровую пищу для человѣка и животныхъ; но сколько есть между ними ядовитыхъ и вредныхъ,— и сколько погибло людей, сколько испытано зла, пока человѣчество научилось распознавать эти ядовитыя растенія! Воздухъ есть величайшее благо для человѣка, животныхъ и растеній; безъ него ни человѣкъ, ни животныя, ни растенія такъ же не могли бы существовать, какъ и безъ солнца или воды,— и однако-же этотъ самый воздухъ, насыщенный мѣзмами и вредными микроорганизмами, часто бываетъ единственнымъ и самымъ удобнымъ проводникомъ различныхъ эпидемическихъ болѣзней—чумы, холеры, моровой язвы. А это зло столь ужасно для человѣчества, что христіанская церковь нашла необходимымъ въ число своихъ обязательныхъ и ежедневныхъ молитвъ ввести даже особое прошеніе „о благораствореніи воздухонъ“. Пусть всѣ эти и подобныя имъ явленія въ области физической природы совершаются по необходимымъ и неизмѣннымъ законамъ природы; пусть они признаются съ полною справедливостію явленіями благотворными и во многихъ отношеніяхъ весьма полезными. Но неоспоримо также и то, что они причиняютъ много зла, скорбей, бѣдствій и страданій людямъ и даже отчасти животнымъ. Отчего же это зло падаетъ на голову несчастныхъ людей? Отчего эти явленія не ограничиваются только одними благотворными послѣдствіями? Какъ объяснить себѣ то, что одни и тѣ же явленія въ области физической природы въ одно и то же время для однихъ бываютъ благотѣльными, для другихъ вредными? Отчего всѣ люди не получаютъ отъ нихъ одного только добра и пользы?—Конечно, причиною *многихъ* бѣдствій, испытываемыхъ отъ этихъ явленій физического міра, можетъ быть признанъ самъ человѣкъ, поступающій часто неосмотрительно и необдуманно и не берегущій са-

мага себя. Такъ можно объяснить простуду отъ дождя и холода, нѣкоторыя бѣдствія во время наводненія, пожара, бури и т. п. Тѣмъ не менѣе много еще остается и такихъ физическихъ бѣдствій, которыхъ не можетъ предотвратить самый осторожный и предусмотрительный человѣкъ; таковы, напр., засухи, неурожаи, землетрясенія, градобитія и т. д. Впрочемъ, уже одно то обстоятельство, что эти явленія въ области физической природы сами по себѣ безразличны, что они являются *иногда* злыми только для людей и при томъ—не всегда для всѣхъ, а лишь для нѣкоторыхъ, заставляетъ насъ, такъ сказать, предугадывать, что причину этого зла слѣдуетъ искать не въ физической природѣ, а у самаго человѣка, для котораго эти явленія только и оказываются зломъ.

Если въ физическомъ неодушевленномъ мѣрѣ проявленіе зла замѣтно еще не съ особенною ясностію, его характеръ еще не обнаруживается съ достаточною опредѣленностію, и если здѣсь оно можетъ быть понимаемо только въ смыслѣ нѣкотораго безпорядка, происходящаго въ природѣ, въ смыслѣ вреда, убытка и непріятности для человѣка и отчасти для остальныхъ животныхъ; то природа одушевленная, мѣрѣ живыхъ существъ—отъ насѣкомыхъ до человѣка—представляется уже какъ-бы исключительнымъ царствомъ зла, насилія, борьбы, враждебности, смерти и уничтоженія. Здѣсь именно господствуетъ тотъ роковой законъ, который принято нѣкоторыми называть „bellum omnium contra omnes“—„войною всѣхъ противъ всѣхъ“. Весь видимый нами мѣрѣ какъ-бы наполненъ существами, безгранично враждебными другъ другу. Насѣкомыя, пресмыкающіяся и животныя истребляютъ и уничтожаютъ другъ друга самымъ безжалостнымъ и беспощаднымъ образомъ. И цѣлію этой всеобщей борьбы ставится не побѣда только одного живого существа надъ другимъ, или ограниченіе одного въ пользу другаго, а совершенное уничтоженіе и смерть другаго существа, т. е., зло въ его наивысшемъ обнаруженіи. Нѣкоторые оптимисты, а также и многіе католическіе богословы даже въ истребленіи животными другъ друга еще не видятъ настоящаго зла и почти готовы признать это явленіе добромъ или, по крайней мѣрѣ, порядкомъ, который *долженъ* существо-

вать даже въ наилучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. „Что касается зла, которое претерпѣваетъ неразумная тварь (насколько у нея можетъ быть рѣчь о злѣ), говоритъ, напр., католическій богословъ Гаке ¹⁾, то повсюду оно является какъ *средство для высшей цѣли* (принципъ іезуитовъ!), въ сущности не какъ нарушение (?), а какъ сохраненіе физическаго порядка. Смотрятъ напр., какъ на зло на то, что такъ часто солнечный лучъ опаляетъ растеніе, наводненіе опустошаетъ цѣлыя засѣянные поля, молнія раскалываетъ могучій дубъ, точно также, что растенія безжалостно истребляются животными, а эти послѣднія—опять другъ другомъ и въ особенности человѣкомъ, ихъ страшнѣйшимъ врагомъ. Но на эти различные индивидуумы и роды твореній слѣдуетъ смотрѣть не какъ на изолированныя существа, но какъ на членовъ и особенные виды высшаго и болѣе всеобщаго порядка, которые поѣтому подчиняются также и высшимъ, болѣе всеобщимъ законамъ. Если въ физическомъ мірѣ сохраненіе цѣлаго и всеобщаго порядка требуетъ, чтобы было уничтожено отдѣльное и разрушенъ особый порядокъ, то зло низшаго порядка *становится добромъ* высшаго и потому не есть доказательство *противъ*, но наоборотъ *въ пользу* премудрости Божіей. Конечно, —заключаетъ указанный католическій богословъ,—мы не всегда знаемъ связь особенныхъ золъ и малыхъ беспорядковъ со всеобщимъ порядкомъ, потому что мы не знаемъ совершенно системы законовъ, которыми управляется міръ. Если бы мы могли обозрѣть всѣ кольца въ великой цѣпи міровыхъ вещей, какъ Тотъ, Который держитъ въ Своей всемогущей рукѣ первое и послѣднее, то тамъ, гдѣ намъ является теперь беспорядокъ и дисгармонія, мы увидѣли бы только чудный порядокъ и гармонію. Но наше незнаніе ни въ какомъ случаѣ не уполномочиваетъ насъ роптать на Творца и Правителя универса“.

Совѣршенно вѣрно, что „борьба всѣхъ противъ всѣхъ“, господствующая въ царствѣ животныхъ, ничего не говоритъ *противъ* премудрости Творца и Благопромыслителя, какъ испорченные своенравными дѣтьми часы ничего не говорятъ про-

1) Handbuch der allgem. Religionswissenschaft. 1875 стр. 110.

тивъ мудрости часового мастера, прекрасно устроившаго ихъ съ самаго начала. Совершенно вѣрно, что никто не имѣеть права роптать на Бога за существующее въ мірѣ зло; такъ какъ не Онъ долженъ быть признанъ его виновникомъ. Но, какъ мы видѣли, нельзя судить о злѣ и съ точки зрѣнія цѣлесообразности, потому что въ этомъ случаѣ мы допустимъ совершенное смѣшеніе нравственныхъ понятій и не только отождествимъ добро со зломъ, но и признаемъ зло главнымъ источникомъ добра, какъ это случилось у Лейбница. Вѣрно и то, что въ настоящемъ мірѣ одно животное поддерживаетъ свое существованіе на счетъ другихъ. Но кто все таки не содрогнется всѣмъ существомъ своимъ, видя какъ кровожадный волкъ растерзываетъ своими зубами беззащитнаго ягненка? Кого не возмутитъ пролитая и сгустившаяся кровь даже и растерзаннаго животнаго? А это что значитъ, какъ не то, что само существо наше возмущающееся при видѣ страданій животныхъ свидѣтельствуетъ намъ, что эти явленія *не должны бы имѣть мѣста*, что они—зло?

Оптимисты, кромѣ того, обходятъ глубокимъ молчаніемъ длинный рядъ явленій, которыя совершенно не объяснимы съ ихъ точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что животныя истребляютъ другъ друга не всегда только для поддержанія своего дальнѣйшаго существованія; не всегда на уничтоженіи однихъ развѣвается бытіе другихъ. Напротивъ, еще чаще животныя истребляютъ другъ друга какъ бы только потому, что одни изъ нихъ сильнѣе другихъ, что они могутъ уничтожать и истреблять другія существа, болѣе слабыя и беззащитныя. Кажется какъ будто бы въ этомъ отношеніи они дѣйствуютъ по какому-то роковому закону, въ силу котораго они *должны* только уничтожать, умерщвлять и истреблять другъ друга. Собаки, напр., съ непонятною злостью и свирѣпостью нападаютъ на безсильнаго, беззащитнаго и никакого имъ зла не сдѣлавшаго кролика, терзаютъ его безжалостно на части и только послѣ этого приходятъ въ себя и успокаиваются; онѣ даже не ѣдятъ его, а только отнимаютъ у него жизнь, уничтожая его безъ всякой надобности. Въ жалкомъ кроликѣ собаки не могутъ видѣть и своего врага, такъ что дѣйствіе ихъ нельзя объяснить ни само-

защитою, ни инстинктивнымъ побужденіемъ къ поддержанію своего существованія. Зачѣмъ же отнимаютъ они жизнь хотя бы то и у кролика? Кому она нужна? Зачѣмъ произведено это уничтоженіе бытія? Какой смыслъ въ этомъ злѣ? Но такимъ же точно образомъ и кошка мучаетъ беззащитную птичку или мышь. Она даже не уничтожаетъ ихъ сразу, но только какъ-бы наслаждается страданіями и смертію истребляемыхъ ею существъ. „Такъ непрестанно, отъ червя до человѣка, говоритъ Э. Навиль, осуществляется въ мірѣ страшный законъ, обрекающій живыя существа на взаимное самоистребленіе. Вся земля, непрерывно напоемая кровію, представляетъ какъ-бы одинъ необозримый алтарь, на которомъ все живущее должно закалаться до конца, безъ мѣры, безъ пощады. Родиться, страдать, умереть и причинять другъ другу страданія и смерть—такова судьба животныхъ. Зло, тяготѣющее надъ нами, есть общій законъ жизни“.

Если мы обратимъ вниманіе на самое устройство животныхъ организмовъ, то мы увидимъ, что этой враждебности животныхъ другъ къ другу, ихъ борьбѣ и взаимному самоуничтоженію не только покровительствуетъ, но и содѣйствуетъ сама природа, потому что она даетъ животнымъ всѣ средства для этой борьбы и взаимнаго истребленія, средства—не для самозащиты только, но и для нападенія: хищническіе инстинкты, кровожадность, силу, мускулы, зубы, когти, клювъ, ядъ, рога и т. п.

Самымъ страшнымъ врагомъ и истребителемъ всего живущаго на землѣ является, безъ сомнѣнія, человѣкъ. „Онъ убиваетъ, говоритъ Эрнестъ Навиль, чтобы утолить свой голодъ, убиваетъ, чтобы заставить одѣждою, убиваетъ, чтобы имѣть чѣмъ украшать свое тѣло, убиваетъ нападая, убиваетъ защищаясь, убиваетъ въ интересахъ науки, убиваетъ для забавы, убиваетъ потому, что хочетъ и можетъ убивать“. Но въ свою очередь звѣри и животныя также хорошо знаютъ своего непримимаго врага и потому готовы въ каждый удобный моментъ отплатить ему наивозможно бѣльшимъ зломъ. Трудно даже опредѣлить, какъ много въ мірѣ живыхъ существъ, которыя могутъ причинить человѣку не только страшный вредъ, но и самую мучительную смерть. Никогда и нигдѣ онъ не можетъ счи-

татъ себя въ безопасности отъ этихъ раздраженныхъ враговъ своихъ—наѣкомыхъ, пресмыкающихся, хищныхъ звѣрей и разныхъ животныхъ.

Шопенгауэръ совершенно справедливо утверждаетъ, что страданія, какъ зло, всегда находятся во внутренней связи съ развитіемъ самосознанія. Страдаетъ только тотъ, кто ясно сознаетъ причиняемая ему страданія. Врачи, намѣреваясь сдѣлать больному трудную операцію, которая должна причинить ему тяжкія страданія, обыкновенно даютъ ему средства, способныя лишить человѣка на нѣкоторое время его сознанія. Потерявшій свое сознаніе чрезъ опьяненіе спиртными напитками, часто вовсе не чувствуетъ болей, которыя причиняются ему въ это время. Поэтому, какъ бы кто ни смотрѣлъ на животныхъ и ихъ внутреннюю жизнь, но въ виду отсутствія у нихъ самосознанія, ихъ страданій нельзя даже и сравнить съ тѣми страданіями, которыя испытываетъ человѣкъ, одаренный въ полной степени самосознаніемъ и разумомъ. Вотъ почему въ самыхъ ужасныхъ размѣрахъ зло обнаруживается именно въ жизни людей, и здѣсь, собственно, выясняется уже дѣйствительный характеръ зла.

По дѣйствіямъ человѣка мы можемъ съ точностію уже опредѣлить, что источникомъ какъ зла, такъ и добра въ человѣческой жизни служитъ *воля* самаго человѣка. Ежедневный опытъ свидѣтельствуетъ намъ, что когда эта воля направляется разумною любовію, человѣкъ дѣлаетъ добро; когда волю человѣка двигаетъ эгоизмъ, она становится источникомъ зла. Изъ дѣйствій человѣка мы ясно видимъ и то, что степень и количество зла, совершаемаго человѣкомъ, находятся въ прямой зависимости отъ степени развитія его эгоистическихъ страстей. „Извнутри, изъ сердца человѣческаго“, лишеннаго любви и порабощеннаго эгоизмомъ, „исходятъ злые помыслы, прелюбодѣянія, любодѣянія, убійства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство“ (Марк. 7, 21. 22) ¹⁾.

¹⁾ Это обстоятельство необходимо постоянно имѣть въ виду, потому что нѣкоторыя явленія, по существу *зла*, могутъ имѣть видъ добрыхъ и наоборотъ; поведеніе, напр., змѣи—искупители въ раю, какъ и все вообще соблазны по виду представляются какъ бы дѣйствіями доброжелательными, но они—зло, потому что исходятъ изъ злого источника.

Къ сожалѣнію, какъ это можетъ видѣть каждый, въ жизни человѣка гораздо въ большей мѣрѣ господствуетъ эгоизмъ, чѣмъ любовь; а потому и человѣкъ больше дѣлаетъ зла, чѣмъ добра. Нѣтъ порока, нѣтъ злодѣянія, нѣтъ преступленія, на которыя не былъ бы способенъ человѣкъ, руководящійся въ своей жизни и въ своей дѣятельности эгоистическими побужденіями. Въ причиненіи зла себѣ и своимъ ближнимъ онъ превосходитъ иногда самыхъ злыхъ и самыхъ кровожадныхъ звѣрей. Тюрьмы и ссылочныя мѣста наполнены отцеубійцами, матереубійцами, дѣтоубійцами. Много ли звѣрей можно найти способными къ такого рода злодѣяніямъ? Извѣстны ли между ними случаи самоубійства? Способно ли хотя одно животное, подобно человѣку, развратною и грязною жизнію разстраивать свое здоровье и ускорять свою смерть? А что сказать объ ужасныхъ войнахъ, похищающихъ сотнями тысячъ человѣческія жизни, причиняющихъ ужасныя страданія раненымъ, лишаящихъ семейства кормильцевъ, отнимающихъ у престарѣлыхъ родителей сыновей, у дѣтей—отцовъ, у женъ—мужей, а у народовъ—здоровыя и полезныя силы? „Ничто такъ не противно природѣ человѣка, какъ война, говоритъ Навиль, и ни на что онъ не устремляется съ такимъ рвеніемъ, какъ на войну“. Далѣе,— сколько горя испытываетъ человѣкъ отъ всевозможныхъ болѣзней, страданій и нравственныхъ мученій! Сколько зла приносить ему нищета, неудачи въ дѣлахъ, мелочныя интриги, проiski, клевета, угрызенія совѣсти, старость и страхъ смерти! „Представьте себѣ толпу людей въ цѣняхъ, приговоренныхъ къ смерти“, говоритъ Паскаль ¹⁾; „каждый день нѣкоторые изъ нихъ умерщвляются въ виду остальныхъ; остающіеся видятъ свое собственное положеніе въ положеніи имъ подобныхъ, и смотря другъ на друга съ чувствомъ скорби и безнадежности, ожидаютъ своей очереди. Вотъ картина положенія человѣчества“.

Весь свой вѣкъ человѣкъ трудится въ потѣ лица своего, и весь свой вѣкъ онъ однако-же бѣдствуетъ, скорбитъ и не имѣетъ покоя. „По истинѣ всѣ труды человѣка—для рта его, а душа его не насыщается“ (Еккл. 6, 7). И тамъ, гдѣ человѣкъ

¹⁾ Мысли о религіи. Перев. С. Долгова. М. 1892. стр. 58.

думаетъ найти свое счастье онъ въ большинствѣ случаевъ находитъ только „суету суеть“, горе, скорби, страданія, болѣзни, вражду и неизсякаемый источникъ мученій. Ищетъ онъ, подобно Соломону, счастья въ семьѣ, но часто находитъ врага въ самой женѣ своей; ищетъ онъ счастья въ дѣтяхъ, но они приносятъ ему только огорченія и новыя заботы; считаетъ онъ источникомъ счастья богатство,—а оно оказывается только во вредъ ему. Понятны послѣ этого слова Соломона: „И возненавидѣлъ я жизнь, потому что противны стали мнѣ дѣла, которыя дѣлаются подь солнцемъ“ (Еккл. 2, 17).

Изъ сказаннаго видно, что въ человѣческой жизни формы проявленія зла гораздо сложнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ въ области внѣшней природы и царствѣ животныхъ. Въ человѣческой жизни то, чего не должно бы быть, является и какъ зло физическое, и какъ зло моральное. Первое обнаруживается въ формѣ физическихъ страданій, болѣзней, бѣдствій и смерти; второе—въ формѣ погрѣшностей и заблужденій, въ особенности же—въ формѣ уклоненія человѣческой воли отъ воли Божіей, т. е., во грѣхахъ. Наконецъ, въ человѣческой жизни есть еще особый видъ зла—*malum societatis*, подь которымъ обыкновенно разумѣютъ всѣ тѣ непріятности, невзгоды, лишенія и скорби, которыя долженъ испытывать каждый человѣкъ, какъ членъ общества, или государства.

Впрочемъ, многіе мыслители, въ особенности же *детерминисты* и оптимисты, желаютъ значительно смягчить, если не уничтожить совсѣмъ характеръ зла въ области человѣческой жизни. Но попытки этихъ мыслителей должны быть признаны однако-же неудачными.

Что детерминисты, отвергая свободу человѣческой воли, не признаютъ зла даже въ формѣ грѣха, объ этомъ мы будемъ говорить подробно въ свое время, когда будемъ разсматривать вообще возраженія, направляемыя противъ богооткровеннаго ученія о происхожденіи зла въ міръ. Тогда мы ясно увидимъ также и то, что детерминистическое ученіе основывается на совершенно ложныхъ началахъ.

Другіе мыслители не признаютъ зломъ человѣческихъ заблужденій, потому что заблужденія, по ихъ мнѣнію, прина-

длежать къ дѣятельности только одного ума, а не воли. Но уже *Паскаль* совершенно справедливо замѣгилъ ¹⁾: „Мы познаемъ истину не однимъ разумомъ, но и *сердцемъ*; этимъ-то послѣднимъ путемъ мы постигаемъ первыя начала, и напрасно старается оспаривать ихъ разумъ, который тутъ совсѣмъ не у мѣста“. Но такимъ же точно путемъ усваиваются нами и *заблужденія*. Особенно это нужно сказать о философскихъ міровоззрѣніяхъ. Ни одинъ изъ добросовѣстныхъ мыслителей не можетъ утверждать, что его взгляды и мнѣнія основываются на такихъ несомнѣнныхъ *раціональныхъ* данныхъ, которыя не находятся въ зависимости отъ сердца. Всѣ философскія ученія определяются главнымъ образомъ лишь внутреннимъ и субъективнымъ чувствомъ, такъ сказать, симпатіями и антипатіями каждаго мыслителя. Добросовѣстные мыслители сознаются въ этомъ открыто. „Міровоззрѣнія, говоритъ, напр., *Рилл*, не суть дѣло только одного разсудка... Сердце, а не разсудокъ, есть настоящій виновникъ ихъ... Относительно выбора метафизической системы вопросъ рѣшаютъ только склонность и вкусъ“. И дѣйствительно, только съ этой точки зрѣнія личныхъ симпатій и антипатій можно объяснить себѣ то обстоятельство, почему извѣстные мыслители отдають предпочтеніе одной философской системѣ предъ другою, и почему изъ слушателей одного и того же философа одни становятся его послѣдователями, а другіе—его противниками. Но разъ заблужденія усвоятся сердцемъ, они непремѣнно проводятся въ жизнь и такимъ образомъ, будучи сами по себѣ зломъ, какъ ложь, становятся неизсякаемымъ источникомъ всякаго рода зла, бѣдъ, скорбей и несчастій. Самъ Иисусъ Христосъ говорилъ Своимъ ученикамъ, что подъ вліяніемъ заблужденія люди будутъ ихъ преслѣдовать и даже убивать, думая однако-же, что этимъ они дѣлають угодное Богу. По заблужденію, іудейскіе книжники и фарисеи не приняли обѣтованнаго Мессію, Котораго они такъ напряженно ожидали, и настояли на Его крестной смерти; ибо если бы они не впали въ заблужденіе, то не распяли бы Господа славы (1 Кор. 2, 8). А къ какимъ бѣдствіямъ и несчастіямъ могутъ привести фило-

¹⁾ Мысли о религіи. Стр. 35.

софскія заблужденія—раціонализмъ, коммунизмъ, матеріализмъ, социализмъ, нигилизмъ и т. п., это мы знаемъ по горькому опыту.

Желая смягчить зло въ области человѣческой жизни, оптимисты и нѣкоторые католическіе богословы объясняютъ *физическія страданія* людей или въ *смыслъ средства для достиженія высшихъ нравственныхъ цѣлей* (принципъ іезуитскій) или въ *смыслъ наказанія за содѣянные грѣхи*. Но во 1-хъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ эти мыслители допускаютъ смѣшеніе добра со зломъ, а во 2-хъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ они признаютъ Бога виновникомъ этого зла. Какъ извѣстно, уже *Августинъ* утверждалъ, что Богъ есть причина того реального въ злѣ, что въ злѣ есть положительнаго и что Онъ—не виновникъ только того формальнаго въ злѣ, что составляетъ въ немъ лишеніе. *Лейбницъ* также говоритъ ¹⁾: „О физическомъ злѣ можно сказать, что *Богъ часто жасметъ его* (зла!) какъ должнаго наказанія за вину, а часто также въ видѣ *средства для цѣли*, т. е., для предупрежденія большихъ золъ и для достиженія наибольшихъ благъ. Наказаніе равнымъ образомъ служитъ къ улучшенію и устраненію, и зло часто *ведетъ къ большому ощущенію добра и иногда также приводитъ къ большому совершенству того, кто его* (зло) *творитъ*, какъ и посѣянное сѣмя при возрастаніи подвергается нѣкотораго рода поврежденію“. Раньше мы уже показали, какимъ образомъ *Лейбницъ* превращаетъ зло въ добро и даже первое дѣлаетъ источникомъ послѣдняго. Но *Августину* и *Лейбницу* въ этомъ отношеніи слѣпо слѣдуютъ почти всѣ католическіе богословы, отождествляющіе физическія страданія то съ *bonum virtutis* (добромъ добродѣтели), то съ *bonum justitiae* (добромъ справедливости). Защитники блага въ человѣческихъ страданіяхъ и скорбяхъ обыкновенно указываютъ на ихъ благотворное значеніе для нашего нравственнаго усовершенствованія, на ихъ искупительную силу въ отношеніи къ нашимъ порокамъ и преступленіямъ и т. д. „Справедливо ли, спрашиваетъ, напримѣръ, *Фенелонъ* въ своемъ разсужденіи о пользѣ креста и скорбей (Соч. т. II), называть зломъ скорби, посылаемыя Богомъ для нашего нрав-

¹⁾ «Вѣра и Разумъ», 1889 г., т. II, ч. I, стр. 3.

ственнаго очищенія, дабы сдѣлать насъ достойными Его любви и милосердія?“ и отвѣчаетъ: „То не можетъ быть зломъ, изъ чего проистекаетъ для насъ столь великое добро... Онъ *принимаетъ* намъ *страданія* только для того, чтобы улучшить насъ“¹⁾). Оптимисты ссылаются даже на одного древняго философа, который, страдая припадками подагры, будто бы сказалъ: „Скорбь, что бы ни дѣлала, ты никогда не заставишь меня согласиться, что ты—зло!“ По поводу этого изреченія Навиль совершенно справедливо замѣчаетъ: „Въ виду скорби другого наше сердце также имѣетъ основаніе сказать: „философія, что бы ты ни говорила, ты никогда не заставишь меня согласиться, что скорбь —не зло!“

Разсмотримъ приведенныя разсужденія оптимистическихъ мыслителей и католическихъ богослововъ нѣсколько частнѣе.

1. Совершенно невѣрно утвержденіе Лейбница, будто бы *Богъ хочетъ зла людямъ*, хотя бы то даже и съ благими намѣреніями. Если бы это было дѣйствительно такъ, то Богъ не былъ бы всеблагимъ и любвеобильнѣйшимъ существомъ; а Богъ, какъ всесовершеннѣйшее существо, не можетъ не быть суще-

¹⁾ Нѣкоторые оптимисты въ этомъ направленіи заходятъ такъ далеко, что прямо утверждаютъ: „зло есть одно изъ благодѣлительнѣйшихъ установленій Божіихъ, источникъ совершенства и счастья людей“ или: „Богъ создалъ какъ зло, такъ и добро“. (Von dem Ursprung und den Absichten des Uebels. Leipzig 1787. В. 3. стр. 1. 3). Но этого мало,—эти положенія они приписываютъ вѣдь Самому Иисусу Христу. „Христосъ, говорятъ они (тамъ же, стр. 4), училъ: „воробей не упадетъ на землю безъ воли отца нашего небеснаго, у васъ же и волосы на головѣ всѣ сочтены“. „Но если воробей не можетъ упасть безъ воли Отца нашего,—разсуждаетъ оптимистъ,—то могли ли упасть безъ Его воли Мессина и Лиссабонъ? Если волосы на главѣ нашей сочтены, то неужели не должны быть также сочтены наше благо и горе, наше счастье и страданіе? Здѣсь, очевидно, оптимистъ хочетъ сказать, что существованіе въ мірѣ зла не противорѣчатъ Промыслу Божію. Но это иное дѣло. Мы объ этомъ будемъ говорить подробно въ свое время. Еще неудачнѣе у нашего оптимиста другая ссылка на ученіе Христа. „Никто, сказалъ Иисусъ, не можетъ войти въ домъ сильнаго и расхитить его, если прежде не свяжетъ сильнаго“. „Что это значитъ?“ спрашиваетъ оптимистъ и продолжаетъ: Я хочу перевести его такъ: „Никто не можетъ войти въ домъ Божій, въ міръ, и произвести въ немъ порчу, не побѣдивъ Бога“. „Вѣрно? Но если теперь някто не можетъ связать, побѣдить Бога, то также някто не можетъ и произвести *порчу* противъ Его воли. Если, слѣдовательно, порча бываетъ, то ее произвелъ Богъ“. По поводу этого разсужденія нужно замѣтить 1) что Иисусъ Христосъ говорилъ о царствѣ сатаны, а не о царствѣ Божіемъ; 2) что въ мірѣ ничто и не происходитъ *противъ* воли Божіей; а о *позущеніи* Божіемъ, мы говоримъ далѣе.

ствомъ всеблагимъ. Поэтому сказать, что Богъ хочетъ зла людямъ, это значитъ—отрицать не только благость въ Богѣ, но и самое бытіе Божіе.

2. Зло никогда не можетъ быть ни средствомъ, ни причиною добра. По основному закону нашего мышленія, оправдываемому также и опытомъ, причина должна заключать въ себѣ въ большей мѣрѣ то, что содержится въ произведенномъ ею дѣйстви; поэтому добро можетъ быть произведено только доброю силою. Утверждать вмѣстѣ съ Лейбницемъ, что „зло приводитъ къ большому совершенству того, кто его творитъ“ значитъ проповѣдывать полную безнравственность. Неужели кто-либо можетъ допустить, что высшаго совершенства достигаютъ только отцеубійцы и дѣтоубійцы?

3. Физическія страданія человѣка, его лишенія, голодъ, утрата имущества, болѣзни, смерть сами по себѣ всегда суть зло и вытекаютъ изъ предшествовавшаго зла, какъ его слѣдствія. Человѣкъ теряетъ, напр., здоровье вслѣдствіе своей предшествовавшей дурной и развратной жизни. Здѣсь потеря здоровья (одно зло) есть прямое слѣдствіе или даже только продолженіе дурной жизни человѣка (другого зла). Болѣзни развившіяся по причинамъ, отъ человѣка непосредственно не зависѣвшимъ, также суть зло. Мы скорбимъ, видя страданія несчастныхъ, и самую этого скорбію своею ясно свидѣтельствуемъ о своемъ глубокомъ убѣжденіи, что эти страданія—зло, что ихъ не должно бы быть. Кто видѣлъ ужасныя страданія умирающаго дитяти, которое лично еще не сдѣлало никакого зла, тотъ не станетъ приписывать благотворнаго значенія для нравственнаго усовершенствованія, по крайней мѣрѣ, этимъ страданіямъ и для этого дитяти. Слова Спасителя о слѣпородженномъ: „не согрѣшилъ ни онъ, ни родители его, во да явятся на немъ дѣла Божіи“ (Іоан. 9, 3) указываютъ лишь на то, что слѣпота этого несчастнаго не была наказаніемъ ни за его личные грѣхи, ни за грѣхи его родителей. Но Спаситель не назвалъ ее добромъ, хотя по поводу ея явились дѣла Божіи. Напротивъ, что эту слѣпоту Господь признавалъ зломъ, т. е., тѣмъ, чего не должно бы быть, это видно уже изъ того, что Онъ исцѣлилъ слѣпородженнаго, и такимъ

образомъ Своею божественною силою уничтожилъ то, что противно волѣ Божіей и *чему не слѣдовало бы быть*,—и въ этомъ именно (т. е., въ уничтоженіи зла) въ данномъ случаѣ проявились дѣла Божіи. Если же съ точки зрѣнія цѣлесообразности зла считать эту слѣпоту отъ рожденія добромъ только потому, что на ней проявились дѣла Божіи, тогда нужно считать добромъ и бѣснованіе тѣхъ несчастныхъ, которые находились во власти діавола, равно какъ грѣхи, проклятiе и смерть всего рода человѣческаго, отъ которыхъ избавилъ насъ истинный Сынъ Божій, потому что въ искупленіи человѣчества отъ этихъ золъ наиболѣе проявилось дѣло Божіе ¹⁾).

4. Физическія страданія человѣка не суть добро даже и тогда, когда смотрятъ на нихъ какъ на наказаніе за содѣянные грѣхи, потому что при этомъ у каждаго невольно должна возникнуть мысль, что лучше было бы, если бы мы вовсе не заслуживали никакого наказанія, т. е., что наказаніе вообще есть то, *чему не слѣдовало бы быть*, если бы мы находились въ невинномъ состояніи. Даже и въ школахъ добромъ признается не наказаніе, а *исправленіе*, которое съ наказаніемъ нерѣдко находится только во внѣшней связи.

5. Изъ книги Іова, равно какъ и изъ многихъ другихъ мѣстъ Св. Писанія мы знаемъ, что Господь, дѣйствительно, *пускаетъ* испытанія людямъ. Но *пускать* не то же, что желать или одобрять, а тѣмъ болѣе совершать зло. Въ этомъ отношеніи Богъ, такъ сказать, только не препятствуетъ тому, что совершается, хотя и всегда можетъ воспрепятствовать этому. Тѣмъ не менѣе Онъ пускаетъ совершаться злу не иначе, какъ въ предвѣдѣніи послѣдствій, соотвѣтствующихъ Его святости, благодти, премудрости и всемогуществу. Затѣмъ,—изъ того, что Богъ пускаетъ совершаться на землѣ злу, во все не слѣдуетъ, что Онъ его не осуждаетъ, что оно Ему угодно, и что оно поэтому есть то, *что должно быть*, т. е.,

¹⁾ Изъ многихъ мѣстъ Св. Писанія (папр. Рим. 3, 3, 2. Сол. 1, 4. Іак. 1, 2—4; 2 Пар. 33, 12. 13; 3 Цар. 9, 9 и др.) видно, что *Господь* даруетъ людямъ, претерпѣвающимъ физическія бѣдствія, смьреніе, раскаяніе, очищаетъ ихъ грѣхи, усовершенствуетъ ихъ въ добродѣтели и т. п.; но и здѣсь добромъ является опять-таки *благодт Божія*, а не физическія бѣдствія.

добро. Юву причиняетъ зло не Богъ, а діаволь по попущенію Божию, такъ какъ Богъ, по Своему всевѣдѣнію, зналъ, что это зло не погубитъ праведника, и что послѣдній выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы съ нимъ. Въ другихъ случаяхъ эти испытанія происходятъ отъ самыхъ же людей, но также по попущенію Божию. Вотъ почему и св. апостоль Іаковъ пишетъ въ своемъ посланіи (1, 13): „Въ искушеніи никто не говоритъ: Богъ меня искушаетъ; потому что Богъ не искушается зломъ и Самъ не искушаетъ никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственною похотью; похоть же, зачавши рождаетъ грѣхъ, а сдѣланный грѣхъ рождаетъ смерть“. Какимъ образомъ возможно это попущеніе Божіе зла въ мірѣ и даже грѣховъ, какъ дѣйствій свободной воли человѣка, это понять не трудно, если мы пріймемъ во вниманіе то обстоятельство, что Богъ, даровавшій человѣку свободу воли при его созданіи, по своей неизреченной благодати, не отнялъ у него этого драгоценнаго дара и послѣ его паденія. Роптать на Бога за то, что Онъ попускаетъ совершаться въ мірѣ злу значитъ—требовать отъ Него, чтобы Онъ отнялъ у человѣка свободу воли, т. е., требовать, чтобы Онъ Самъ совершилъ величайшее зло. Прекрасно разсуждаетъ по этому поводу даже свободомыслящій *Руссо* въ своемъ *Эмилѣ*. „Если человѣкъ дѣйствуетъ свободно, то онъ дѣйствуетъ самъ собою“, говоритъ онъ; „и все, что дѣлаетъ онъ свободно, не можетъ уже быть приписано Провидѣнію. Оно не желаетъ зла, дѣлаемаго человѣкомъ, когда послѣдній дурно употребляетъ дарованную ему свободу, но не препятствуетъ дѣлать его, или потому, что это зло уже не можетъ ниспровергнуть порядка благоустроенной системы міра, или потому, что не можетъ ему воспрепятствовать въ томъ, не лишивъ его свободы и не сдѣлавъ чрезъ это еще большаго зла униженіемъ его природы. Оно создало его свободнымъ съ тѣмъ, чтобы онъ дѣлалъ не зло, а добро по выбору. Оно поставило его въ состояніе дѣлать этотъ выборъ чрезъ надлежащее употребленіе дарованныхъ ему способностей; но съ другой стороны Оно ограничило его силы въ такой степени, что дурное употребленіе предоставленной ему свободы не можетъ разрушить всеобщаго порядка. Совершаемое человѣкомъ зло па-

даетъ на него самого, не дѣлая никакого разстройства въ міровой системѣ. Поэтому роптать на Бога, что Онъ не препятствуетъ человѣку дѣлать зло значитъ—роптать на то, что Онъ далъ ему превосходнѣйшую природу, что соединилъ съ его дѣйствіями возвышающую его нравственность, что далъ ему право на добродѣтель... Но могло ли Провидѣніе положить противорѣчіе въ нашей природѣ и дать награду, предназначенную за добрыя дѣла, тому, кто не имѣлъ власти дѣлать зло? Какъ!—воскликаетъ Руссо,—неужели ради воспрепятствования человѣку быть злымъ, надлежало ограничить его физическимъ побужденіемъ (инстинктомъ) и сдѣлать скотомъ? Нѣтъ, Боже души моей, я никогда не буду винить Тебя за то, что Ты создалъ ее по Твоему образу, чтобы я могъ быть всегда свободнымъ, счастливымъ и добрымъ“!

И такъ ясно, что даже и тѣ испытанія, иногда весьма тяжкія, которыя попускаются Богомъ, не суть добро сами по себѣ, почему они и не совершаются непосредственно Самимъ Богомъ. Если бы они были добромъ сами по себѣ, то Господь нашъ Іисусъ Христосъ не наставлялъ бы Своихъ послѣдователей ежедневно молить Бога: „Отче нашъ! не введи насъ въ искушеніе“,—не говорилъ бы имъ: „бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избѣжать всѣхъ будущихъ бѣдствій“. „Молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе“ (Лук. 21, 36; 22, 46). Читая книгу Іова, мы поражаемся его страданіями; но никто изъ насъ не пожелаетъ, чтобы подобныя страданія повторились въ его собственной жизни. Самъ Господь до кроваваго пота молилъ въ Геосиманскомъ саду Отца небеснаго, дабы миновала Его чаша предстоявшихъ Ему страданій. Оптимисты восхваляютъ страданія, какъ средство для высшихъ нравственныхъ цѣлей. Но они не хотятъ понять, что добро заключается не въ страданіяхъ, по поводу которыхъ человѣкъ раскаивается въ своей прежней грѣховной жизни и, *при помощи благодати Божіей*, начинаетъ стремиться къ нравственному усовершенствованію, а въ *подвигахъ* человѣка, въ *мужество* его духа, съ которымъ онъ въ настоящей жизни ведетъ борьбу со зломъ, т. е., что добро заключается не въ страданіяхъ и скорбяхъ, а въ *добродѣтеляхъ* человѣка, побуждающаго эти скорби, какъ зло. Въ этомъ смыслѣ нужно понимать и слова ап. Павла: „Все для

вась, дабы *обиліе благодати* тѣмъ большую во многихъ произвело благодарность во славу Божію. Посему мы не упываемъ... Ибо кратковременное легкое страданіе наше производитъ въ безмѣрномъ преизбыткѣ вѣчную славу, *когда мы смотримъ не на видимое, но на невидимое* (2 Кор. 4, 15—17. Срв. 1. Петр. 4, 14; Рим. 8, 18).

6. Оптимисты указываютъ намъ на добровольныя самоистязанія индійскихъ факировъ и на добровольныя лишенія монаховъ. Но въ самоистязаніяхъ факировъ ничего нѣтъ ни хорошаго, ни добраго; въ нихъ проявляется только зло религіознаго заблужденія. Что же касается христіанскихъ монаховъ, то и у нихъ опять—таки добро нужно полагать не въ лишеніяхъ, а въ тѣхъ *подвигахъ* и въ томъ возрастающемъ *мужестве духа*, съ которымъ они переносятъ всевозможныя лишенія, скорби и бѣдствія.

И такъ, напрасно оптимисты, употребляя іезуитскіе приемы, хотятъ поколебать истину, заключающуюся въ словахъ св. апостола Іоанна, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ Св. Писанія, что „весь міръ во злѣ лежитъ“. Фактъ этотъ несомнѣненъ. Но какъ можно объяснить его? Неужели зло въ мірѣ существуетъ отъ начала самаго міра? Неужели человѣкъ созданъ для того только, чтобы страдать и умереть? Но противъ этого говоритъ уже то, что намъ отъ природы вложено убѣжденіе, что мы рождены для блаженства, а не для страданій. Каждый хочетъ быть счастливымъ и каждый ищетъ этого счастья. Какой же смыслъ имѣло бы это прирожденное намъ стремленіе къ счастью, если бы мы созданы были только для страданій и скорбей? Какой смыслъ имѣла бы та борьба со зломъ, которую такъ дружно ведетъ все человѣчество? Грѣхъ царствуетъ въ мірѣ. Это—фактъ. Но откуда онъ и кто далъ ему это могущество и власть? Зло съ одной стороны должно быть признано явленіемъ случайнымъ и не необходимымъ, съ другой—всеобщимъ и универсальнымъ. Въ чемъ послѣ этого должно полагать его сущность? Какъ оно могло явиться въ мірѣ, когда всѣ убѣждены въ томъ, что оно есть именно то, чему не слѣдовало бы существовать? Вотъ роковой вопросъ, который настойчиво требуетъ своего рѣшенія отъ всякаго мыслящаго человѣка.

Профессоръ богословія, *Прот. Т. Буткевичъ.*

(Продолженіе будетъ).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

(Продолженіе *).

Собственно-русская книжная словесность.

*Общій характеръ и направленіе русской словесности въ древнемъ періодѣ, преимущественно съ XI до XIV вѣка. Характеръ и направленіе собственно-русской книжной словесности опредѣлялись, съ одной стороны, произведеніями словесности переводной, съ другой—потребностями русской жизни и особенно русской Церкви. Не смотря на быстрое распространеніе христіанства на Руси, предки наши еще долгое время находились въ состояніи двоевѣрія: къ христіанскимъ понятіямъ они постоянно примѣшивали старыя языческія суевѣрія, съ правилами христіанской жизни страннымъ образомъ соединялись остатки нравовъ и обычаевъ языческой поры. Кромѣ этого, правильному усвоенію христіанскаго ученія много вредили различныя ереси и преимущественно ересь латинская. На духовенствѣ лежала священная обязанность выяснять народу истины христіанскаго ученія и защищать неприкосновенность Церкви. Этимъ объясняется то обстоятельство, что выдающеюся формою словесныхъ произведеній въ древней Руси является проповѣдь. Проповѣди носятъ разныя названія: если были произносимы съ церковной кафедры, они назывались *словами и поученіями*,—и *посланіями*, если были обращены къ какому-нибудь отдѣльному лицу. По характеру содержанія онѣ раздѣлялись на *догматическія, нравственныя и полемическія*. Первыя разъ-*

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1896 г., № 1.

ясняли догматы христіанской вѣры, вторыя имѣли въ виду нравственное назиданіе и, наконецъ, третьи защищали интересы Церкви противъ ея враговъ.—Живыми образцами богоугодной жизни являлись святые подвижники. Изображеніе ихъ житія и подвиговъ составило особый отдѣлъ въ древней словесности,—отдѣлъ *житій святыхъ*.—Путешествіе русскихъ людей по разнымъ странамъ, и особенно по святымъ мѣстамъ, образовало въ древней письменности особую форму *хожденій*.—Наконецъ, естественная потребность сохранить въ потомствѣ память о выдающихся событіяхъ въ Церкви и государствѣ выразилась, подъ вліяніемъ византійскихъ хроникъ, въ *лѣтописныя и историческія* сказаніяхъ.

Совершенно особое отъ этихъ главныхъ формъ древней письменности мѣсто занимаетъ въ древней литературѣ слово о пому *Игореви*, единственное почти *книжное поэтическое* произведеніе.

Центрами просвѣщенія и литературной дѣятельности отъ начала письменности до половины XIII вѣка были на югѣ Кіевъ, а на сѣверѣ—Новгородъ.

XI вѣкъ.

Изъ произведеній словесности XI вѣка особенно замѣчательны: поученіе Новгородскаго епископа Луки Жидяты, слово Кіевскаго митрополита Иларіона, сочиненія пр. Θεодосія Печерскаго и лѣтопись пр. Нестора.

Поученіе Новгородскаго епископа Луки Жидяты († 1059 г.), этого перваго на Руси архипастыря, поставленнаго изъ среды русскихъ людей, сказанное имъ, вѣроятно, при самомъ вступленіи на паству (1035 г.), важно для насъ какъ первое оригинальное произведеніе нашей древней словесности. Это поученіе добраго и мудраго пастыря, обращенное къ юному духовному стаду, дышетъ отеческою любовью и замѣчательно по своей простотѣ и краткому изложенію главныхъ обязанностей христіанина къ Богу, къ своему ближнему и самому себѣ. „Первѣе всего, братіе“, говоритъ проповѣдникъ, „вотъ какую заповѣдь всѣ мы христіане должны содержать несомнѣнно: вѣровать въ единого Бога, въ Троицѣ славимаго, во Отца и Сына и Святаго Духа, какъ научили апостолы и утвердили святые

отцы; вѣрую во единого Бога... до конца ¹⁾). Вѣруйте также воскресенію и жизни вѣчной и вѣчной мукѣ (уготованной) грѣшникамъ. Не лѣнитесь ходить въ церковь и на заутреню, и на обѣдню, и на вечерню; и въ клѣти своей, отходя ко сну, прежде помолись Богу, и тогда возлегай на постелю. Въ церкви предстоите со страхомъ Божиимъ; не говори ничего и ни о чемъ не мысли, но всею мыслию моли Бога, да отпуститъ тебѣ Богъ грѣхи“. Указавъ главныя обязанности христіанина по отношенію къ Богу, проповѣдникъ далѣе внушаетъ своимъ слушателямъ христіанскія обязанности къ ближнимъ. „Любовь имѣйте со всякимъ человѣкомъ, а особенно съ братією, и да не будетъ иное на сердцѣ, а иное на устахъ. Не рои ямы предъ братомъ, да не ввергнетъ тебя Богъ еще въ бѣольшую; но будь такъ правдивъ, чтобы ради правды и закона Божія быть готовымъ положить свою главу, да сочтетъ тебя Богъ со святыми. Прощайте братъ брату и всякому человѣку, а не воздавайте зломъ за зло; похвалите другъ друга, да и Богъ васъ похвалитъ. Не смущай, да не наречешься сыномъ діавола; но примиряй, да будешь сыномъ Богу. Не осуди брата даже мыслию, помня грѣхи свои, да и тебя Богъ не осудитъ. Помните и милуйте странныхъ и убогихъ и заключенныхъ въ темницахъ, и будьте милостивы къ своимъ сиротамъ“. Послѣ этого архипастырь обращаетъ вниманіе своихъ слушателей на христіанскія обязанности преимущественно къ самимъ себѣ. „Не прилично вамъ, братіе“, говоритъ онъ, „имѣть лицемѣріе и гнѣваться на всякъ день; не злобствуй, не смѣйся ни надъ кѣмъ; въ напасти терпи, возлагай упованіе на Бога. Не имѣйте дерзости, ни гордости, не прилѣпляйтесь къ чему-либо иному подобному; памятуй, яко завтра мы будемъ смрадъ и гной, и червіе. Будьте смиренны и кротки, да и послушницы будьте и творцы Божиимъ заповѣдямъ, ибо въ сердцѣ гордаго обитаетъ діаволь, и слово Божіе не можетъ утвердиться въ немъ“. Поученіе заканчивается нѣсколькими наставленіями общаго характера. „Чтите стараго человѣка и родителей своихъ; не клянитесь именемъ Божиимъ, ни иного заклинайте, ни прокли-

¹⁾ Т. е. до конца символа вѣры.

найте. Судите по правдѣ, мзды не емлите, не отдавайте въ лихву. Бога бойтесь, князя чтите: мы рабы, во-первыхъ, Бога, а потомъ государя. Чтите отъ всего сердца іерея Божія, чтите и слуги церковныя. Не убій, не укради, не солжи, не будь довѣрчивъ лжи, не ненавиди, не завиди, не клевети; не пей безвременно, но пей въ мѣру и не до пьянства. Не будь гнѣвливъ и дерзокъ; съ радующимися радуйся, съ печальными будь печалень. Не ядите сквернаго; святые дни чтите. Богъ же мира со всѣми вами! Аминь“.

Слово митрополита Иларіона. Скудныя свѣдѣнія о митрополитѣ Иларіонѣ мы получаемъ изъ лѣтописи пр. Нестора. Повѣствуя о началѣ Печерскаго монастыря, пр. Несторъ пишетъ, что между священниками села Берестова (близъ нынѣшней лавры) былъ пресвитеръ, по имени Иларіонъ, „мужъ благъ, книженъ и постникъ“; что онъ часто ходилъ изъ Берестова на Днѣпръ, на холмъ, гдѣ нынѣ монастырь Печерскій, и тамъ творилъ молитву. Кругомъ былъ большой лѣсъ. Иларіонъ, выкопалъ „печерку малу двусажну“ и, приходя изъ Берестова, пѣлъ здѣсь часы и молился Богу втайнѣ. Великій князь Ярославъ, покровитель просвѣщенія, щедрый къ духовенству, часто бывалъ въ Берестовѣ, гдѣ находился его загородный дворецъ, и зналъ тамошнихъ священниковъ. Благочестіе Иларіона и его просвѣщенный умъ обратили вниманіе Ярослава, и вотъ, когда не стало въ Кіевѣ митрополита Теофемпта, великій князь поставилъ на его мѣсто Иларіона (1051 г.), посвященнаго соборомъ не греческихъ, какъ было у насъ раньше, а русскихъ епископовъ ¹⁾).

Знаменитое Слово Иларіона имѣетъ слѣдующее заглавіе: *„О законъ, Моисеомъ даннъмъ, и о благодати и истинѣ, Исусъ*

¹⁾ „Боголюбному князю Ярославу—пишетъ пр. Несторъ—любящу Берестовое, и церковь ту сущу свитыхъ апостолъ и попы много снабдящу, въ нихъ же бѣ пресвитеръ, именовъ Иларіонъ, мужъ благъ и книженъ, и постникъ, и хождаше съ Берестоваго на Днѣпръ, на холмъ, гдѣ нынѣ монастырь Печерскій, и ту молитву творише; бѣ бо лѣсъ ту великъ; ископа печерку малу дву сажну и, приходи съ Берестоваго, отпѣваше часы и моляшеся Богу ту втайнѣ. По семъ же вложи Богъ въ сердце князю и постави его митрополитомъ святой Софіи, а сія печерка тако оста“. О самомъ поставленіи Иларіона въ митрополиты лѣтописецъ говоритъ такъ: „Въ лѣто 6559 (1051) постави Ярославъ Иларіона митрополитомъ русина во святой Софіи, собравъ епископы“.

Христомъ бывшимъ, и како законъ отъиде, благодать же и истина всю землю исполни и въра во вся языки простресе и до нашего языка русскаго, и похвала Кагану (князю) нашему Владимиру, отъ него же крещени быхомъ, и молитва къ Богу отъ всеа земля нашеа". Это заглавіе ясно опредѣляетъ содержаніе Слова и дѣленіе его на части. Оно состоитъ изъ трехъ частей, представляющихъ въ своемъ соединеніи одно художественное цѣлое. Въ первой части ораторъ выясняетъ превосходство вѣры Христовой предъ ветхозавѣтнымъ ¹⁾ закономъ и затѣмъ изображаетъ распространеніе Евангелія между всѣми народами, въ особенности же по землѣ русской; во второй—восхваляетъ равноапостольнаго князя Владимира, просвѣтившаго землю русскую спасительнымъ крещеніемъ; въ третьей, наконецъ, обращается съ молитвою къ Богу отъ лица всей новопросвѣщенной Руси. Такимъ образомъ, первая часть служитъ самою твердою основою для второй, а вторая естественно приводитъ къ третьей и заключается ею. Отношеніе между закономъ и благодатью проповѣдникъ выясняетъ посредствомъ цѣлаго ряда символическихъ образовъ. Законъ представленъ у него подъ образомъ работной Агари, прогнаннаго Измаила, Манассіи, подъ видомъ луны и ночнаго холода; символами же благодати является свободная Сарра, усыновленный Исаакъ, Ефремъ, солнце и солнечная теплота. Символическій способъ изображенія, заимствованный нашими писателями изъ греческихъ образцовъ и мало понятный неразвитымъ слушателямъ, вполне умѣстенъ въ Словѣ Иларіона, которое, вѣроятно, было обращено или къ духовенству, или даже къ самому князю Ярославу и его боярскому синклиту. Самъ проповѣдникъ свидѣтельствуетъ, что имѣетъ дѣло не съ какими нибудь невѣдущими, а съ избыткомъ насытившимися сладости книжной. Кромѣ символическихъ представлений, Слово Иларіона замѣчательно во многихъ мѣстахъ силою и глубиною чувства и необыкновенною живостью изображенія, достигаемою иногда цѣлымъ рядомъ антитезовъ. Таково, напр.

¹⁾ Разсужденіе Иларіона о законѣ и благодати могло быть вызвано современными отношеніями русской Церкви къ іудейству, которое, не успѣвъ склонить къ своей вѣрѣ князя Владимира, не оставило въ покоѣ русскихъ христіанъ и послѣ него. Шевыревъ. Истор. русск. слов. 1860 г. II ч., 22—23.

мѣсто въ первой части, гдѣ ораторъ, созерцая превосходство благодати предъ закономъ, возносится къ самому виновнику благодати, Господу Иисусу, и восклицаетъ: „Итакъ, кто не прославить, кто не восхвалитъ Его, кто не поклонится величію славы Его? Кто не удивится неизмѣримому человѣколюбію Его? На землѣ Онъ явилъ (свойства и дѣла) божескія и человѣческія: какъ человѣкъ питался матернимъ млекоу, и какъ Богъ повелѣлъ ангеламъ съ пастырями воспѣвать: „слава въ вышнихъ Богу“; какъ человѣкъ повитъ былъ пеленами, и какъ Богъ путеводствовалъ волхвовъ звѣздоу; какъ человѣкъ возлегъ въ ясляхъ, и какъ Богъ принялъ отъ волхвовъ дары и поклоненіе; какъ человѣкъ бѣжалъ во Египетъ, но какъ Богу поклонились Ему рукотворенная египетская (Ис. 19, 1); какъ человѣкъ пришелъ креститься, но какъ Бога убоявшись, Іорданъ возвратился вспять; какъ человѣкъ, обнажившись, вошелъ въ воду, и какъ Богъ принялъ свидѣтельство отъ Отца: „сей есть Сынъ мой возлюбленный“; какъ человѣкъ постился сорокъ дней и взалкалъ, и какъ Богъ побѣдилъ искушителя; какъ человѣкъ вошелъ на бракъ въ Кану Галилейскую, и какъ Богъ преложилъ воду въ вино; какъ человѣкъ спалъ на кораблѣ, и какъ Богъ запретилъ вѣтрамъ и морю, и они послушались Его; какъ человѣкъ прослезился о Лазарѣ, и какъ Богъ воскресилъ его изъ мертвыхъ; какъ человѣкъ всѣлъ на ося, но, какъ Богу, Ему зывали: „благословенъ грядый во имя Господне“; какъ человѣкъ былъ распятъ, и какъ Богъ по своей власти ввелъ въ рай распятаго съ нимъ; какъ человѣкъ вкусилъ оцта и испустилъ духъ, и какъ Богъ помрачилъ солнце и потрясъ землю; какъ человѣкъ положенъ былъ во гробъ, и какъ Богъ разрушилъ адъ и освободилъ души; какъ человѣкъ запечатанъ былъ во гробъ, и какъ Богъ исшелъ, сохранивъ печати въ цѣлости; іудеи старались утаить Его воскресеніе, какъ человека, подкупая стражу; но какъ Бога, Его познали всѣ концы земли. По истинѣ, „кто Богъ велий, яко Богъ нашъ?“ Остановливаясь на знаменательномъ событіи, крещеніи русскаго народа, проповѣдникъ говоритъ: „Уже не идолослужителями именуемся мы, а христіанами; мы уже не безъ упованія (Еф. II, 12), но уповаемъ на жизнь вѣчную. Уже не капища строимъ, но созида-

емъ церкви Христовы; не заколаемъ другъ друга бѣсамъ, но Христось за насъ заколается и раздробляется въ жертву Богу и Отцу. Уже не кровь жертвъ вкушаемъ и погибаемъ; но вкушаемъ пречистую кровь Христову и спасаемся. Всѣ народы помиловаль благій Богъ и насъ не презрѣлъ; восхотѣлъ—и спасъ насъ и привелъ въ познаніе истины. Пуста была земля наша и изсохла, зной идолослуженія псушилъ ее: но внезапно потекъ источникъ евангелія и напоилъ землю нашу“. Подобное же изображеніе находимъ и во второй части, гдѣ вдохновенный взоръ проповѣдника созерцаетъ благодатное просвѣщеніе русской земли. „Тогда мракъ идольскій началъ отъ насъ удаляться, и появилась заря благовѣрія. Тогда тьма служенія бѣсовскаго исчезла, и освѣтило нашу землю солнце евангелія; капища разрушены, и церкви воздвигаются; идола низвергаются, и явились иконы святыхъ; бѣсы убѣжали, крестъ освятилъ города; пастыри словесныхъ овецъ Христовыхъ—епископы, пресвитеры и діаконы стали возносить безкровную жертву, и клиръ украсилъ и облекъ въ благолѣпіе святыхъ церкви. Труба апостольская и громъ евангельскій огласили всѣ города; еиміамъ, возносимый Богу, освятилъ воздухъ. Поставлены на горахъ монастыри; явились черноризцы; мужи и жены, малые и великіе, всѣ люди наполнили святыхъ церкви, прославили Господа“. Но особенно замѣчательно по силѣ ораторскаго одушевленія обращеніе проповѣдника къ равноапостольному князю Владиміру: „Встань отъ гроба твоего, честная главо—воскликаетъ онъ—встань, отряси сонъ! Ты не умеръ, но спишь до общаго всѣмъ возстанія. Встань! ты не умеръ. Не свойственно умереть тебѣ, когда увѣровалъ ты во Христа, Жизнь всего міра. Отряси сонъ, возведи очи и посмотри, какъ Господь, сподобивъ тебя почестей небесныхъ, не оставилъ тебя безъ памяти и на землѣ, въ сынѣ твоёмъ. Встань, посмотри на сына своего Георгія, посмотри на кровнаго своего, посмотри на своего возлюбленнаго, посмотри на того, котораго извелъ Господь отъ чреслъ твоихъ, посмотри на украшающаго престоль земли твоей, и возрадуйся, возвеселись! Посмотри и на благовѣрную сноху твою Ирину; посмотри и на внуковъ и правнуковъ твоихъ, какъ они живутъ, какъ Господь хранитъ ихъ,

какъ содержать они благовѣріе, тобою преданное, какъ часто посѣщаютъ святыя храмы, какъ славятъ Христа, какъ поклоняются Его имени. Посмотри и на городъ, сіяющій величіемъ; посмотри на процвѣтающія церкви, посмотри на возрастающее христіанство; посмотри на городъ, освѣщаемый и блистающій иконами святыхъ, благоухающій ѳиміамомъ и оглашаемый хвалами святыми и божественными пѣснопѣніями. И видѣвъ все сіе, возрадуйся, возвеселись и восхвали благаго Бога, строящаго все сіе“. Что касается третьей части Слова, которая заключаетъ въ себѣ теплую молитву къ Богу, возносимую служителемъ церкви отъ лица всей земли русской, то въ доказательство того, какъ высоко цѣнили предки наши эту молитву, достаточно сказать, что она принята была въ церковное употребленіе и еще въ XVI вѣкѣ возглашалась при общественныхъ службахъ ¹⁾.

Нельзя не удивляться зрѣлости ума, глубинѣ чувства, обилію богословскихъ свѣдѣній и тому ораторскому одушевленію и искусству, какими запечатлѣно это образцовое Слово, написанное Иларіономъ еще въ санѣ пресвитера ²⁾. Несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуя, что митрополитъ Иларіонъ былъ ораторъ, по настоящему образованный въ наукѣ ораторства и знавшій ее въ совершенствѣ, слово это чрезвычайно замѣчательно своими ораторскими достоинствами: оно есть возможно безукоризненное и блестящее ораторское произведеніе и въ цѣломъ, и въ частностяхъ. Между лучшими ораторами, принадлежа къ избраннѣйшимъ, Иларіонъ обнаруживаетъ полное чувство мѣры: постоянно одинаково краснорѣчивый и обработанно изящный, онъ нигдѣ не доводитъ своего краснорѣчія до излишества. Иларіонъ учился искусству ораторства по греческой риторикѣ XI вѣка, ему слѣдовало бы поэтому быть ораторомъ со всѣми недостатками греческаго ораторства этого позднѣйшаго времени; но силою своею природнаго ораторскаго таланта онъ возвысился надъ этими недостатками, и представляетъ изъ себя не ритора худшихъ временъ греческаго ораторства, а настоящаго оратора временъ его процвѣтанія ³⁾.

¹⁾ Пр. Макарій. Истор. Русск. Церкви. I т. 101 стр.

²⁾ Тамъ же 90 стр.

³⁾ Е. Голубинскій. Истор. Русск. Церкви. I т. (перв. пол.). 692 стр.

Преподобный Θεодосій. Третье мѣсто въ хронологическомъ списокѣ нашихъ древнихъ писателей занимаетъ пр. Θεодосій, одинъ изъ величайшихъ подвижниковъ благочестія († 1074). Подробное жизнеописаніе пр. Θεодосія составилъ его современникъ, пр. Несторъ, писавшій о св. старцѣ по живымъ монастырскимъ преданіямъ. По свидѣтельству лѣтописца, пр. Θεодосій происходилъ изъ богатаго и знатнаго рода. Онъ родился въ городѣ Василевѣ, близъ Кіева; отрочество свое провелъ въ Курскѣ, куда переселились его родители; здѣсь въ одной начальной школѣ онъ научился грамотѣ. Недостатки книжнаго образованія преподобный, по обычаю того времени, восполнилъ усерднымъ чтеніемъ Св. Писанія, церковно-богослужебныхъ книгъ, житій святыхъ и свято-отеческихъ твореній. Съ ранняго дѣтства онъ любилъ посѣщать храмъ Божій, гдѣ благоговѣнно слушалъ службу божественную; избѣгалъ игръ съ своими сверстниками и носилъ грубую и бѣдную одежду. Рано лишившись отца, Θεодосій остался на попеченіи своей матери, женщины гордой и вспыльчивой. Она горячо любила своего сына, но не могла примириться съ его аскетическими стремленіями. Ей не нравилось, что онъ ходилъ съ рабами на работу, что носилъ вериги, что пекъ просфоры для церковной службы, и она была и всячески истязала его. За попытку убѣжать изъ дома съ странниками она даже заковала своего сына въ цѣпи. Преподобный безропотно переносилъ всѣ истязанія. Видя безуспѣшность угрозъ и наказаній, мать прибѣгала къ ласкамъ и мольбамъ: она со слезами умоляла сына оставить мысли о подвигахъ и отшельничествѣ, быть съ нею и жить знатно и богато. Но все напрасно. Θεодосій бѣжалъ въ Кіевъ, гдѣ нашелъ пріютъ въ пещерѣ пр. Антонія, который, уступая усиленной просьбѣ юноши, благословилъ его на постриженіе въ иноки. Черезъ нѣсколько лѣтъ мать напла Θεодосія. На всѣ мольбы ея возвратиться домой сынъ отвѣчалъ, что, если она желаетъ видаться съ нимъ, то пусть сама приметъ постриженіе. Тогда она поступила въ обитель св. Николая въ Кіевѣ. Такъ св. подвижникъ долженъ былъ выдержать упорную борьбу съ семейнымъ началомъ, чтобы впоследствии создать великую иноческую семью. Сдѣлавшись, по смерти Антонія, игуменомъ

возникающаго монастыря Печерскаго, пр. Θεодосій много потрудился надъ устройствомъ этой обители. Среди иноческихъ трудовъ и подвиговъ не мало времени посвящалъ онъ на книжное чтеніе. Особенное вліяніе на него оказали сочиненія пр. Θεодора Студита, строгій общежительный уставъ котораго онъ впоследствии ввелъ въ своемъ монастырѣ. Воспитывая иноковъ въ строго-аскетическомъ духѣ, преподобный нерѣдко наставлялъ ихъ своими поученіями. Но дѣятельность его не ограничивалась стѣнами монастыря: онъ писалъ поученія и народу и даже посланія современнымъ князьямъ.

Изъ дошедшихъ до насъ поученій пр. Θεодосія—десять обращены къ Кіево-Печерскимъ инокамъ (изъ нихъ пять сохранились вполне, а остальные въ отрывкахъ) и два—къ народу: „*Поученіе о казняхъ Божіихъ*“ и „*Слово о тѣнствѣ*“.

Въ поученіяхъ къ инокамъ выставляется тотъ идеалъ монастырской жизни, къ которому стремился Θεодосій. Преподобный говоритъ о постѣ, нестяжательности и подвижничествѣ, о любви къ Богу и ближнимъ, о терпѣніи и смиреніи, о хожденіи къ службѣ Божіей. При этомъ раскрываются нѣкоторые недостатки иноческой жизни въ Печерскомъ монастырѣ. Такъ, пр. Θεодосій обличаетъ братію за ропотъ на него по тому поводу, что онъ удалялъ изъ монастыря слабыхъ и нерадивыхъ и кормилъ въ обители странниковъ и бѣдныхъ; призывая иноковъ къ покорности и терпѣнію въ иноческихъ подвигахъ, онъ упрекаетъ ихъ за невнимательность къ чтенію житій свв. подвижниковъ; внушая въ церкви стоять со страхомъ, онъ не велитъ опираться на стѣны и столбы и т. п.—Сильно хотѣлось христолюбивому проповѣднику приблизить и мірянъ къ идеалу строго христіанской жизни. Въ поученіи „*О казняхъ Божіихъ*“, отрывки котораго приводятся въ лѣтописномъ разсказѣ пр. Нестора о нашествіи Половцевъ, подъ 1067 г., проповѣдникъ старается подѣйствовать на воображеніе народа указаніемъ на казни Божіи. Онъ говоритъ о нашествіи иноплеменниковъ, непрерывно повторявшемся вслѣдствіе сосѣдства съ воинственными кочевыми народами, и голодѣ, происходившемъ то отъ бездождія, то отъ града, то отъ морозовъ, и тому подобныхъ бѣдствійхъ. Частыя въ то время междуусобныя брани проповѣд-

никъ представляетъ дѣломъ діавола, который радуется бѣдствію христіанъ. Интересны въ этомъ отношеніи указанія на языческія суевѣрія и другіе недостатки русскаго народа, которые проповѣдникъ считаетъ тяжкими грѣхами, наводящими на народъ казни Божіи. „Не поязычески ли мы поступаемъ?—говоритъ онъ. Если кто встрѣтитъ чернеца или черницу, или свинью, или коня лысаго, то возвращается назадъ: развѣ это не поязычески? Другіе вѣрятъ чиханію, которое бываетъ на здравіе головѣ; но всѣмъ этимъ прельщаетъ діаволь, равно какъ и другими обычаями, и разными искушеніями, удаляющими отъ Бога: волхвованіемъ, чародѣянніемъ, блудомъ, рѣзоиманіемъ (мздоимствомъ), прикладами (отдачею въ ростъ на проценты), воровствомъ, лжею, завистію, клеветою, зубами (дракою), скоморохами, гусями ¹⁾ и всякими играми и дѣлами непотребными“. Но особенно пр. Θεодосій возстаетъ противъ пьянства: „Горе, и опять скажу, горе пребывающимъ въ пьянствѣ!“... восклицаетъ онъ въ концѣ слова. Противъ этого порока проповѣдникъ вооружается въ другомъ своемъ словѣ—*„О пьянствѣ, или противъ обычая пить тропари во время стола“*. На Русь перенесенъ былъ изъ Греціи обычай пить на торжественныхъ и праздничныхъ обѣдахъ чаши во славу Спасителя, Божіей Матери и празднуемыхъ святыхъ. За чашами пѣли и читали тропари. Усердіе къ тропарямъ и чашамъ на этихъ обѣдахъ часто переходило границы умѣренности. Преподобный возстаетъ противъ такого злоупотребленія виномъ и церковными пѣснями и обличаетъ тѣхъ, которые оправдывали свое невоздержаніе якобы благочестивою ревностію. Онъ разрѣшаетъ за столомъ только три тропаря, т. е., другими словами, три чаши: „въ шире говоритъ чашамъ тропарей только три: передъ началомъ обѣда славится Христосъ Богъ нашъ, передъ окончаніемъ прославляется Дѣва Марія, рождавшая Христа, а третья чаша князя, а больше не велимъ“. Яркими красками изображаетъ пр. Θεодосій гибельныя послѣдствія пьянствъ и говоритъ, что оно дѣлаетъ

1) Народныя пѣсни и музыка находятъ себѣ строгое осужденіе въ поученіи пр. Θεодосія потому особенно, что эти развлечения носили обыкновенно языческій характеръ и тѣсно связаны были, какъ говоритъ проповѣдникъ, „со всякими играми и дѣлами непотребными“.

человѣка хуже бѣсноватаго: „Бѣсный страдаетъ невольно и и удостоится жизни вѣчной, а пьяница страдаетъ по своей волѣ, и подвергнется вѣчной мукѣ. Если къ бѣсному придетъ іерей и сотворитъ молитву, то проговитъ бѣса; но если бы къ пьяному сошлись іереи со всей земли и сотворили надъ нимъ молитву, то не прогнали бы отъ него бѣса самовольнаго пьянства“. Въ этомъ же словѣ проповѣдникъ возстаетъ противъ суевѣрнаго непониманія нѣкоторыхъ обрядовъ. Такъ, онъ порицаетъ обычай, „благословлять кутью во оставленіе грѣховъ“, также обычай приносить въ алтарь, кромѣ просфоръ, ладона и свѣчъ, пищу и питіе.

Сущность всѣхъ поученій преподобнаго Феодосія заключается, главнымъ образомъ, въ простомъ изложеніи христіанскихъ истинъ, проникнутомъ пламенною ревностью о благѣ ближнихъ. Всѣ они болѣе или менѣе кратки и почти всѣ содержанія нравственнаго. Тонъ поученій часто обличительный, но вмѣстѣ глубоко трогательный. Языкъ — церковно-славянскій, не чуждый вліянія языка народнаго ¹⁾).

Лѣтописи. Лѣтописи въ своемъ развитіи пережили нѣсколько формъ. Первою, простѣйшею формою лѣтописей и вмѣстѣ первыми ихъ источниками были такъ называемыя *пасхальныя таблицы*, т. е. такія таблицы, въ которыхъ вычислялись времена пасхи и другихъ подвижныхъ церковныхъ праздниковъ. На этихъ таблицахъ, противъ нѣкоторыхъ годовъ, стали дѣлать потомъ краткія замѣтки о выдающихся событіяхъ: о войнѣ, смерти князя, о разныхъ знаменіяхъ въ природѣ и т. п.; другіе года оставались безъ всякихъ замѣтокъ. Пасхальныя таблицы, перешедшія на Русь изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанствомъ, послужили первою основою и для нашихъ лѣтописей. За пасхальными таблицами послѣдовали болѣе подробныя лѣтописенныя замѣтки, а потомъ уже появились и цѣлыя лѣтописи. Образцами болѣе связнаго и обстоятельнаго изложенія событій могли послужить нашимъ лѣтописцамъ указанныя выше *византійскія хроники*.

Лѣтопись пр. Нестора. Первою по времени изъ всѣхъ со-

¹⁾ Пр. Макарій. Истор. Русск. Церкви. II т. 83—84 стр.

хранившихся до насъ лѣтописей признается лѣтопись пр. Нестора, инока Кіево-Печерскаго монастыря.—Свѣдѣнія о жизни самого лѣтописца очень скудны. Онъ родился въ 1056 г., 17-ти лѣтъ поступилъ въ Печерскій монастырь, незадолго передъ кончиною пр. Θεодосія. Въ иноки постриженъ игуменомъ Стефаномъ и при немъ-же поставленъ діаконъ. Въ 1091 году ему поручено было открытіе мощей пр. Θεодосія. Умеръ пр. Несторъ около 1114 года. Образованіемъ своимъ онъ былъ обязанъ, какъ и всѣ почти древне-рускіе писатели, своей любви и своему усердію къ чтенію русскихъ и византійскихъ сочиненій. Это былъ человѣкъ необыкновенныхъ дарованій и обладалъ разнообразными свѣдѣніями богословскими и историческими ¹⁾).

Подлинникъ лѣтописи Нестора до насъ не сохранился. Изъ дошедшихъ до насъ ея списковъ самый древній списокъ *Лаврентьевскій*: онъ составленъ инокомъ Лаврентіемъ въ 1377 году для Суздальскаго князя Дмитрія Константиновича. Но и этотъ списокъ не можетъ представлять собою точной копій лѣтописи Нестора: въ древнія времена составители и переписчики лѣтописей вносили обыкновенно въ свои рукописи разныя вставки и добавленія. Впрочемъ, изложеніе событій до 1110 года включительно можетъ быть принято за ближайшій текстъ лѣтописи Нестора. Полное заглавіе лѣтописи слѣдующее: „*Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля, кто въ Кіевъ нача перше княжити, и откуда Русская земля стала есть*“. Но, подражая византійскимъ хроникамъ, лѣтописецъ начинаетъ свое повѣствованіе не отъ начала Русской земли, а отъ временъ библейскихъ. Онъ исчисляетъ страны, доставшіяся по жребію сыновьямъ Ноя. Далѣе говоритъ о раздѣленіи народовъ послѣ вавилонскаго столпотворенія и при этомъ замѣчаетъ, что „языкъ (народовъ) словенскъ“ произошелъ „отъ племени Афетова“. Потомъ рассказываетъ о поселеніи Славянъ на берегахъ Дуная и о переселеніи ихъ затѣмъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ до Ильменя, Оки и притоковъ Днѣпра. Онъ указываетъ мѣст-

¹⁾ Пр. Макарій. Истор. Русск. Церкви. II т. 123 стр.

ности, на которыхъ поселились славянскія племена, и описываетъ нравы и обычаи этихъ племенъ. Лѣтопись собственно Русской земли начинается съ 852 года, подъ которымъ Русь въ первый разъ упоминается въ греческихъ лѣтописяхъ: „*Въ лѣто 6360 (852 г.) наченшу Михаилу (греческ. императоръ) царствовати, начися прозывати Русская земля. О семъ бо уведѣхомъ, яко при семъ цари приходима Русь на Царь-градъ, якоже пишется въ лѣтописаніи греческимъ Тымъ-же отсель почнемъ и числа положимъ*“. Съ этого времени въ лѣтописи года отмѣчаются аккуратно, ставятся даже и тѣ, подъ которыми не означено никакихъ событій, и такихъ *пустыхъ* годовъ въ лѣтописи Нестора указывается довольно много¹⁾. Естественно, что тѣ событія, которыя особенно были близки сердцу лѣтописца, и тѣ явленія, которыхъ онъ самъ былъ современникомъ и даже очевидцемъ, передаются въ лѣтописи особенно живо и подробно. Повѣствованіе пр. Нестора заканчивается 1110 годомъ, за которымъ слѣдуетъ уже лѣтопись продолжателей Нестора. Первымъ изъ нихъ былъ Сильвестръ, игуменъ Кіевскаго монастыря св. Михаила.

При составленіи своей лѣтописи пр. Несторъ пользовался двоякаго рода источниками: устными и письменными. Къ *устнымъ* источникамъ принадлежатъ народныя поэтическія преданія, и особенно преданія дружиннаго эпоса о первыхъ русскихъ князьяхъ; затѣмъ рассказы современниковъ: Кіево-Печерскій монастырь, какъ религіозно-просвѣтительный центръ древ-

¹⁾ Вотъ образецъ хронологическихъ записей у пр. Нестора:

Въ лѣто 6361. Въ лѣто 6362. Въ лѣто 6363. Въ лѣто 6364. Въ лѣто 6365. Въ лѣто 6366. Михайлъ царь изиде съ вои брегомъ и моремъ на болгары; болгары же увидѣвши не могла стати противу, креститися просивша и покоритися грекомъ; царь же крести князя ихъ и болгары вси и миръ сотвори съ болгары. Въ лѣто 6367. Имаху дань варязя пзъ заморья на чюди и на словѣнахъ, на мери и на всѣхъ кривичѣхъ...

Въ лѣто 6368. Въ лѣто 6369. Въ лѣто 6370. Изгнана нарги за море и не дана имъ дани и почаша сами въ себѣ володѣти и не бѣ въ нихъ правды и воста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ и воевати почаша сами на ся...

Въ лѣто 6371. Въ лѣто 6372. Въ лѣто 6373. Въ лѣто 6374. Иде Аскольдъ и Диръ на греки и придоша въ 14 лѣто Михаила царя...

Въ лѣто 6375. Въ лѣто 6376. Поча царствовати Василій.

Въ лѣто 6377. Крещена бысть вся земля болгарская... и т. д.

ней Руси, вмѣстѣ съ разказами о религіозныхъ подвигахъ иноковъ хранилъ въ ихъ средѣ много устныхъ сказаній о разныхъ событіяхъ въ землѣ отечественной; нѣкоторые изъ старцевъ обители, напр., Іеремія Прозорливый, Янъ, внукъ Остромира, были свидѣтелями отдаленныхъ событій русской жизни ¹⁾. Къ источникамъ *письменнымъ* относятся: византійскія хроники (Малалы и Георгія Амартола) и палея; далѣе—отдѣльныя сказанія и поученія, напр., житіе св. Владиміра, поученіе Мономаха и т. п.; наконецъ краткія лѣтописныя замѣтки, которыя велись по разнымъ монастырямъ. Такимъ образомъ по своему составу лѣтопись Нестора представляетъ собою сборникъ, составленный изъ разнаго рода источниковъ, и потому можетъ быть названа лѣтописнымъ сводомъ.

Какъ хранилище драгоцѣнныхъ остатковъ дружиннаго эпоса, печерскихъ сказаній и памятниковъ древней письменности, лѣтопись Нестора имѣетъ несомнѣнно очень важное литературное значеніе. Кромѣ этого, въ литературномъ отношеніи она вызываетъ высшій интересъ и тѣмъ еще, что является выраженіемъ духа древне-русскаго лѣтописца, его основныхъ чувствъ и его міровоззрѣнія. Основными мотивами лѣтописныхъ разказовъ являются чувство религіозное и чувство патріотическое. Христіанское благочестіе лѣтописца, воспитанное чтеніемъ священныхъ книгъ, сообщаетъ его повѣствованію религіозный характеръ: всѣ событія въ мірѣ и явленія въ природѣ объясняются непосредственнымъ участіемъ Божественнаго Промысла. Всѣ народныя бѣдствія: междоусобія, войны, засуха, голодъ, морь—суть наказанія Божіи за грѣхи: за грѣхи на каждую землю Богъ наводитъ голодъ или морь, засуху или иную казнь. Разныя явленія природы, какъ напр. солнечное затменіе, кометы, падающія звѣзды и т. п., называются знаменіями. Знаменія отъ Бога бывають, „ово па зло, ово ли на добро“. Въ лѣтописи отмѣчаются преимущественно тѣ, которыя бывають па зло, причемъ тотчасъ-же и указываются, какъ подтвержденіе вѣры въ знаменія, или война, или неурожай, или морь. Чувство религіозное сливается у лѣтописца съ чувствомъ

¹⁾ Подъ 1106 годомъ пр. Несторъ пишетъ: „Въ се же лѣто преставился Янъ, старецъ добрый, живъ лѣтъ девляносто, въ старости маститъ, у него же и азъ многа словеса слышахъ, еже и писахъ въ лѣтописаніи семъ“.

патріотическимъ. Такъ *вся Русская земля* составляетъ главный предметъ его сказаній. Все, въ чемъ выражается сила и слава земли Русской, вызываетъ у него постоянное участіе. Съ особеннымъ одушевленіемъ Несторъ рассказываетъ о временахъ христіанскихъ. Повѣствуя о крещеніи Ольги, лѣтописецъ прибавляетъ, что она первая отъ Руси вошла въ царство небесное: „сію бо хвалятъ русѣи сынове, ибо по смерти моляше Бога за Русь“... Она была предтечею христіанской (русской) земли, какъ денница предъ солнцемъ, какъ заря передъ свѣтомъ. Патріотическое и вмѣстѣ релігіозное чувства надолго останавливаютъ лѣтописца и на подвигъ великаго князя Владиміра, просвѣтившаго крещеніемъ землю Русскую. Ревнуя о книжномъ просвѣщеніи, Несторъ особенно цѣнитъ сына и преемника Владиміра—Ярослава, за распространеніе книжнаго образованія; и указываетъ на тѣсную связь его заслугъ съ заслугами его отца. При этомъ лѣтописецъ останавливается на разсужденіи о пользѣ книжнаго чтенія: „Якоже бо се нѣкто землю разореть—говоритъ онъ—другой же насѣетъ, ини же пожинаютъ и ѣдятъ пищу бескудную, тако и съ: отецъ бо сего Володимеръ взоръ и умягчи, рекше (то есть), крещеньемъ просвѣтивъ, съ же насѣя книжными словеса сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное. Велика бо бываетъ польза отъ ученья книжнаго, книгами бо кажеми и учеми есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и воздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяющи вселенную, се суть исходища мудрости: книгамъ бо есть нещетная глубина, сими бо въ печали утѣшаемы есмы, си суть узда воздержанью“. Къ подобнымъ же изображеніямъ относятся и тѣ мѣста, въ которыхъ Несторъ рассказываетъ объ основаніи Кіево-Печерскаго монастыря и первыхъ его подвижникахъ, пр. Антоніи и Θεодосіи, о братской любви и мученической кончинѣ святыхъ братьевъ Бориса и Глѣба и т. п.

Въ выборѣ и изложеніи фактовъ лѣтописецъ, конечно, не могъ руководиться какими-бы то ни было научными пріемами: онъ писалъ, по выраженію Пушкина, „не мудрствуя лукаво“. Поэтому въ лѣтописи нельзя искать ни критической оцѣнки фактовъ, ни прагматическаго ¹⁾ ихъ изложенія. Но если лѣ-

¹⁾ Прагматизмъ—указаніе внутренней связи между фактами, объясненіе ихъ причинъ и слѣдствій.

топись чужда характера научнаго, зато несомнѣнно она имѣеть глубоко-поучительный характеръ. Въ ней внушаются благочестивыя христіанскія чувства: вѣра въ промыслъ Божій, миръ, любовь, братолюбіе, почтеніе къ родителямъ и старшимъ, вѣрность крестному цѣлованію, раскаяніе во грѣхахъ, любовь къ родной русской землѣ, забота объ ея цѣлости и защита отъ враговъ; при этомъ приводятся часто обширныя выписки изъ Священнаго Писанія и примѣры изъ исторіи другихъ народовъ. Понятно, что при такомъ характерѣ и направленіи лѣтопись должна была имѣть высокое образовательное значеніе.

По своей формѣ лѣтопись Нестора, какъ и всѣ вообще лѣтописи, представляетъ собою *погодное* повѣствованіе о событіяхъ въ родной землѣ, причемъ, по обычаю византійскихъ хроникъ, лѣтосчисленіе ведется отъ сотворенія міра. Языкъ Несторовой лѣтописи, какъ и вообще древнихъ памятниковъ, представляетъ собою смѣшеніе церковно-славянскаго языка съ языкомъ народнымъ и потому можетъ быть названъ *славяно-русскимъ*. Въ лѣтописи приводится нѣсколько народныхъ пословицъ; таковы: „аще ли ся вѣвадитъ волкъ во овцѣ, то выноситъ все стадо“; „толи не будетъ межю нами мира, оли камень начнетъ плавати, а хмель начнетъ тонуть“; „погибша аки Обре“ и т. п.

„Мы обладаемъ въ Несторовой лѣтописи—говоритъ академикъ Погодинъ—такимъ сокровищемъ, какого не представитъ намъ латинская Европа, какому завидуютъ наши старшіе братья Славяне. Несторъ, во мракѣ XI вѣка, въ эпоху междоусобныхъ войнъ, возымѣлъ первый мысль передать на память вѣкамъ дѣянія нашихъ предковъ, мучительное рожденіе государства, бурное его дѣтство. Несторъ проложилъ дорогу, подалъ примѣръ всѣмъ своимъ преемникамъ въ Новгородѣ и Волыни, Владимірѣ и Псковѣ, Кіевѣ и Москвѣ, какъ продолжать его историческое дѣло, безъ котораго мы блуждали бы во тьмѣ преданій и вымысловъ. Несторъ исполнилъ это дѣло съ примѣчательнымъ здравымъ смысломъ, искусствомъ, добросовѣстностію, правдивостію и, прибавимъ здѣсь еще одно прекрасное его свойство, съ теплотою душевною, съ любовію къ отечеству.— Любовь къ отечеству въ эпоху столь отдаленную, въ эпоху,

когда всздѣ господствовала личность, выраженіе о Русской землѣ, когда всякій думалъ только о Кіевскомъ, Черниговскомъ или Дорогобужскомъ княжествѣ, выраженіе о Русской землѣ, въ устахъ святаго отшельника, погребеннаго заживо въ глубокой пещерѣ, обращеннаго всею душою къ Богу, и удѣляющаго между тѣмъ по нѣсколькѣ минутъ на размышленія о земной своей отчизнѣ,—явленія умилительныя! Такъ, Несторъ есть прекрасный характеръ русской исторіи, характеръ, которымъ долженъ дорожить всякій Русскій, любящій свое отечество, ревнующій литературной славѣ его, славѣ чистой и прекрасной. Несторъ, по всѣмъ правамъ, долженъ занимать почетное мѣсто въ Пантеонѣ русской литературы, русскаго просвѣщенія,—тамъ, гдѣ блистаютъ имена безсмертныхъ Кирилла и Меодія, изобрѣтателей славянской грамоты, которые научили предковъ молиться Богу на своемъ языкѣ, между тѣмъ какъ вся Европа, въ священныхъ храмахъ, лепетала чуждые, непонятные, варварскіе звуки; тамъ, гдѣ мы благоговѣемъ предъ изображеніемъ нашего Холмогорскаго рыбака, Ломоносова, давшаго намъ услышать новую, чудную гармонію въ отечественной рѣчи; гдѣ возвышается памятникъ Карамзина, котораго должны мы почитать Несторомъ нашего времени, идеаломъ русскаго гражданина и писателя; куда перенесли мы со слезами гробъ нашего Пушкина, который опустился далѣе всѣхъ въ глубину русской души и извлекъ изъ нея самыя основныя звуки. Туда, туда поставимъ мы... не портретъ, но освященный образъ нашего перваго лѣтописателя, знаменитаго инока Кіевопечерскаго, Нестора, провозгласимъ ему вѣчную память и будемъ молиться ему; мы будемъ молить его, чтобъ онъ подавалъ намъ собою примѣръ трудиться не для удовлетворенія своего бѣднаго самолюбія, не изъ угожденія своимъ мелкимъ страстямъ, а въ духѣ того смиренномудрія, которое внушило ему эти прекрасныя слова: „Азь грѣшный Несторъ мнѣй всѣхъ въ монастырѣ блаженнаго отца всѣхъ Θεодосія“,—трудится въ духѣ горячей любви къ отечеству, съ искреннимъ желаніемъ научиться и узнать истину“¹⁾.

Н. Протопоповъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Истор. Русск. Сл. Шевырева. II ч. 127—129.

РАЗБОРЪ ВОЗРАЖЕНІЙ ДЖОНА СТИЮАРТА МИЛЛЯ

ПРОТИВЪ ТЕИЗМА.

(Продолженіе *).

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Что считается дѣйствительностію? Если внѣшній предметъ познается нами не иначе, какъ чрезъ посредство возбуждаемыхъ имъ душевныхъ состояній, то, очевидно, заключать о томъ, что существуетъ, возможно только на основаніи этихъ состояній. Ясно, что душевныя состоянія суть первые извѣстные намъ признаки внѣшнихъ предметовъ, хотя послѣдніе и существуютъ раньше ихъ; сверхъ того, тѣ же душевныя состоянія являются и единственными указателями тѣхъ предметовъ, по дѣйствию которыхъ они возникаютъ. Наконецъ, можно сказать, что предметъ и вызванное имъ душевное состояніе для нашего сознанія одно и то же, такъ какъ самъ по себѣ предметъ, помимо причиняемаго имъ душевнаго состоянія, не только неизвѣстенъ и не познаваемъ, но и непонятенъ. Такимъ образомъ, какимъ бы научнымъ изслѣдованіемъ ни занялись мы, воображая, что имѣемъ дѣло съ предметомъ, въ дѣйствительности мы знакомимся съ нимъ лишь настолько, насколько онъ доступенъ намъ по нашимъ же душевнымъ состояніямъ. Поэтому есть всѣ причины утверждать, что *всякое существующее душевное состояніе* есть часть дѣйствительности и что этой частию не въ правѣ пренебрегать ни одинъ мыслитель, если она почему либо входитъ въ область его раз-

*) См. журн. „Вѣра и Разумъ“, за 1896 г. № 1.

суждений. Какъ въ тѣхъ случаяхъ, которые мы привыкли считать явленіями внѣшней природы, нельзя безнаказанно обойти вниманіемъ ни одинъ фактъ, иначе выведенное заключеніе будетъ всегда ложно; такъ точно и здѣсь каждый фактъ, каждая часть факта должна останавливать на себѣ вниманіе изслѣдователя, ибо въ противномъ случаѣ выводы его будутъ невѣрны. Словомъ, весь душевный міръ, со всѣми его частями, со всѣмъ содержаніемъ долженъ быть изученъ съ такимъ же подробнымъ вниманіемъ, съ какимъ изучается міръ, называемый внѣшнимъ; ничто въ немъ не должно быть опущено.

Въ отношеніи къ этому міру душевныхъ явленій надо помнить одну чрезвычайно важную и въ высшей степени любопытную его особенность: такъ какъ онъ есть психическое отображеніе того міра, котораго мы въ сущности не знаемъ, но называемъ внѣшнимъ, то всѣ душевные факты распадаются на два главные и рѣзко обозначенные отдѣла, зависящіе отъ того, какъ какой фактъ относится къ міру, отображеніемъ котораго онъ служитъ,—на факты *первоначальные* и потомъ *производные*. Первые всегда возникаютъ по поводу какого либо воздѣйствія со стороны внѣшней причины; вторые же могутъ быть образованы произволомъ души, и во всякомъ случаѣ внѣшняя дѣйствительность для нихъ не законъ, но въ то же время они непременно состоятъ изъ фактовъ первоначальныхъ. Это надлежитъ имѣть въ виду всякому, кто беретъ за рѣшеніе какого либо вопроса, вторгающагося въ предѣлы міра души. Если изслѣдователю представится какое либо сложное явленіе, напримѣръ, созданіе миѳическаго творчества, его дѣло разложить это явленіе на факты первоначальные и потомъ уже рѣшать вопросъ объ источникѣ, откуда оно возникло. Онъ не можетъ отвертываться ни отъ одного душевнаго факта—сложнаго въ такой же мѣрѣ, какъ и простѣйшаго; напротивъ, обязанъ разсматривать всякій фактъ, какъ явленіе существующее, и только тогда назвать его выдумкой, т. е., чисто субъективнымъ построеніемъ, воображенія ли то, разума ли, или еще какой способности, когда окажутся для этого вполне достаточныя основанія. Спрашивается: по какому признаку мы можемъ различать другъ отъ друга душевныя состоянія? Его можно найти, сравнивая между собою тѣ

состоянія, которыя извѣстны за несомнѣнно первоначальныя. Таковыми признаются обыкновенно состоянія, возникающія въ душѣ въ силу дѣятельности, такъ называемыхъ, органовъ внѣшнихъ чувствъ. Ихъ принято въ наукѣ называть ощущеніями. Ощущенія являются основными элементами всей душевной жизни; они же суть—главная и единственная опора человѣческихъ наукъ. Со стороны человѣческаго ума они возбуждаютъ къ себѣ безусловное довѣріе не только потому, что съ нихъ начинается душевная жизнь и, стало быть, помимо ихъ, въ силу необходимости, нельзя обращаться ни къ какому другому источнику познаній, но и потому, что голосъ ихъ признается неоспоримымъ свидѣтельствомъ объективныхъ причинъ. Ощущенія суть догматы познанія. Но такое беззавѣтное довѣріе бываетъ только къ каждому ощущенію въ отдѣльности; оно начинаетъ колебаться съ той поры, какъ ощущенія станутъ входить въ различныя сопряженія другъ съ другомъ. *Комбинація* ощущеній уже признается не столь непогрѣшимой, какъ отдѣльное ощущеніе. Если человѣкъ испытываетъ, на примѣръ, ощущеніе звука, то ему и въ голову не придетъ, что этого ощущенія нѣтъ, что оно само по себѣ ложно. Между тѣмъ, такое, на примѣръ, сочетаніе ощущеній: темнота свѣтитъ, всегда вызоветъ недовѣріе, несогласіе. Да и всякая комбинація ощущеній, пока она не проверена, заключаетъ въ себѣ основаніе къ сомнѣнію. Комбинація: дважды два—четыре, только послѣ особой проверки будетъ принята, какъ истина. Въ первомъ случаѣ, ощущеніе *принуждаетъ* человѣка вѣрить себѣ, во второмъ случаѣ такого дѣйствія совсѣмъ нѣтъ. *Принудительность* и есть главнѣйшее отличіе ощущеній, какъ состояній первоначальныхъ. Надъ этими состояніями наша воля не имѣетъ никакой власти; въ минуту ихъ дѣйствія она не можетъ самовольно ни истребить ихъ, ни переименовать, ни заставить ихъ не существовать. Если мы, на примѣръ, прибѣгая къ обычному словоупотребленію, смотримъ на предметъ, окрашенный въ бѣлый цвѣтъ, то ощущеніе этого бѣлаго цвѣта не прекращается до тѣхъ поръ, пока мы не отведемъ отъ него глаза или не займемъ своего вниманія какимъ нибудь другимъ душевнымъ состояніемъ. Именно такого рода состоянія лежатъ въ основѣ свойствъ, приписываемыхъ физикою вещественнымъ предметамъ.

Дѣйствительно, взявъ какое нибудь тѣло, мы находимъ, что оно обладаетъ слѣдующими основными или первичными свойствами: цвѣтомъ, формою, включая сюда и тѣлесность, степенью твердости, тяжестью или вѣсомъ, иногда—вкусомъ, запахомъ, всегда—степенью гладкости или шероховатости, температурой и способностью издавать звукъ. Эти свойства тѣлъ физика считаетъ объективными, тогда какъ все они суть не что иное, какъ наши душевныя состоянія, но только съ признакомъ принудительности; въ образованіи ихъ обыкновенно принимаютъ участіе слѣдующіе органы: глазъ, мышцы, языкъ, носъ, ухо. Душа, какъ рабыня, подчиняется дѣйствию этихъ органовъ, будучи не въ силахъ освободиться отъ обаянія, что это дѣйствіе истекаетъ отъ объективнаго предмета; если бы она даже захотѣла не подчиниться имъ, то и тогда не могла бы сдѣлать этого.

Второе свойство описываемыхъ состояній—*возникновеніе чрезъ одинъ органъ*. Гдѣ вступаютъ въ дѣло два органа, тамъ является уже цѣлая комбинація ощущеній. Въ связи съ этимъ стоятъ слѣдующія два свойства: 1) неразложимость, 2) отсутствіе отношенія. *Разложимо* только такое состояніе, въ которомъ принимаютъ участіе не менѣе двухъ органовъ; попытка же разложить состояніе, возникшее посредствомъ одного только органа, никогда не удается. Пусть, на примѣръ, попытаются разложить ощущение запаха или вкуса. Отсутствіе *отношенія* показываетъ, что данное состояніе постижимо и понятно само изъ себя. Для того, чтобы постичь и понять, на примѣръ, ощущение звука, не требуется въ то же время испытывать и еще какое нибудь ощущеніе, положимъ ощущеніе температуры. Но этого не можетъ быть, когда дана *комбинація* ощущеній. Тамъ непременно должно быть отношеніе, иначе не получится и самой комбинаціи. Такимъ образомъ: *принудительность, зависимость отъ одного органа, неразложимость и отсутствіе отношенія*.—вотъ основные признаки первоначальныхъ состояній ¹⁾.

¹⁾ Этимъ словамъ противорѣчитъ ученіе современныхъ психологовъ о такъ называемой *душевной химіи* *) и объ относительности сознанія. Теперь вообще

*) Выраженіе это, какъ извѣстно, принадлежитъ Вундту; но самъ Вундтъ въ послѣдствіи замѣнилъ его инымъ выраженіемъ: *ассоціативное смѣсаніе*. *Примъч. Ред.*

Но съ принудительностью можетъ дѣйствовать не только каждое ощущеніе въ отдѣльности, а и комбинація ихъ. Положеніе: дважды два—четыре не можетъ вызывать сомнѣній съ тѣхъ поръ, какъ заключающіяся въ немъ слова правильно поняты, т. е. вызвали соотвѣтствующее психическое состояніе.

принимается, что 1) многія состоянія сознанія, являющіяся повидимому простыми и едиными, при болѣе тщательномъ изслѣдованіи оказываются сложными и разлагаются на другія простѣйшія и что 2) всякое состояніе сознанія возможно только тамъ, гдѣ есть различіе или противоположность. Мы воспринимаемъ, напримѣръ, цвѣта исключительно потому, что предметы окрашены различно, и если бы въ природѣ былъ *одинъ* цвѣтъ, мы не замѣчали бы его.

По нашему мнѣнію, говорить о душевной химіи значить давать несвойственное употребленіе слову *химія*. По своему прямому значенію это слово указываетъ такія явленія въ природѣ, когда изъ соединенія двухъ или нѣсколькихъ веществъ получается новое, по своимъ свойствамъ совершенно не похожее на первыя. Такого рода вещество всегда можно разложить на его составныя (элементы), при чемъ оно утратитъ всѣ свойства, пріобрѣтенныя изъ соединенія. Поваренная соль совсѣмъ не обладаетъ тѣми свойствами, какія принадлежатъ хлору и натрію—составляющимъ ее веществамъ, равно и при своемъ разложеніи она теряетъ ихъ, переходя въ совсѣмъ другія вещества. Можно ли все это приложить къ душевнымъ явленіямъ? Думаемъ, что нѣтъ. Не смотря, напримѣръ, на то, что бѣлый цвѣтъ, какъ извѣстно, разложимъ на другіе цвѣта, *ощущеніе* его, какъ душевное состояніе, просто. Призма разлагаетъ бѣлый солнечный лучъ на 7 цвѣтовъ спектра; разные цвѣта, сегментами расположенные на кругѣ, при его быстромъ вращеніи сопровождаются ощущеніемъ блага цвѣта. Но и разложеніе луча помощію призмы и соединеніе основныхъ цвѣтовъ посредствомъ вращающагося круга—суть дѣйствія, которыя производятся не надъ самими ощущеніями, а надъ ихъ *объективными причинами*; поэтому какъ разложеніе, такъ и соединеніе приложимы только къ этимъ внѣшнимъ причинамъ и отнюдь не къ возникающимъ по поводу ихъ дѣйствіямъ душевнымъ состояніямъ. Такимъ образомъ, то, что служитъ признакомъ разложимости внѣшнихъ предметовъ, неосновательно и непослѣдовательно считать признакомъ разложимости и ощущеній. Неоспоримый фактъ, что нѣкоторые предметы при разложеніи или соединеніи вызываютъ разные ощущенія, даетъ основаніе только къ такому выводу: *измѣненная внѣшняя причина измѣняетъ ощущеніе*. Но это ощущеніе отнюдь не вытекаетъ изъ другого, болѣе сложнаго, вовсе не выдѣляется изъ него, какъ простѣйшее или какъ его составная часть.

Кромѣ того, надо сказать, что психико-химическая теорія не отличается ни точностью, ни ясностью и не только не облегчаетъ пониманія душевныхъ явленій, напротивъ даже затрудняетъ его. Въ самомъ дѣлѣ, производить надъ ощущеніями химическіе опыты сложенія или разложенія въ томъ смыслѣ, въ какомъ это требуется теоріей, невозможно. Солнечный лучъ разложить мы можемъ, между тѣмъ самое ощущеніе блага не разложитъ ни одинъ экспериментаторъ. Но внѣшніе предметы разложимы двояко: химически и механически. Эти два разложенія весьма различны другъ отъ друга и однако же оба они одинаково могутъ сопровождаться пзмѣненіемъ въ ощущеніяхъ. Горючее вещество и продуктъ горѣнія производятъ

Это зависитъ отъ того, что и порядокъ размѣщенія вѣншихъ возбудителей въ свою очередь также оказываетъ дѣйствіе на душу. Отсюда было бы весьма легко рѣшить, какая комбинація первоначальныхъ состояній соотвѣтствуетъ объективному порядку или размѣщенію. Комбинація съ признакомъ принуди-

разныя ощущенія, но и простое механическое соединеніе наприимѣръ желтой краски съ голубой даетъ ощущеніе зеленого цвѣта, т. е. вызываетъ совершенно новое психическое качество. Теперь спрашивается: что же будетъ признакомъ простоты или сложности душевныхъ состояній—разложимость химическая или механическая? Считать такимъ признакомъ нельзя ни каждую въ отдѣльности, ни тѣмъ болѣе обѣ вмѣстѣ, потому что ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ простота или сложность душевныхъ состояній не совпадаетъ съ простотой или сложностью вѣншихъ причинъ.

Распространенное ученіе объ относительности сознанія также подлежитъ сомнѣнію и есть вѣскія основанія оспаривать приложимость къ нему этого закона.

1) Безусловную необходимость для сознанія закона относительности можно было бы признать только въ томъ случаѣ, если бы отношеніе предшествовало всякому состоянію сознанія, какъ причина слѣдствію. Но отношеніе, по самой природѣ своей, не можетъ быть самостоятельнымъ и независимымъ явленіемъ, оно до такой степени неразрывно связано съ состояніемъ сознанія, что всегда и неизмѣнно появляется вмѣстѣ съ ними, сопровождаетъ ихъ или сопутствуетъ имъ. Положимъ, ощущеніе бѣлаго цвѣта становится доступнымъ сознанію въ силу его несходства съ ощущеніемъ чернаго, т. е., въ силу отношенія. Но это отношеніе мыслимо только вмѣстѣ, одновременно съ самыми отношеніями, помимо ихъ оно не существуетъ. А между тѣмъ, по теоріи сначала должно возникнуть отношеніе и потомъ уже обуславливаемыя имъ ощущенія, т. е. какъ разъ вопреки дѣйствительности. Такимъ образомъ, съ этой стороны теорія оказывается несостоятельной.

2) Опыты, которые можно приводить въ ея подтвержденіе, обнимаютъ собой только случаи нѣкотораго *измѣненія* ощущеній вслѣдствіе ихъ взаимнаго отношенія и вовсе не проникаютъ въ глубину природы сознанія. „Чтобы заставить насъ получить ощущеніе (feel), говорятъ Вэпъ, впечатлѣніе должно переимѣниться; отсюда всякое ощущеніе имѣетъ двѣ стороны. Въ этомъ и состоитъ законъ различія или относительности“ *) Факты, изъ которыхъ извлекается этотъ выводъ, заключаются въ томъ, что непрерывное дѣйствіе одного и того же впечатлѣнія ослабляетъ силу ощущенія, приближая его къ состоянію безсознательному, что напротивъ переимѣна впечатлѣнія повышаетъ эту силу. Мы не замѣчаемъ давленія платья, къ которому привыкли, мельникъ не слышитъ шума верхнихъ колесъ, путешественникъ, пробывшій много времени на пароходѣ, забываетъ грохотъ машины, который сильно надоѣдаетъ ему на первыхъ порахъ, и пр. Между подобными явленіями особенно поразителенъ слѣдующій опытъ. Если палецъ одной руки опустить въ холодную воду, а другой въ теплую и затѣмъ оба ихъ снова опустить въ воду средней температуры, то послѣдняя покажется теплой для перваго пальца и прохладной для второго. Такимъ образомъ отъ одного и того же

*) Bain. Logie, p. I, 2.

тельности очевидно есть отображеніе объективнаго порядка, комбинація съ обратнымъ признакомъ или элементомъ произвольности—субъективной природы. Между тѣмъ въ наукѣ много множество такихъ комбинацій, которыя дѣйствуютъ на душу совѣмъ не принудительно и однако же истинны. Не сви-

предмета одновременно мы получаемъ здѣсь два разныхъ ощущеній. Но эти и подобные факты, по нашему мнѣнію, свидѣтельствуютъ только о томъ, что переменна можетъ быть условіемъ одного *усиленія* ощущенія, а никакъ не возобновленія его. Для того, чтобы ощущеніе появилось въ сознаниі, необходима прямая внѣшняя причина и это тѣмъ болѣе справедливо относительно *качества* ощущенія. Сколько бы переменныя ни произошло въ ощущеніяхъ, мы не почувствуемъ запаха нашатырнаго спирта, пока не будетъ принесена эта жидкость и мы ее не понюхаемъ. Что же касается послѣдняго примѣра, то надо замѣтить, что и здѣсь дѣло вовсе не въ переменѣ, какъ перемѣнѣ, а въ прямомъ измѣненіи внѣшней причины. Пальцы, подвергнутые дѣйствию разныхъ температуръ и потомъ перемѣщенные въ одну и ту же температуру, испытываютъ вліяніе *различныхъ* внѣшнихъ причинъ; не мудрено, что и ощущенія они даютъ не одинаковыя.

Отсюда 3) само собою слѣдуетъ, что заключеніе объ относительности сознанія превышаетъ показанія фактовъ. Свидѣтельствуя объ одномъ только возрастаніи *силы* ощущенія, они не даютъ права заключать къ ихъ *появленію* или *возникновенію*. Поэтому не можетъ быть доказано предположеніе, что мы вовсе не ощущали бы цвѣтовъ, если бы въ природѣ былъ только одинъ цвѣтъ. Разумѣется, мы потому ощущаемъ *разные* цвѣта, что они въ природѣ различны; по какому образомъ возможно вывести отсюда заключеніе, что мы не ощущали бы *ни одного*, если бы вѣкъ насъ былъ только *одна* цвѣтъ? Это непонятно.

4) Если бы для сознанія былъ такъ необходимъ законъ относительности, то всякая переменна во взаимныхъ отношеніяхъ ощущеній влекла бы за собою переменну и въ нихъ самихъ. Однако въ дѣйствительности этого не бываетъ. Опровергая возраженіе противниковъ, что при существованіи закона относительности не могло бы быть перваго ощущенія, защитники его указываютъ на то, что на сознаніе съ самаго его появленія дѣйствуетъ множество причинъ, вслѣдствіе чего сразу же осуществляется законъ относительности. Изъ этого выходитъ, что всѣ ощущенія, сколько бы ихъ ни было въ сознаниі, должны вліять другъ на друга, взаимно видоизмѣняться. Но неужели ощущеніе, напримѣръ, вкуса можетъ измѣнить въ чемъ нибудь ощущеніе хотя бы звука? Положимъ въ ротъ кусочекъ сахара и возьмемъ на роили верхнее до; затѣмъ возьмемъ ту же ноту, вынувъ изо рта сахаръ. Измѣнится наше ощущеніе звука или нѣтъ? Конечно, нѣтъ: тогда какъ по теоріи относительности сознанія этого непремѣнно слѣдуетъ ожидать.

5) Самое сознаніе по всей вѣроятности слѣдуетъ понимать не въ видѣ какого нибудь безразличія, а тѣмъ болѣе простого слѣдствія сталкивающихся впечатлѣній, но въ видѣ определенной психической реальности, обладающей жизнью раньше всякихъ впечатлѣній со стороны внѣшняго міра и потому стоящей вѣкъ таковой стѣснятельной зависимости отъ закона относительности. Въ пользу этого мнѣнія можно представить основанія. Предыдущія разсужденія показываютъ, что законъ относительности только измѣняетъ ощущенія и никоимъ образомъ не мо-

дѣлательствуетъ ли это противъ нашего положенія? Нѣтъ; названныя комбинаціи признаются истинными не сразу, а послѣ того, какъ окажется, что ихъ въ концѣ концовъ можно свести къ простѣйшимъ комбинаціямъ, дѣйствующимъ съ принудительностью, или что комбинаціи, обратныя имъ, противорѣчатъ

жетъ опредѣлять собою самое возникновеніе или появленіе ихъ; къ подобному заключенію опытъ не даетъ ни одного основанія. Если же такъ, то, предположивши, что въ мірѣ исчезли всякія отношенія, этимъ самымъ мы еще не лишили бы сознаніе права на существованіе, оно и тогда осталось бы неприкосновеннымъ. Посмотримъ теперь, насколько допустимы другіе доводы въ пользу несамостоятельности или производности сознанія. Не останавливаясь на ученіяхъ метафизическихъ, каково, напримѣръ, ученіе матеріалистовъ, будемъ имѣть дѣло только съ психологами. Одни изъ нихъ считаютъ сознаніе простою суммою всѣхъ сознательныхъ или душевныхъ состояній, другіе общимъ *выраженіемъ* всей органической дѣятельности тѣла, *выраженіемъ*, въ которомъ сливаются въ одно смутное состояніе разныя чувственныя впечатлѣнія, теряя свои особенныя рѣзкія черты. Рѣшительнымъ опроверженіемъ перваго ученія служитъ то обстоятельство, что при возникновеніи разныхъ душевныхъ состояній воспринимаются наипросто одни качественныя особенности ихъ, но и еще *нѣчто*, одинаково сопутствующее положительно каждому изъ нихъ. Обнаружить присутствіе этого *нѣчто* очень легко. Толпа людей, стоящая передъ одной и той же картиной получаетъ отъ нея конечно много и разныхъ и одинаковыхъ впечатлѣній. Почему же эти одинаковыя впечатлѣнія, не говоря уже о несходныхъ, не составляютъ *одного* сознанія? Если дѣло только въ суммѣ, то вѣдь она можетъ получиться не только изъ сложенія состояній одного лица, но изъ сложенія и многихъ другихъ состояній, подобно, напримѣръ, тому, какъ звуки, извлекаемые изъ инструментовъ сотней музыкантовъ, въ общемъ производятъ гармонію. Однако, кто осмѣлится говорить объ единомъ сознаніи толпы? Точно также душевныя состоянія и отдѣльнаго лица не составляютъ простого несвязаннаго рядъ рядъ. При психическомъ выраженіи этихъ состояній всегда появляется такой признакъ, котораго нельзя отыскать ни въ одномъ виѣшенемъ впечатлѣніи, вызывающемъ душевныя состоянія, и котораго тѣмъ болѣе не можетъ быть въ простой суммѣ такихъ впечатлѣній. Большинство психологовъ признаетъ этотъ признакъ *сравненіемъ*, по слѣдствію Д. С. Милля, его лучше было бы называть *чувствомъ сходства и различія*. Откуда берется оно, если сознаніе есть не что иное, какъ рядъ отдѣльныхъ состояній? Что различаетъ между собой звукъ и цвѣтъ, вкусъ и запахъ, холодъ и тепло и пр? Очевидно, это различеніе возможно только въ томъ случаѣ, если каждое душевное состояніе не есть совершенно обособленное явленіе, а затрогиваетъ собою еще *что то другое*, что способно въ одно и то же время подаваться нѣсколькимъ впечатлѣніямъ, воспринимая ихъ то какъ различныя, то какъ сходныя. Это воспріятіе сходства и различія относится рѣшительно къ каждому состоянію, потому что въ нашихъ впечатлѣніяхъ нѣтъ ни безусловно сходныхъ (тождественныхъ), ни безусловно различныхъ; оно же является и психическимъ условіемъ памяти. Если бы мы не воспринимали сходства, то каждое душевное состояніе было бы для насъ совершенно ново, и нельзя было бы говорить ни объ *узнава-*

послѣднимъ. Вмеѣстѣ съ означенными комбинаціями есть еще такія, которыя и не сводимы къ простѣйшимъ принудительнымъ комбинаціямъ и противорѣчатъ имъ. Тѣ, конечно, должны быть признаны вполнѣ произвольными.

Нельзя, разумѣется, допустить, будто существующія принудительныя комбинаціи первоначальныхъ состояній исчерпываютъ собою всѣ типы порядка внѣшнихъ причинъ. Открытіе новыхъ и новыхъ сопряженій доказываетъ противное. Но должно согласиться, что разъ данная комбинація относится къ ряду принудительныхъ, не только она истинна, а и всякая противорѣчающая ей ложна. Если комбинація—дважды два—четыре, истинна, то комбинація: дважды два *не* четыре безусловно ложна, хотя бы противнаго мнѣнія были самые выдающіеся умы вселенной. Вотъ почему ни одна новая комбинація не должна

ни, ни о припоминаніи; не было бы, словомъ, памяти. Но благодаря чувству сходства тѣ данныя состоянія, подобныя которымъ испытывались нами раньше, воспринимаются какъ члены единой цѣпи, уходящей далеко въ прошлое, а благодаря чувству различія и *новыя* состоянія присоединяются къ той же цѣпи, потому что они не безразличны къ другимъ состояніямъ, вмеѣстѣ съ ними они возбуждаютъ сознание, которое, такъ сказать, и *созерцаетъ* ихъ. Тѣмъ же самымъ чувствомъ и точно такимъ же способомъ объединяются между собою и всѣ данныя состоянія. Такимъ образомъ въ суммѣ душевныхъ явленій оказывается одна общая нить, независящая отъ нихъ, хотя и безразличная къ нимъ. Она должна существовать прежде отдѣльныхъ состояній и помимо ихъ, потому что въ противномъ случаѣ они находились бы другъ къ другу въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находятся состоянія толпы. Эта то нить, связывающая разные душевные состоянія посредствомъ одновременнаго воспріятія ихъ сходства и различія, и есть то, что даетъ возможность каждому человѣку отличать *свое* отъ *чужого*, словомъ—что является содержаніемъ 'я. Несостоятельность второго взгляда очевидна еще болѣе. Во-первыхъ, здѣсь отчасти замѣшивается „душевная химія“, о невозможности которой говорено выше. Во-вторыхъ, строго говоря, оно указываетъ не весь кругъ сознательныхъ состояній, а только состоянія общей или органической чувствительности. Если этотъ кругъ расширить до его дѣйствительныхъ границъ, то здѣсь придется еще разъ повторить то, что сказано касательно перваго ученія.

Отъ Редакціи. Рѣшившись помѣстить это приложение автора, равно какъ и другія его приложенія, въ формѣ примѣчаній, Редакція надѣется, что почтенный авторъ легко пзвинитъ ее въ этомъ, почти невольномъ отступленіи отъ намѣченнаго имъ плана печатанія своего сочиненія и высказаннаго имъ въ концѣ первой главы этого же сочиненія. Редакція находитъ крайне неудобнымъ для своихъ читателей помѣщать эти примѣчанія въ формѣ приложений въ концѣ сочиненія, печатаніе котораго можетъ продолжиться нѣсколько мѣсяцевъ.

опровергать установленную, иначе—которая нибудь изъ нихъ ложна ¹⁾).

Пространство и время.

Вопросъ о пространствѣ и времени въ философскомъ міросозерцаніи занимаетъ такое важное мѣсто, что объ этихъ пред-

1) *Принудительность* или *необходимость* нѣкоторыхъ психическихъ состояній многимъ философамъ даетъ основаніе утверждать, что такіа состоянія не суть явленія, состоящія подъ управленіемъ вѣншихъ причинъ, но суть порожденіе самаго духа; тогда какъ мы становимся на сторону противоположнаго мнѣнія, т. е., утверждаемъ, что все, дѣйствующее съ принужденіемъ или необходимостью, чему духъ не можетъ сопротивляться, если бы даже захотѣлъ, есть слѣдствіе вѣншихъ причинъ. Мы думаемъ, что это можно доказать. Въ состояніяхъ духа надо различать двѣ вещи: самое состояніе, самый психическій элементъ, сознаваемый нами, само психическое возбужденіе, и *сочетаніе* или *передвиженіе* психическихъ состояній. Въ нашемъ человѣческомъ опытѣ постоянно встрѣчается группа явленій, объединенныхъ или связанныхъ одно съ другимъ общей имъ всѣмъ природой психическаго чувствительна, психической возбудимости. Эта группа обладаетъ двумя рѣзко выступающими свойствами: съ одной стороны, она можетъ возникать безчисленное множество разъ; но съ другой, положительно каждый случай ея возникновенія проявляется одними и тѣми же признаками. Всѣ они исчерпываются слѣдующими названіями: ощущенія, чувства, мысли, воли (со стремленіями, желаніями и хотѣніями). Въ людяхъ могутъ быть мириады ощущеній, столько же чувствъ, хотѣній и пр., но всѣ они непремѣнно ощущенія, чувства, хотѣнія, т. е., во всѣхъ нихъ непремѣнно присутствуетъ то психическое содержаніе, которое каждому человѣку извѣстно по внутреннему сознанію и которое ни разу въ продолженіе жизни не измѣняетъ своей природы. Пусть читатель провѣритъ это на себѣ самомъ: ему предлагается подумать, измѣнилось ли, по своему содержанію, хотя одно изъ его ощущеній, испытанныхъ имъ прежде и испытываемыхъ теперь. Неспорно, что онъ, напримѣръ, красный цвѣтъ ощущаетъ въ данную минуту въ тѣхъ же свойствахъ, въ какихъ ощущалъ его годъ тому назадъ, два года, три и т. д. То же справедливо и о всѣхъ другихъ душевныхъ состояніяхъ. Психическая природа горя, радости, грусти, скуки и пр. всегда одна и та же, мѣняется только предметъ, съ которымъ случайно связывается которое либо изъ этихъ чувствъ.

Такимъ образомъ въ глубинѣ смѣняющихся другъ друга психическихъ явленій лежатъ постоянное условіе ихъ возникновенія. Спрашивается: въ чемъ состоитъ природа этого постоянного условія? Для рѣшенія этого вопроса посмотримъ, не остается ли что нибудь послѣ исчезновенія различныхъ психическихъ явленій. Я, какъ и всякій подобный мнѣ, попеременно—вижу, слышу, обоняю, вкушаю, осязаю, истрачиваю силу; радуюсь или огорчаюсь, желаю, хочу, дѣйствую. Въ продолженіе моей жизни каждое изъ этихъ явленій непремѣнно переживается мною, но въ то же время каждое изъ нихъ безусловно исчезаетъ. Я взглянулъ на спѣль, вижу, что онъ бѣлъ, затѣмъ отвертываюсь,—ощущеніе пропадаетъ. Болѣе уже испытанное ощущеніе никогда не повторится; всякое другое будетъ лишь подобно ему, но не одно и то же. Между тѣмъ ощущеніе исчезло не безслѣдно. Послѣ

метахъ такъ же необходимо составить точно определенное понятіе, какъ обучающемуся чтенію необходимо предварительно твердо знать азбуку. Сообразно тому, что нами говорилось о „значеніи“ или „созначеніи“ названій, мы прежде всего должны рѣшить, какое психическое содержаніе указывается двумя

него осталось знаніе, что оно было. Это знаніе называютъ обыкновенно *памятью*. Слово память обнимаетъ только знаніе прошлыхъ явленій; но наряду съ этимъ знаніемъ есть еще другое, которое касается будущихъ явленій и выражается въ ожиданіи, что они *наступятъ*. То и другое знаніе дѣйствуетъ конечно далеко не всегда; не каждое же мгновеніе мы испытываемъ убѣжденіе, что переживали различныя состоянія и будемъ ихъ переживать когда нибудь вновь. Но когда это убѣжденіе возникаетъ, то у него всегда оказывается къ тому основаніе, въ силу котораго всѣ прежнія состоянія присвоются „я“; къ нему же относятся и всѣ ожидаемыя состоянія. Мы постоянно говоримъ: *мы слышали, мы услышимъ, мы видѣли, мы увидимъ*, и подъ этимъ *мы* или *я* разумѣется прекрасно извѣстное каждому живому человѣку психическое возбужденіе, которое не покидаетъ насъ ни на одно мгновеніе въ жизни: ни во снѣ, ни на яву, и которое является постоянной психической нитью, связывающей наше прошлое, настоящее и будущее. Это не исчезающее психическое возбужденіе есть фактъ, оспаривать который можетъ лишь тотъ, кто способенъ сомнѣваться въ собственномъ существованіи; онъ—то и служитъ постояннымъ условіемъ, сопутствующимъ всѣмъ измѣнчивымъ психическимъ явленіямъ или состояніямъ. Есть люди, которые указываемое нами условіе поставляютъ въ зависимость отъ нервной системы. Рѣшительнымъ доводомъ противъ нихъ служитъ то обстоятельство, что нервы могутъ сохранять лишь прошлое и настоящее; а между тѣмъ ожиданіе *будущаго*, еще не осуществившагося въ первыхъ состояніяхъ, есть также реальность, есть также фактъ; это и доказываетъ чистоту психической природы разсматриваемаго нами возбужденія. Указанное психическое постоянство, всегда присутствующее во всякомъ душевномъ явленіи, и разумѣется подъ четырьмя приведенными названіями. По другому словоупотребленію, тотъ же предметъ разумѣется подъ такъ называемыми четырьмя способностями: ощущеніи, мысли, чувства и воли. Этому постоянству или этимъ способностямъ въ совокупности мы придаемъ названіе—„духъ“. Вотъ предметъ нашей рѣчп. Въ данную пору для насъ важно имѣть въ виду то свойство духа, по которому, онъ можетъ произвольно заставить себя то мыслить, то чувствовать, то хотѣть и т. д., т. е., произвольно привести въ дѣйствіе одну изъ своихъ способностей, иначе говоря: возбудить, сообразно данному желанію, теченіе душевныхъ состояній. Благодаря этому дару духа возникаетъ рядъ явленій, которыя принято называть произведеніемъ духа и въ этомъ смыслѣ субъективными состояніями. Надъ такими состояніями духъ всегда сохраняетъ свою власть, которая проявляется въ томъ, что какъ произвольно они вызываются, такъ же произвольно могутъ быть и устранены; при чемъ духъ постоянно знаетъ, что это именно его произведенія. Я могу, наиримѣръ, нарисовать въ воображеніи муху величиною съ человѣка; но я буду знать, что это наѣкомое произведеніе моего воображенія и что участь его всецѣло зависятъ отъ меня. Непроизвольно или принудительно въ созданіи мечты моей будетъ только то, что касается от-

означенными названіями—„пространство“ и „время“? Если мы пригласимъ съ одной стороны остановить вниманіе на *протяженіи* и *разстояніи*, а съ другой на *теченіи* какихъ нибудь смѣняющихся явленій, то въ первомъ случаѣ будетъ дано *пространство*, во второмъ—*время*. Вникая въ воспріятія, соответствующія словамъ: протяженіе, разстояніе, теченіе, мы

дѣльнаго дѣйствія какой либо изъ способностей моего духа, т. е., что касается меня же самого, моего „я“, которое есть духъ, состоящій изъ поименованныхъ способностей.

На основаніи этого мы можемъ установить такое правило: *всякое произведеніе духа, т. е., изъстпизъ психическихъ способностей, непременно заключаетъ въ себѣ элементъ произвольности*. Слѣдовательно, если въ какомъ либо психическомъ явленіи мы найдемъ элементъ произвольности, оно въ силу этого признака, должно быть отнесено къ субъективнымъ состояніямъ (произведеніямъ) нашего духа.

Но отсюда само собой уже слѣдуетъ, что тѣ психическія состоянія, въ которыхъ нѣтъ указаннаго элемента, иначе: которыя возникаютъ въ нашемъ духѣ непроизвольно, съ *принужденіемъ* дѣйствуютъ на его способности,—эти состоянія должны быть отнесены къ причинамъ, не зависящимъ отъ духа. Вотъ почему, когда дѣло идетъ не о психическихъ способностяхъ, не о психическомъ постоянствѣ, которое само себя переродитъ, конечно, не можетъ, не о признакахъ его, а о наступленіи дѣйствій этого постоянства, то принудительность или необходимость есть прямое доказательство, что причина психическихъ состояній не самъ духъ. Принудительность самихъ психическихъ способностей есть не что иное, какъ психическое *единообразіе*, другими словами: психическое *постоянство*, т. е., духъ-то именно и есть принудительность. Объ этой принудительности мы и говоримъ, что иногда она сама себя побуждаетъ къ дѣйствію, иногда же это побужденіе истекаетъ со стороны; и первые случаи всегда отличаются отъ вторыхъ по яснѣйшему признаку, который нами указанъ.

Доводомъ противъ насъ можетъ служить предположеніе, что у духа есть безсознательная дѣятельность. Не суть ли всѣ психическія состоянія, считающіеся нами произведеніемъ объективныхъ причинъ въ силу ихъ принудительности, плоды этой дѣятельности духа?

По нашему крайнему разумѣнію, такое предположеніе, котораго дѣйствительно держатся нѣкоторые мыслители, есть невозвратительное злоупотребленіе словами. Въ самомъ дѣлѣ, что такое духъ? Онъ есть психическое постоянство, то никогда не измѣняющееся содержаніе, которое является однимъ и тѣмъ же во всѣхъ безъ исключенія психическихъ состояніяхъ; это то самое, что обыкновенно хотятъ выразить словомъ „сознаніе“. Такимъ образомъ, все, что обнимается словомъ сознаніе, есть въ то же время и означеніе слова „духъ“. Пусть кто нибудь укажетъ, что „сознаніе“ когда нибудь значитъ нѣчто отличное отъ психическаго возбужденія, которое является общей психической природой всѣхъ душевныхъ состояній, т. е., содержаніемъ духа. Но если такъ, то безсознательная дѣятельность духа есть *contradictio in adjecto*. Всякое дѣйствіе духа непременно сознается, потому что духъ и сознаніе одно и то же; назвать какое либо дѣйствіе духа безсознательнымъ, значитъ связать предметъ съ его отрицаніемъ, сказать въ

усматриваемъ въ нихъ одну общую рѣзкую черту, именно *дѣлимость* и *разложимость на части*. О пространствѣ мы всегда мыслимъ, какъ о громадномъ кускѣ, который можно разнять на мелкія доли; время для насъ также есть рядъ единичныхъ мгновеній, которыя съ одинаковою легкостью поддаются счету, какъ, на примѣръ, сто грушъ или двадцать верстъ.

одно и то же время „да“ и „нѣтъ“, „существованіе“ и „небытіе“, „присутствіе“ и „отсутствіе“. Безсознательная дѣятельность можетъ принадлежать только такой причинѣ, которая не есть ни ощущеніе, ни чувство, ни мысль, ни воля. Стало быть, когда говорится о такой дѣятельности, то надо помнить, что въ ней не участвуетъ ни одна изъ психическихъ способностей, какъ принадлежность психическаго постоянства; а потому разбираемое изреченіе окончательно должно лишиться смысла, какой усиливается ему придать. Но уступимъ оспариваемому мнѣнію слово духъ. Тогда нашъ выводъ мы оградимъ такими словами: *безсознательная дѣятельность не производится ни ощущеніями, ни чувствами, ни мыслями, ни волей, т. е., не есть слѣдствіе психическаго постоянства*. Пусть подбираютъ какую угодно причину для нея, но четыре психическія способности ея быть не могутъ ни въ какомъ случаѣ. А мы, когда говоримъ о духѣ, всегда имѣемъ въ виду только эти способности, покоящіяся на психическомъ постоянствѣ, составляющія его проявленіе,—и ничего болѣе.

Всегда и всюду соприсутствуя психическимъ состояніямъ, психическое постоянство должно быть чуждо пространству. Его никто не можетъ разложить на что либо, напоминающее долю пространства. Но не удалась бы и другая попытка—разложить его на отдѣльныя мгновенія времени, какъ это нами будетъ съ достаточностью обосновано въ своемъ мѣстѣ. Между тѣмъ мы знаемъ, что психическія явленія разложимы на ряды времени. Изъ этого слѣдуетъ, что духъ отвѣчаетъ на каждое мгновеніе времени особымъ своимъ состояніемъ; подобный отвѣтъ дѣлается и на каждую долю пространства, когда духъ приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Доказательствомъ этого служатъ то, что мы одинаково воспринимаемъ какъ время, такъ и пространство. Когда духъ столкнется съ пространствомъ и временемъ, тутъ и начинается рядъ явленій, образующихъ собою наше знаніе вѣшняго міра. Въ свѣтъ указаннаго выше признака, къ вѣшнему міру мы должны относить все то, что наступаетъ въ нашемъ духѣ припудительно, съ необходимостью. Необходимость психическихъ состояній служитъ поэтому неопровержимымъ доказательствомъ, что существуетъ объективный міръ, т. е., что есть бытіе помимо нашего духа. Держащіеся противоположнаго убѣжденія забываютъ весьма важную истину такого рода. Есть психическое постоянство, не дѣлимое на части, есть психическія явленія, напротивъ представляющія этотъ признакъ; то и другое несомнѣнная реальность. Но существуютъ еще явленія, которыя создаютъ психическое постоянство; главнѣйшее отличіе ихъ то, что они заключаютъ въ себѣ элементъ произвольности. Эти три рода реальности надлежитъ познать твердо и не смѣшивать ихъ другъ съ другомъ. Люди, смотрящіе на міръ, какъ на не имѣющій объективнаго существованія, имѣли грѣшнать противъ этого правила. Признакъ послѣднихъ явленій, который только имъ и принадлежалъ, они переносятъ на вторыя явленія. Для этого перенесенія нѣтъ никакого основанія; указанные

Слово: „пространство“ и „время“ очевидно суть „общія названія“ на подобіе названій: человекъ, лошадь, животное, растение и пр. Общія же названія, какъ намъ уже извѣстно, указываютъ на *качества* предметовъ, т. е., пояснимъ здѣсь, состояніе ихъ заключаетъ въ себѣ тѣ самыя душевныя состоянія, изъ которыхъ образуется воспріятіе *предметовъ*. Здѣсь

мыслители положительно лишены большей посылки. Какіе доводы въ распоряженіи имѣеть ихъ разумъ? Единственно только то, что извѣстно, т. е., существованіе трехъ указанныхъ реальностей. Существуетъ духъ, какъ принудительность, иначе — какъ неоспоримая реальность; эта реальность испытываетъ принудительныя видоизмѣненія; кромѣ того, она сама создаетъ нѣкоторыя видоизмѣненія. Никакой формулой правильнаго заключенія нельзя вывести отсюда, будто имѣть объективнаго міра. Общій типъ правильнаго заключенія выражается такъ: *a* есть признакъ *b*, *b* — признакъ *c*, *c* — признакъ *d*; слѣдовательно, *a* есть признакъ *d*. Сообразно этой формулѣ мы можемъ заключить только, что состоянія, образующія знаніе внѣшняго міра, суть видоизмѣненія духа; но нельзя вывести заключенія, что они не свидѣтельствуютъ о внѣшнемъ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, у означенныхъ нами реальностей общій признакъ касается только ихъ психической природы, и мы можемъ лишь сказать, что духъ есть *a* (психическая природа), психическія явленія суть *a*, произведеніе духа есть *a*. Но для отрицанія объективности внѣшняго міра нужно не это, а то, что нѣ психическія явленія производятся признакомъ *a*, т. е., *a* стоитъ въ безусловной связи съ дѣлателями психической природы. Но гдѣ основаніе для утвержденія этой связи? Неужели психическія явленія *иступаютъ* въ силу психической природы? Прямой же фактъ, что между *a* и *наступленіемъ* психическихъ явленій, назовемъ это *c*, есть промежуточный членъ *b* — произвольность, которая положительно разрушаетъ разбиваемое утвержденіе. *a* дѣйствуетъ на *c* только чрезъ *b*; поэтому отъ *c* къ *a* можно заключать только въ тѣхъ случаяхъ, когда есть на лицо или въ достаточной мѣрѣ обнаружено *b*; если же послѣднее условіе не соблюдено, то и заключеніе будетъ противозаконно. Въ нашемъ случаѣ это такъ и есть.

Наконецъ, мы должны поставить вопросъ: въ силу какого признака *принудительность* считается основаніемъ заключенію къ субъективности? Говоря по со-
вѣсти, мы не въ состояніи, открыть его, да его имѣть и на самомъ дѣлѣ. Справедливость этого обнаружится, если мы построимъ силлогизмъ, въ его обычномъ выраженіи.

- 1) Все, что *принудительно*, субъективно;
- 2) Состоянія, образующія знаніе или увѣренность во внѣшнемъ мірѣ, *принудительны*; слѣдовательно, —
- 3) Они субъективны.

Изъ этого силлогизма каждый увидитъ, что справедливость заключенія зависитъ прямо и единственно отъ справедливости большей посылки; чѣмъ же обезпечивается эта послѣдняя? Ничѣмъ: большая посылка есть голословное заявленіе безъ доказательствъ.

Итакъ, несомнѣнно, что принудительность есть вполне достаточная гарантія объективности.

принимается во вниманіе не количество ихъ, не счетъ, не объемъ, а исключительно то, безъ чего нѣтъ и не можетъ быть предмета, котораго нѣтъ и не можетъ быть, конечно, безъ соотвѣтствующаго этому имени психическаго содержанія. Поэтому, произнося слова: пространство и время, мы должны твердо помнить, что ими, кромѣ всѣмъ прекрасно извѣстныхъ воспріятій протяженія, разстоянія и смѣны, ничего другаго не выражается; мало этого, кромѣ означенныхъ воспріятій, подъ названіями: пространство и время иного содержанія нельзя и *разумѣть*, нельзя и *мыслить*. Попытка къ противному всегда приведетъ къ заключеніямъ, основаніемъ которыхъ послужитъ не значеніе, не истинный смыслъ употребленныхъ словъ, а звукъ, съ какой нибудь небольшой частицей смутно сознаваемаго значенія ихъ. Забвеніе этого непремѣннаго правила, въ приложеніи къ пространству и времени, было причиной того, что въ философіи чуть ли еще не до сихъ поръ ведется споръ не только объ источникѣ пространственныхъ и временныхъ воспріятій, но и объ ихъ признакахъ. Вслѣдствіе этого же забвенія возникла въ философіи знаменитая кантовская дилемма, не разрѣшенная и по сіе время, о *конечности* пространства и времени съ одной стороны и объ ихъ *безконечности* съ другой. Намъ кажется, что затрудненіе, подавшее поводъ съ указанной дилеммѣ, вытекаетъ скорѣе изъ употребленія словъ, чѣмъ изъ ихъ *смысла*. По нашему убѣжденію, сказать: пространство *конечно*, значитъ приписать ему признакъ; а сказать, что оно *безконечно*,—значитъ отнять тотъ самый признакъ, который приписанъ. Что это справедливо, покажетъ опредѣленіе слова *безконечный* или *безконечность*. То и другое не иначе можно опредѣлить, какъ такимъ образомъ: *безконечный* или *безконечность* обозначаетъ *отсутствіе конечности*, т. е., оказывается, что этими словами устраняется признакъ, составляющій содержаніе названія *конечность*. На основаніи этого, вопросъ о томъ, конечно или *безконечно* пространство, сводятся къ вопросу: какой изъ двухъ названныхъ признаковъ приписать ему? Какой же, въ самомъ дѣлѣ? Предварительно надо понять, что такое *конечность*. Подъ *конечностью* или *предѣльностью*, мы находимъ возможнымъ разумѣть

во-первыхъ *дѣлимость*, во-вторыхъ *ограниченность*. Первая показываетъ, что пространство состоитъ изъ частей, что оно всегда разложимо; вторая,—что оно имѣетъ свой *минимум* и свой *максимум*. Относительно дѣлимости въ примѣненіи къ пространству излишни всякія рѣчи, ибо въ этомъ свойствѣ его не можетъ быть никакого сомнѣнія. Посмотримъ, можно ли то же сказать о второмъ свойствѣ. Воспріятіе пространства относится къ такому отдѣлу душевныхъ состояній, которыя называются *психофизическими*, и въ его образованіи принимаютъ участіе—зрѣніе и мышечное чувство. Уничтоживъ зрительные образы, у пространственныхъ воспріятій мы отнимаемъ цѣлую сторону ихъ, именно: воспріятіе *поверхности*, оставляя одно *протяженіе*; а если уничтожить и мышечное чувство, тогда исчезнетъ также и послѣднее воспріятіе. Участіе въ образованіи пространственныхъ воспріятій помянутыхъ психофизическихъ дѣятелей даетъ намъ возможность разложить ихъ на ощущенія зрѣнія и мышечнаго чувства, а отсюда мы получаемъ право сдѣлать слѣдующее предположеніе: пространству во внѣшнемъ бытіи соответствуетъ во всѣхъ отношеніяхъ „опредѣленная“ причина, подобно тому, какъ такую опредѣленную причину имѣетъ, на примѣръ, звукъ или цвѣтъ. Справедливость этого предположенія пока доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что воспріятіе пространства образуется изъ психофизическихъ состояній. Указать подробно, какими свойствами обнаруживаетъ себя опредѣленность пространственной причины, конечно трудно; это, быть можетъ, даже превышаетъ силы нашего разумѣнія; тѣмъ не менѣе здѣсь мы въ состояніи сдѣлать нѣкоторыя общія указанія. Одна часть границъ опредѣленности причины, вызывающей воспріятіе пространства, должна имѣть свое начало тамъ, гдѣ кончается минимумъ зрительнаго и мышечнаго раздраженія; другая часть, какъ естественно ожидать отсюда, совпадаетъ съ предѣлами максимума раздраженія. Когда мы у минимума убавимъ хотя самую ничтожную часть, воспріятіе пространства прекращается; то же самое, разумѣется, произойдетъ и во второмъ случаѣ, такъ какъ, за увеличеніемъ максимума самой малѣйшей долей, даннаго воспріятія уже не будетъ. Таковы крайніе предѣлы, въ границахъ которыхъ дѣй-

ствуется объективная причина пространства, или же должно исчерпываться и ея содержаніе. Какъ только она переступитъ который либо изъ этихъ крайнихъ предѣловъ, ея дѣйствія уже не обнаруживаются въ формѣ пространства, а если еще и продолжаются, то во всякомъ случаѣ какимъ либо инымъ способомъ.—Этимъ мы рѣшаемъ только одну сторону дѣла, указывая болѣе субъективныя границы пространственнаго воспріятія чѣмъ объективныя. Вопросъ исчерпывается тогда, когда будутъ опредѣлены послѣднія. Итакъ, нельзя ли предположить, что причина, по дѣйствию которой составляются наши воспріятія пространства, всѣмъ своимъ содержаніемъ равна этимъ воспріятіямъ? Другими словами: предѣлы воспріятій пространства, очерчиваемые съ одной стороны минимумомъ раздраженія, а съ другой его максимумомъ, и предѣлы, ограничивающіе объективное содержаніе внѣшней причины воспріятій, не совмѣстимы ли между собою.

Для рѣшенія этого вопроса мы имѣемъ слѣдующія данныя. Ощущенія зрѣнія и мышечнаго чувства, изъ которыхъ складается воспріятіе пространства, относятся къ числу такихъ психофизическихъ явленій, законы которыхъ въ другихъ случаяхъ опредѣлены съ достаточной для извѣстной цѣли подробностью. Слѣдовательно, мы получаемъ возможность по отношенію къ пространству придти къ заключеніямъ и достовѣрнымъ и обладающимъ нѣкоторымъ положительнымъ содержаніемъ.

Изъ числа другихъ въ ощущеніяхъ слуха и зрѣнія относительно свойства связи внѣшней причины и психофизическаго результата ея дѣйствій пришли къ такимъ выводамъ, точность которыхъ вполне можетъ составлять предметъ горячихъ желаній въ остальныхъ подобныхъ случаяхъ. Здѣсь найдено, что каждый опредѣленно выраженный психофизическій результатъ есть слѣдствіе столь же опредѣленно выраженной внѣшней причины. Если мѣняется причина, тотчасъ же наступаетъ измѣненіе и въ результатѣ. Строго и точно опредѣленное колебаніе упругой среды влечетъ за собою извѣстное единичное звуковое ощущеніе; равнымъ образомъ такое же точное и опредѣленное движеніе волны свѣтоваго вещества производитъ и соотвѣтствующее зрительное состояніе. Итакъ, разъ дана опре-

дѣленная причина, дано такое же и опредѣленное слѣдствіе. Посмотримъ, что получится, если мы перевернемъ обстоятельство. Пусть мы знаемъ только о слѣдствіи, но ничего не знаемъ о причинѣ. Имѣемъ ли мы право заключать что либо о причинѣ на основаніи того, что извѣстно о слѣдствіи? Полагаемъ, что имѣемъ. Уже строго доказано, что извѣстный результатъ и извѣстная причина связаны между собою опредѣленнымъ способомъ. Слѣдовательно, имѣя одинъ какой либо членъ даннаго отношенія, постоянство и безусловность котораго доказаны, мы въ правѣ заключать и о присутствіи другого, о которомъ пока не знаемъ. Слыша, напримѣръ, октаву, мы не ошибемся, если предположимъ, что упругая среда, производящая этотъ звукъ, издаетъ именно то количество, какое, по научному выводу, должно ей соотвѣтствовать.

Такимъ образомъ, можно сказать, что *если есть опредѣленное психофизическое состояніе, то ему соотвѣтствуетъ столь же опредѣленная внѣшняя причина*. Стало бытъ пространственному воспріятію, какъ опредѣленному психофизическому состоянію, соотвѣтствуетъ опредѣленная внѣшняя причина.

Но не есть ли та причина, за которой наступаетъ единое опредѣленное психофизическое состояніе, въ свою очередь проявленіе какое-либо общей причины, оказывающей различное дѣйствіе лишь на различныя органы: ухо, глазъ? Если справедливо это положеніе, тогда выйдетъ, что опредѣленное психофизическое состояніе, будучи только однимъ изъ слѣдствій какой либо единой внѣшней причины, зависитъ отъ различій органовъ, чрезъ посредство которыхъ оно возникаетъ. Значитъ, между свойствами тѣхъ органовъ, которые условливаютъ психофизическіе результаты, должно указать какое либо существенное различіе, а такого различія и нѣтъ. Всѣ тѣ приборы, посредствомъ которыхъ происходитъ соприкосновеніе внѣшней причины съ оощающимъ организмомъ, заключаютъ въ себѣ развѣтвленіе нервовъ, имѣющихъ совершенно одинаковый составъ и внутреннее строеніе. Возьмемъ ли мы первъ глаза, уха, вкусоваго сосочка языка, нервъ, входящій въ осязательный бугорокъ кожи,—мы не только не найдемъ въ нихъ никакого различія, а напротивъ увидимъ, что всѣ они содержатъ въ себѣ безусловно одинаковое вещество, которое назы-

вается обыкновенно, по своимъ особенностямъ, первнымъ веществомъ. Спрашивается: какимъ образомъ выходитъ, что безусловно одинаковый нервъ при разныхъ обстоятельствахъ даетъ различное психофизическое ощущеніе? Очевидно, все дѣло въ этихъ обстоятельствахъ; но они исключительно должны содержаться въ свойствахъ внѣшней причины¹⁾; потому что

1) Нѣкоторые писатели склонны свести разнообразіе ощущеній къ разнородности воспринимающихъ органовъ. „Всего легче убѣдиться въ этомъ, говорятъ Карпентеръ, на опытахъ съ электрическимъ раздраженіемъ: тутъ въ каждомъ нервѣ нашихъ органовъ чувствъ возбуждается измѣненіе, необходимое для того спеціального дѣйствія на наше сознаніе, которому онъ служитъ. При правильномъ производствѣ опыта, наше я можетъ ощущать въ одно и то же время блистаніе свѣта, явственные звуки, фосфорный запахъ, своеобразный вкусъ и покалываніе въ кожѣ, вслѣдствіе одного и того же стимула“ (Основанія фзіологіи ума. Т. I, стр. 128 и 129). Карпентеръ выражаетъ мысль, о которой идетъ рѣчь, очень рѣшительно и подкрѣпляетъ ее прямымъ опытомъ, передъ которымъ конечно должно смолкнуть всякое возраженіе. Но одно—*произвести* опытъ и другое—*истолковать* его, а тѣмъ болѣе—*сдѣлать* изъ него *выводъ*. Опытъ свидѣтельствуешь только о томъ, что электрическое раздраженіе, дѣйствуя на *разные* органы, даетъ *разныя* ощущенія. Положеніе же, что это различіе зависить отъ различія въ строеніи органовъ чувствъ, есть уже выводъ. Спрашивается: правлилъ ли онъ? Не говоря уже о томъ, что наука до сихъ подъ еще не выяснила, какія измѣненія происходятъ въ нервахъ во время ихъ дѣйтельнаго состоянія, мы должны замѣтить, что описываемый опытъ и въ остальныхъ частяхъ своихъ терпитъ другое толкованіе. Можно предположить, что электрическое раздраженіе, какъ явленіе внѣшнее, имѣетъ много сторонъ, что оно дано и какъ причина свѣта, и какъ причина запаха, и какъ причина звука, и какъ причина ослзанія, и какъ причина вкуса, или, другими словами, что это явленіе представляетъ *совокупность* (собраніе) всѣхъ поименованныхъ причинъ и отиудъ не составляетъ одного стимула. Въ опытѣ ничего не даетъ основанія почитать его единымъ или простымъ; напротивъ, какъ всякое явленіе, оно неизбѣжно должно быть сложнымъ и такимъ образомъ, представлять способность къ измѣненіямъ. Отсюда—и разнообразіе его дѣйствій на наше я. Разумѣется, едва ли было бы справедливо не придавать при этомъ никакого значенія самимъ первнымъ аппаратамъ; разъ они существуютъ, они должны же оказывать какое нибудь вліяніе на воспріятіе. Оспаривать подобную мысль трудно и даже пожалуй странно; но въ чемъ должно состоять это вліяніе? Не суть ли нервные аппараты простые посредники (проводники) между сознаніемъ и внѣшними причинами? Не передаютъ ли они только различныхъ дѣйствій этихъ причинъ, при чемъ сами по себѣ совсѣмъ не производятъ различій въ состояніяхъ нашего сознанія? Противоположный доводъ былъ бы справедливымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что разныя ощущенія вызываетъ въ насъ *одна и та же внѣшняя причина* путемъ простаго дѣйствія на разныя органы. Если бы, напримѣръ, причина вкуса могла быть воспріята нами въ видѣ ощущенія свѣта или звука, для чего ей стоило бы только вмѣсто языка возбудить дѣятельность глаза и уха; тогда, конечно, оставалось бы только признать такое явленіе и приписать ему полную силу. Но подобныхъ опытовъ пока еще не было и оспаривать наше заключеніе нѣтъ никакихъ основаній.

въ противномъ случаѣ нѣтъ никакой возможности указать основаніе для различія испытываемыхъ нами психофизическихъ состояній. Если бы для уясненія этого мы сослались на свойство души, съ различными органами связывающей различныя свои же собственныя состоянія, то такимъ предположеніемъ мы только затруднили бы разрѣшеніе вопроса. Тогда все таки было бы непонятно, почему въ однихъ случаяхъ одинъ и тотъ же органъ производитъ одно состояніе, въ другихъ же иное; напримѣръ, однимъ и тѣмъ же ухомъ мы слышимъ то теноръ, то басъ; то громъ грозы, то звукъ плещущейся о берегъ волны? Не ясно ли, что во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ душа поступаетъ не по своему произволу, но повинуюсь принудительному дѣйствию внѣшней причины.

Эти доводы показываютъ, что причина различія психофизическаго состоянія несомнѣнно лежитъ во внѣшнемъ дѣятелѣ, т. е., что различаются они потому, что различны поражающіе ихъ дѣятели. Если бы мы даже предположили, что каждый дѣятель, производящій отдѣльный психофизическій результатъ, является частью общаго какого нибудь дѣятеля, то все же этимъ мы нисколько не поколеблемъ нашего вывода: каждая такая часть непремѣнно должна быть строго опредѣленной частью въ мѣрѣ соотвѣтствія съ своимъ результатомъ, потому что иначе падаетъ всякое основаніе различія другъ съ другомъ психофизическихъ состояній. Итакъ, воспріятіе пространства должно совпадать съ своей объективной причиной.

Изложенныя основанія достаточно убѣждаютъ насъ, что пространство, при дѣлимости, имѣетъ свой maximum и minimum¹⁾,

¹⁾ Какъ помприть съ этимъ существованіе предметовъ, видимыхъ только чрезъ микроскопъ? Они, повидимому, должны мысляться безипространственными потому, что не вызываютъ ни зрительныхъ, ни другихъ состояній, входящихъ въ составъ пространственныхъ образованій. На это можно отвѣтить, что названые предметы, на самомъ дѣлѣ продолжая быть пространственными, не оказываютъ соотвѣтствующаго дѣствія на насъ, благодаря недостаткамъ собирающей лучи и проводящей ихъ среды—воздуха; когда же эта среда замѣняется проводникомъ болѣе совершеннымъ,—чувствительнымъ оптическимъ экраномъ, тогда ихъ пространственное дѣствіе сказывается вполне. Надо помнить, что мы не утверждаемъ, будто предѣлы minimum'a пространства совпадаютъ съ воспріятіями его при обычныхъ эмпирическихъ условіяхъ; нѣтъ,—нашъ minimumъ понятіе чисто выводное, а не опытное; поэтому и доводы въ пользу его почерпаются совсѣмъ не изъ экспериментальныхъ изслѣдованій, которыя въ данномъ случаѣ недостаточно тонки, а изъ соображеній чисто логическаго (дедуктивнаго) свойства.

т. е., порождается строго опредѣленной причиной. Эгими признаками и исчерпывается все, что мы въ состояніи знать о пространствѣ и дѣйствительно знаемъ о немъ. Человѣку еще сомнѣвающемуся мы можемъ сказать только, что при достаточномъ размышленіи надъ пространственными воспріятіями онъ на самомъ дѣлѣ откроетъ въ нихъ только означенные признаки и никакихъ другихъ ¹⁾).

Мы раскрыли содержаніе слова „конечность“; мало того: мы еще нашли, что это содержаніе въ то же время есть и единственное содержаніе пространства, его извѣстные и постижимые признаки. Теперь очередь за вопросомъ, приписать ли пространству конечность или безконечность? Такъ какъ второе есть лишь отрицаніе перваго—не болѣе, то ясно, что пространство конечно. Однако сторонники мнѣнія, будто къ пространству приложимы взаимно—исключающіе признаки, будто оно съ одинаковымъ правомъ должно мыслиться конечнымъ и безконечнымъ, указываютъ на фактъ непрекратимости дѣленія. Дѣленіе, говорятъ, никогда не остановится: какая бы невообразимо малая частица пространства ни была получена, разъ она есть, она съ необходимостью призываетъ нашу мысль къ дѣленію. Это свойство пространства дѣйствительно замѣчательно; но дѣло въ томъ, что оно, по нашему, мнимое свойство: дѣленіе, хотимъ сказать мы, *прекратимо*. Дѣлимость пространства стоитъ въ неразрывной связи съ воспріятіемъ поверхности, которое образуется при помощи зрѣнія. Самая малѣйшая частица раздѣляемаго пространства есть, очевидно, *минимум* зрительнаго воспріятія; пока такая частица удерживаетъ наше вниманіе, дѣленіе возможно. Но какъ только оно сдѣлано и *минимум* убавился, дѣло переступаетъ черезъ предѣлъ пространственной причины и вторгается въ область дѣйствій другихъ причинъ, быть можетъ, съ пространствомъ не имѣющихъ ничего общаго. Въ это время мы не только прекращаемъ дѣленіе, но и перестаемъ имѣть дѣло съ тѣмъ, что дѣлится, *разстаемъ* съ самимъ *пространствомъ*. Дѣленіе оканчивается, слѣдовательно, не какой либо частицей пространства,

¹⁾ Законы геометрій и др. вытекаютъ изъ дѣлимости или входятъ въ значеніе этого общаго названія.

но ея *исчезновеніемъ*; и кто продолжаетъ утверждать, что дѣленіе еще возможно, собственно не *продолжаетъ* его, а *возвращается* къ тому, съ чего началъ, снова *начинаетъ* его. Въ существѣ дѣла продолжается не дѣленіе, а желаніе раздѣлить, или точнѣе: представленіе той частицы, которую только что раздѣлили и которая въ силу этого самаго уже исчезла. Последняя частица, на которой мы останавливаемся, меньше той частицы, отъ дѣленія которой она получилась; но если мы вздумаемъ раздѣлить и ее и въ то же время все таки получаемъ ощущаемую или воспринимаемую частицу пространства, то эта частица не новая, не результатъ дѣленія, а та же самая прежняя частица. Вотъ почему утверждающіе, что дѣленіе не прекратимо, неправильно выражаютъ этимъ фактъ,— что, желая остановить вниманіе на результатѣ дѣленія последней частицы, они мыслятъ о пространствѣ, между тѣмъ какъ самаго пространства уже не стало.

Другой доводъ въ пользу мнѣнія, что пространство, будучи конечнымъ, мыслится въ то же время безконечнымъ, состоитъ въ слѣдующемъ: не смотря на то, что каждый отдѣльный предметъ, занимающій часть пространства, имѣетъ предѣлы, дѣлающіе его ограниченнымъ, въ самомъ пространствѣ, такихъ предѣловъ нѣтъ. Сколько бы усилій ни было употреблено съ нашей стороны, что-бы представить предѣлъ пространства,—этого намъ не удастся: всякій разъ вслѣдъ за воображаемымъ предѣломъ намъ рисуется снова, безъ всякаго перерыва, другое пространство, за другимъ третье и т. д.—Въ этомъ доводѣ, по сравненію съ предыдущимъ, существенно новаго ничего нѣтъ. Онъ имѣетъ дѣло съ двумя независимыми предметами: съ одной стороны—съ пространствомъ, съ другой съ представленіемъ его, т. е. фактомъ. Что касается перваго предмета, то предыдущія разсужденія, въ которыхъ раскрывалось означеніе названія „пространство“, показываютъ, что причина пространственныхъ воспріятій или, что одно и то же, причина пространства строго-опредѣленная причина. Она имѣетъ свой *мінімумъ* и свой *максимумъ*, которые и составляютъ ее крайніе предѣлы. *Минимумъ* мы получаемъ при раздѣленіи пространства, понимаемаго въ смыслѣ протяженія, разстоянія и поверхности;

—это нами разсмотрѣно. Что такое теперь максимум? Подъ максимумомъ нельзя понимать, какъ мы думаемъ, то самое большее поле зрѣнія, какое доступно нашему глазу. Въ этомъ случаѣ мы никогда не придемъ къ какому либо постоянному и опредѣленному выводу научнаго достоинства, потому что нѣтъ никакой возможности взвѣсить и опредѣлить тѣ безчисленныя обстоятельства, въ которыя можетъ быть поставленъ зритель и благодаря которымъ объемъ поля его зрѣнія будетъ мѣняться въ точномъ соотвѣтствіи съ количествомъ ихъ. Чтобы понять справедливость этихъ словъ, стоитъ только подумать, сколько разнообразно будетъ вліять на объемъ поля зрѣнія одна только разница въ высотѣ мѣстонахожденія зрителя. Максимумъ пространственной причины лучше всего, поэтому, понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ это названіе прилагается къ дѣйствию другихъ психофизическихъ причинъ, именно: онъ долженъ указывать на то мгновеніе, когда дѣйствіе пространственной причины, усиливаясь и усиливаясь, дѣлаетъ, наконецъ, поворотъ, переходя въ форму совершенно другаго психофизическаго результата. Что этотъ максимумъ есть, доказательствомъ тому служитъ существованіе безпространственныхъ психофизическихъ состояній, напримѣръ: запаха, звука, вкуса. Здѣсь возраженіемъ можетъ служить лишь упомянутый фактъ, что мы не въ состояніи представить конца пространству. Смыслъ этого возраженія мы въ силахъ понять только такимъ образомъ: хотя изложенныя основанія и свидѣтельствуютъ въ пользу признанія максимум'а въ пространствѣ, какъ опредѣленной границы его; однако невозможность представить этой границы понуждаетъ придать ему другую черту—безграничность или безконечность. Въ виду предыдущихъ разсужденій должно сказать, что здѣсь во-первыхъ фактъ невозможности представить конца въ пространствѣ толкуется ложно, что, во вторыхъ, предѣлъ пространства вполне представимъ. Если наше воображеніе за однимъ пространствомъ рисуетъ другое, а тамъ третье и т. д., то это значитъ только, что оно имѣетъ дѣло съ частями пространственнаго психическаго состоянія и, пытаясь остановиться на предѣлѣ его, на самомъ дѣлѣ останавливается на его психическомъ содержаніи. Палка, разу-

мѣется, была бы безконечной, если бы мы вмѣсто концовъ ея всякій разъ стали разсматривать именно только то, что дѣлаетъ ее для нашей души протяженной. Такимъ образомъ, при замѣченныхъ условіяхъ, мы не потому не представляемъ конца пространства, что будто оно безпредѣльно, а потому, что направляемъ воображеніе на совершенно иной предметъ. Такъ какъ максимальный предѣлъ пространства совпадаетъ съ поворотомъ дѣйствія его причины въ форму инаго психофизическаго результата, такъ какъ этотъ предѣлъ и кончается тамъ, гдѣ начинаются другія психофизическія состоянія, то на эти состоянія, не заключающія въ себѣ пространственныхъ отношеній, и слѣдуетъ указать тому, кто заводитъ рѣчь о предѣльности пространственныхъ воспрятій. При такомъ условіи вниманіе дѣйствительно будетъ обращено какъ разъ на тотъ предметъ, о которомъ хотятъ говорить. Итакъ, существованіе безпространственныхъ психофизическихъ состояній, доказываетъ не только то, что пространство имѣетъ свой предѣлъ, а также и то, что предѣлъ этотъ вполне представимъ, ибо кто же не въ силахъ испытать означенныхъ состояній.

Далѣе, по нашему мнѣнію, выраженіе: мы не въ состояніи представить конца пространству, равносильно такому: мы въ силахъ представить пространство безконечнымъ. Но мое воображеніе обязательно рисуетъ ограниченный кусокъ пространства ¹⁾; если же оно и продолжаетъ безостановочно рядъ такихъ кусковъ, то это дѣлается собственно не тогда, когда его принуждаютъ нарисовать предѣлъ пространства, а тогда, когда подъ предѣломъ тайно разумѣютъ пустоту, небытіе пространства. Небытіе пространства, конечно, не нарисуетъ ни чье воображеніе, потому что всякая картина воображенія есть психическое состояніе, а развѣ можетъ вызвать психическое состояніе небытіе, ничто? Рѣшительнымъ доказательствомъ и прекраснымъ поясненіемъ этому можетъ служить то обстоятельство, что такъ называемое слѣпое пятно въ глазѣ не даетъ

¹⁾ Если очевидность нуждается въ авторитетѣ, то можно сослаться на Канта, который говоритъ: „если говорится о многихъ пространствахъ, то при этомъ разумѣются *части* одного и того же пространства“. (Критика чистаго разума, стр. 28).

воспріятія *промежутка*, и зрительный образъ является *слоннымъ*. Получается совсѣмъ другое дѣло, когда небытіе пространства наполняются *чѣмъ либо*; подъ именемъ этого *чего либо*, наполняющаго небытіе пространства, по смыслу данныхъ здѣсь условій, мы и разумѣемъ такія душевныя состоянія, въ которыхъ нѣтъ пространственныхъ элементовъ; а это и значитъ, что представленіе предѣла пространства совпадаетъ съ переживаніемъ безпространственныхъ психическихъ состояній.

Самой явной, но почему то плохо замѣчаемой, причиной соединенія въ имени пространства двухъ взаимно-исключающихъ признаковъ: конечности и безконечности, является не точное употребленіе слова „предметъ“. Произнося это слово, большинство мыслителей склонно думать, что въ предметѣ, кромѣ тѣхъ опредѣленныхъ свойствъ, которыя воспринимаются каждымъ человѣкомъ въ первоначальныхъ психическихъ состояніяхъ, есть еще *нѣчто*, что связываетъ воспринимаемыя свойства и что само, однако, остается за порогомъ, по ту сторону воспріятія. Разсуждая о пространствѣ, какъ отдѣльно воспринимаемомъ и мыслимомъ предметѣ, словомъ предметъ и пользуются именно въ такомъ смыслѣ. По этой причинѣ, опредѣленность или ограниченность пространства, а потомъ очень часто происходящее, вслѣдъ за тѣмъ, новое воспроизведеніе воспріятія какой нибудь пространственной доли, какъ психическое наполненіе не воспріемлемой пустоты, которая должна была бы открыться нашему сознанію послѣ того, какъ оно дошло до границы пространства, — обыкновенно и считается парой свойствъ предмета — „пространства“, какъ третьей, по отношенію къ этой парѣ, реальности. Въ этомъ случаѣ пространство, конечно, должно быть ограниченнымъ и въ то же время безпредѣльнымъ. Но защитники такого мнѣнія обязаны отстоять, посредствомъ какихъ нибудь доказательствъ, что предметъ не только то, что воспринимается нами въ качествѣ его свойствъ, что всякая группа психическихъ состояній, почитающаяся нами предметомъ, еще не все и указываетъ собою на какую-то невѣдомую и невоспринимаемую нами реальность. Такъ какъ о существованіи всякой реальности даютъ намъ знать психическія состоянія, которыхъ нѣтъ въ данномъ случаѣ, то, по нашему, въ

пользу означеннаго мнѣнія можно составить только отрицательное доказательство, именно такое: ничто не можетъ доказать небытіе предполагаемой реальности. Этого доказательства не стоитъ и разбирать, потому что съ помощію подобнаго довода можно доказать самую очевидную нелѣпость, на примѣръ, что муха умнѣе Архимеда и способна говорить, но только молчитъ изъ презрѣнія къ людямъ. Въ разъясненіе всѣхъ этихъ затрудненій здѣсь мы повторимъ то, что говорилось нами выше. Подъ словомъ „предметъ“ ничего другаго мы не въ состояніи разумѣть, какъ только тѣ первоначальныя психическія состоянія (одно, если предметъ простой, нѣсколько, если онъ сложный), которыя мы испытываемъ, когда подвергаемся дѣйствию соответствующихъ причинъ. Что касается пространства, то согласно вашему словоупотребленію, этимъ именемъ мы означаемъ только ограниченность, дѣлимость; та и другая суть несомнѣнныя воспривимаемыя нами реальности и, кромѣ нихъ, въ пространствѣ мы не можемъ указать какихъ либо другихъ свойствъ, потому что не имѣемъ соответствующихъ воспріятій. Включать же въ названіе „пространство“ и свойство „бесконечность“ мы отказываемся, потому что это значитъ уничтожать два первыхъ и, слѣдовательно, не связывать предложенную группу свойствъ, чѣмъ задались, а ставить себѣ непреодолимую преграду къ достиженію этой цѣли.

Для нашего изслѣдованія, конечно, всегда важно знать, соглашается или не соглашается съ нами Милль. Въ своей книгѣ „Обзоръ философіи Сэръ Вильяма Гамильтона“ Милль говоритъ о пространствѣ въ такихъ выраженіяхъ, которыя совмѣстимы съ нашими словами. Бесконечность здѣсь опредѣляется у него, какъ и у насъ. „Бесконечное, говорятъ онъ, не требуетъ объясненія. Подъ нимъ вообще разумѣютъ величину, *не имѣющую* (подчеркиваемъ мы) предѣла... Утверждать, на примѣръ, нѣкорый абсолютный минимумъ вещества, значитъ отрицать его бесконечную дѣлимость“ (стр. 32--33). На стр. 43 и 44 той же книги Милль усиливается доказать, что бесконечность, въ примѣненіи къ пространству, заключаетъ въ себѣ положительный элементъ. Обдумывая этотъ положительный элементъ, мы находимъ, что онъ совпадаетъ съ тѣми свойствами пространства,

о которыхъ мы ведемъ рѣчь, потому что иныхъ положительныхъ свойствъ пространства мы не въ силахъ отыскать. Съ этого мѣста начинается существенная разница между Миллемъ и нами. Приписывая понятію „бесконечность“ положительное содержаніе, мы, собственно говоря, употребляемъ риторическій оборотъ, который, при строгомъ разборѣ, показываетъ, что положительное содержаніе „бесконечнаго“ есть въ сущности содержаніе „конечнаго“. Наше „совпаденіе“ это именно и означаетъ. Между тѣмъ Милль утверждаетъ, что у бесконечнаго, какъ конечнаго, есть положительное содержаніе. Это мы отрицаемъ. „Бесконечное“ понятіе чисто отрицательное, и тѣ доводы въ пользу противнаго мнѣнія, какіе представлены Миллемъ, совершенно бездоказательны. Главная его мысль выражается такъ: „мы оставляемъ за нимъ (т. е. бесконечнымъ) признакъ пространства, его три протяженія со всѣми ихъ геометрическими свойствами. Мы оставляемъ за нимъ также признакъ, принадлежащій ему, какъ Бесконечному, быть больше всякаго другого даннаго пространства (78—79)“. Всякій увидитъ, что въ этихъ странныхъ словахъ Милля нѣтъ опредѣленія понятія „бесконечность“; съ другой стороны, тутъ просто перечисляются признаки или свойства пространства, т. е. раскрывается означеніе этого слова, которому съ очевидной нелогичностью придается названіе „бесконечность“. Всѣ перечисленные Миллемъ свойства пространства указаны и нами; но о нихъ то и надо рѣшить, конечны они (ограничены, какъ мы понимаемъ) или бесконечны. Мы утверждаемъ, что ограничены и въ доказательство этого ссылаемся на предѣлъ дѣлимости пространства и, главное, на собственный опытъ каждаго, свидѣтельствующій, что мы всегда воспринимаемъ ограниченное пространство, т. е., конечное. Слова же Милля, что за данной частью пространства (конечно, ограниченной, ибо какъ же часть могла бы быть безграничной) мы сейчасъ же представимъ другую, не могутъ имѣть доказательной силы уже въ виду сказаннаго нами выше о невозможности представить пустоту. Что за любой долей пространства мы всякій разъ непосредственно представляемъ другую, это правда; но это совсѣмъ не свойство пространства, а означаетъ только, что, пытаясь представить

отсутствующее пространство, мы, естественно, невольно, въ силу необходимости мыслимъ о *пространствѣ* и именно въ его *положительныхъ свойствахъ*. Нами уже было сказано, что, требуя представить предѣлъ пространства, требуютъ собственно представить ту пустоту, которая, конечно, лежитъ тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ причинъ. Представлять пустоту, понятно, мы не можемъ.—У Милля есть еще одинъ доводъ. „Для того, чтобы составить себѣ представленіе Безконечнаго Пространства, намъ вовсе нѣтъ надобности мыслить отсутствіе его положительныхъ признаковъ“, говоритъ Милль. Дѣло идетъ у насъ о пониманіи слова „безконечность“—о томъ, что означаетъ оно. Понятно, что каждый предметъ, о которомъ мы мыслимъ отрицательные признаки, т. е., мыслимъ объ отсутствіи какихъ либо признаковъ, обладаетъ и положительными, потому что отъ предмета не осталось бы ничего, если бы онъ былъ только отсутствіемъ признаковъ. Однако для этихъ положительныхъ признаковъ есть соответствующія, прямо означающія ихъ названія, и эти названія, какъ и означенные ими признаки, совсѣмъ не то, что отрицательные названія и признаки. Какъ бы мы ни повертывали слова, мы никогда не поймемъ, чтобы отрицательное названіе, съ положительнымъ содержаніемъ заключало въ себѣ какой либо словесный смыслъ; развѣ если мы откажемся отъ логики языка, отъ логики его символизации и вмѣсто ясныхъ, упорядоченныхъ оборотовъ рѣчи станемъ употреблять запутанные, сбивчивые знаки. Отрицательное названіе только и означаетъ свое отрицательное содержаніе, т. е., отсутствіе признака; признаки же положительные должны быть означены положительными же и названіями. Стало быть, разумѣя подъ безконечнымъ пространствомъ совокупность положительныхъ свойствъ, мы высказываемъ мысль, заключающую словесное противорѣчіе, употребляемъ несоответственные знаки вещей. Въ лучшемъ случаѣ эта мысль можетъ быть истолкована, какъ указывающая, что отрицательный признакъ относится къ такому предмету, у котораго, кромѣ него, есть опредѣленная совокупность положительныхъ. Но здѣсь отрицательное названіе остается безъ поясненія. И когда мы потребуемъ сдѣлать его, то все приходимъ къ заключенію, что „безконечность“ озна-

чаетъ отсутствіе положительнаго признака—„конечность“. Мы отказываемся понять, какимъ образомъ названіе, напримѣръ, „безцвѣтный“ означало бы какой либо цвѣтъ. Намъ думается, что подъ словомъ „безцвѣтный“ только и разумѣется отсутствіе всякаго цвѣта. Точь въ точь то же слѣдуетъ сказать и про понятіе „безконечность“. Такъ, по нашему, разбивается Миллево усиліе доказать, будто безконечность есть положительный признакъ пространства; его положительное содержаніе оказывается похищеннымъ у конечности.

Кто прочтетъ 81 страницу поименованной книги Милля, тотъ увидитъ, что Милль признаетъ безконечную дѣлимость пространства. Намъ думается, что въ глубинѣ этого ложнаго убѣжденія Милля лежитъ невѣрная мысль, будто предѣльность или безпредѣльность дѣленія должна быть предметомъ наблюденія. Мы убѣждены, что то и другое можетъ быть узнано только выводнымъ путемъ и вотъ почему. Minimum пространства есть, конечно, самая малая доля его, которая еще доступна соотвѣтствующему психофизическому ощущенію. Если надъ этой долей произвести дѣленіе, то полученная частица будетъ меньше уже minimum'a и въ силу одного этого не станетъ причинять психофизическаго состоянія, соотвѣтственнаго себѣ. Но, очевидно, того, что такая частица есть или присутствуетъ, путемъ наблюденія мы узнать не можемъ, потому, что всякое наше наблюденіе природы, всякое наше индуктивное познаніе ея не переходитъ за предѣлы, доступные нашимъ чувствамъ, какъ проводникамъ и показателямъ внѣшнихъ явленій. Здѣсь дѣйствуетъ другое орудіе познанія—выводъ, понимаемый въ смыслѣ открытія истинъ еще неизвѣстныхъ, при помощи уже извѣстныхъ. (Это ученіе самого Милля). Между тѣмъ Милль къ данному случаю хочетъ приложить тотъ гносеологическій методъ, который сюда нейдетъ. Вслѣдствіе этого онъ дѣлаетъ одну очень грубую, чисто численную ошибку. Вѣдь если мы раздѣлимъ minimum пространства, то получимъ частицу, во-первыхъ, меньшую дѣлимаго, во-вторыхъ уже и не осязаемую, а онъ эту частицу представляетъ, т. е., воображаетъ себѣ, въ осязаемомъ содержаніи; но такъ какъ это содержаніе равно minimum'у, то и выходитъ, что у Милля частное равно

дѣлимому. Это математическая нелѣпость. Образъ выраженій, а также и умозаключеніе Милля были бы справедливы, если бы было вѣрно, что существуетъ только то, что доступно чувствамъ. Тогда дѣйствительно, признавая частицу *minimum*'а существующею, мы тѣмъ самымъ обязывались бы признать ее ощутимою. Но едва ли Милль рѣшится отождествлять область существующаго съ областью ощутимаго. Если бы это случилось, то пришлось бы отвергнуть многое множество такихъ вещей, существованіе которыхъ наука считаетъ непреложной истиной, между прочимъ—любой изъ физическихъ законовъ, потому что существованіе ихъ удостовѣрено не чувствами, а *выводомъ*. Напримѣръ, развѣ можно ощутить хотя бы законъ, что тѣла стремятся къ землѣ прямо пропорціонально ихъ массамъ и обратно пропорціонально квадратамъ разстояній?

На основаніи всего сказаннаго мы считаемъ вполнѣ опровергнутымъ утвержденіе Милля, будто пространство (и время), обладають противорѣчивыми признаками: конечностью и бесконечностью,—мысли, изложенныя Миллемъ на 78—81 стр. его книги о Гамильтонѣ. Пространство и время конечные, ограниченные элементы природы.

Все сказанное объ ограниченности или конечности пространства на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ приложимо и къ времени. Трудно подыскать что либо противорѣчивѣе положенія: бесконечное время. Время необходимо признать ограниченнымъ или конечнымъ и въ томъ смыслѣ, что дѣленіе его на отдѣльныя мгновенія имѣетъ предѣлъ, такъ какъ послѣднее оставшееся мгновеніе исчезнетъ, если отъ него отнять какую либо часть; и въ томъ, что объективная причина его, дойдя до *maximum*'а своего дѣйствія, дастъ иной психофизическій результатъ, чѣмъ обнаружить свою опредѣленность, въ соотвѣтствіи съ опредѣленностью временнаго воспріятія. Гдѣ дѣйствіе этой причины становится не временнымъ, тамъ и лежитъ максимальный предѣлъ временныхъ воспріятій или времени. Поэтому будетъ величайшимъ заблужденіемъ сказать: „вѣчное время“. Такое выраженіе не имѣетъ смысла. Вѣчное время—значитъ бесконечное время, а бесконечнаго времени нѣтъ и быть не можетъ, потому что этимъ названіемъ мы отнимаемъ у вре-

мени признакъ, съ какимъ оно намъ извѣстно, и не придаемъ никакого, который хотя бы замѣнялъ утраченный. Всѣ усилія понять выраженіе: „бесконечное время“, т. е., найти соответствующее ему психическое содержаніе, не приведуть ни къ чему. Вотъ почему и *вѣчность* мы можемъ понять не иначе, какъ отрицательнымъ путемъ, т. е., указаніемъ того, что не время. Она есть отсутствіе времени, то, на что законы времени не простираютъ своего дѣйствія, такъ что, значить, все, выходящее изъ области дѣйствія этихъ законовъ, вѣчно.

Представленный нами взглядъ на пространство и время приводитъ къ весьма важному гносеологическому послѣдствію, о которомъ мы не можемъ умолчать.

Изъ раскрытія элементовъ познанія легко усмотрѣть, что оно состоитъ въ воспроизведеніи *рядовъ* явленій. Познаніе всегда выражается въ мысли, дается какъ мысль, а мысль входитъ въ содержаніе предложенія и только при такомъ условіи становится возможной. Все, что не предложеніе, то и не мыслимо; напротивъ предложеніе есть первая и самая основная оболочка или обнаруженіе мысли, оболочка, доставляющая возможность къ познанію и уразумѣнію заключенной въ ней мысли. Но предложеніе воспроизводитъ собою не что иное, какъ рядъ свойствъ или предметовъ, при чемъ этотъ рядъ данъ или съ условіемъ пространственности, пространства, или съ условіемъ временности, времени. Не смотря на то, что можно указать много отдѣльныхъ предметовъ, не подчиненныхъ условіямъ пространства и даже времени,—когда требуется обратить вниманіе на *связь* ихъ, на ихъ ряды или, какъ еще можно выразиться, на *явленія*, тогда мы замѣчаемъ, что связь, ряды и явленія непременно зависятъ отъ пространства и времени. Изъ совокупной связи разсматриваемыхъ такимъ образомъ рядовъ свойствъ или явленій составляется наука. Между тѣмъ наука есть выраженіе дѣйствительности; засвидѣтельствованная ею связь явленій не выдумывается, а заимствуется изъ опыта (въ обширнѣйшемъ его значеніи и примѣненіи). Если угодно точнѣе различить науку и дѣйствительность, то первая въ словахъ и предложеніяхъ; но такъ какъ и слова, и предложенія ничто безъ своего означенія, то наука всегда содержитъ въ своемъ созна-

ченіи дѣйствительность. Наука есть какъ бы точный окаменѣлый снимокъ съ дѣйствительности, который оживаетъ тотчасъ, какъ только его пойметъ умъ изучающаго. Понимая науку, мы воспроизводимъ въ себѣ тѣ состоянія, чрезъ которыя образуется вся безъ исключенія область постижимаго: сперва отдѣльные предметы, потомъ ихъ пары, затѣмъ цѣлыя скопленія, — словомъ то, что можно назвать явленіемъ. Поэтому всякій разъ, занимаясь наукою, мы вновь создаемъ то, что нѣкогда изучалось творцами ея, нужды нѣтъ, что причина нѣсколько иная.

Служащій содержаніемъ науки міръ явленій заключаетъ въ самомъ себѣ тѣ условія пространственности и временности, подѣ дѣйствіемъ которыхъ онъ обнаруживаетъ себя намъ. Скопленія явленій, ихъ ряды и вереницы, группы и собранія, перемѣшиваясь между собою въ безчисленныхъ доляхъ, всевозможными способами, подчинены пространству и времени со всѣхъ тѣхъ сторонъ, съ какихъ достижимы для познающаго ума. Такъ какъ явленіе познается нами во времени и пространствѣ, то это значитъ, что оно само по себѣ подчинено имъ, зависитъ отъ нихъ въ *объективномъ* смыслѣ. Что это вѣрно, доказательствомъ тому служитъ слѣдующее обстоятельство: и пространство, и время до такой степени необходимо сопровождаютъ собою нашъ процессъ познанія временно-пространственной дѣйствительности, что помимо ихъ познаніе перестаетъ существовать и самыя изученныя явленія исчезаютъ. Милль говоритъ, что мы не можемъ знать предмета; это справедливо конечно, но только по отношенію къ виѣшней причинѣ составляемаго нами возрѣнія на предметъ или его воспріятія. Между тѣмъ—само воспріятіе предмета возникаетъ совершенно произвольно; иначе бы мы могли образовать, сколько угодно, предметовъ, отчего получилось бы множество не только самыхъ разнообразныхъ, но и самыхъ прихотливыхъ наукъ, чего однако не бываетъ. Предметомъ руководимъ не мы, а онъ руководитъ и нашими воспріятіями, и нашими заключеніями. Но какъ только воспріятія наши начнутъ слагаться въ систему, какъ только станутъ постепенно возникать ряды предметовъ, тотъ-часъ же вступаютъ въ дѣло условія протяженія или времени, а чаще и того и другого. Безъ сомнѣнія съ полной основательностью можно возра-

зигъ, что пространство и время суть состоянія нашего сознанія, а потому они и не объективны. Но наука Механика своими изобрѣтеніями показываетъ, что если пространство и время и суть состоянія нашего сознанія, то все же состоянія эти относятся къ своей внѣшней причинѣ такъ же, какъ напр., цвѣтъ или звукъ, которымъ съ несомнѣнностью указаны внѣшніе соотвѣтствующіе предметы, къ своимъ; и отношеніе это до того постоянно, до такой степени неразрывно связано съ неизвѣстной внѣшней причиной, что вполне можетъ замѣнять ее, доставляя намъ въ себѣ средство пользоваться этой причиной съ такимъ же успѣхомъ, какъ если бы мы владѣли ею самою. Пространство и время справедливо будетъ называть постоянными и неизмѣнными показателями неизвѣстнаго дѣятеля, которымъ мы однако всецѣло обладаемъ съ помощію этого показателя.

Изъ всего этого въ связи съ тѣмъ, что намъ извѣстно о свойствахъ пространства и времени, а также и объ условіяхъ познанія, мы извлекаемъ рядъ слѣдующихъ выводовъ.

1) Есть объективный міръ, какъ пространственно—временная совокупность причинъ нашихъ принудительныхъ душевныхъ состояній. Непосредственно извѣстная намъ дѣйствительность, сомнѣніе въ существованіи которой было бы равносильно сомнѣнію въ собственномъ существованіи каждаго мыслящаго субъекта и слѣдовательно нарушало бы вполне правильное и научное положеніе Декарта: *cogito, ergo sum*,-- состоитъ изъ ряда единичныхъ душевныхъ мгновеній. Тѣ душевныя мгновенія и тѣ ряды ихъ, которые дѣйствуютъ на насъ съ принужденіемъ, и суть психическое выраженіе или психическое равнозначное *объективныхъ* причинъ или *объективнаго* міра. Этотъ міръ наполненъ различными, отдѣльными другъ отъ друга, дѣятелями, которыхъ мы можемъ называть, смотря по требованію дѣла, то предметами, то свойствами. Предметъ и свойства, совпадая по своимъ границамъ съ предѣлами единичнаго психическаго состоянія, и въ объективномъ отношеніи должны мыслиться имѣющими соотвѣтственныя этому границы. Единичное психическое состояніе возбуждается соотвѣтствующей объективной причиной, и эта единичность психическая есть слѣдствіе еди-

ничности объективной. Противоположное утверждение, т. е., что психическая единичность образуется независимо отъ вѣншей причины, встрѣтило бы себѣ опроверженіе въ принудительности ея, прямо показывающей, что въ образованіи ея духъ обнаруживаетъ *пассивное*, а не *активное* участіе. Такимъ образомъ принудительность *единичныхъ психическихъ состояній*, а также и *рядовъ* или, какъ выше мы выражались, *комбинацій* ихъ должна служить ручательствомъ, что въ томъ и другомъ случаѣ сказывается дѣйствіе *объективнаго коррелятива*. А это налагаетъ на насъ обязанность, во-первыхъ, принимать *только* отдѣльныхъ объективныхъ причинъ и ихъ комбинацій, *сколько* соотвѣтствующихъ единичныхъ психическихъ состояній и ихъ комбинацій съ признакомъ *принудительности*; во-вторыхъ, ни одинъ отдѣльный объективный коррелятивъ не смѣшивать съ другимъ подобнымъ и ни одну комбинацію ихъ не смѣшивать съ другою.

2) Содержаніемъ нашей познающей мысли служитъ пространственно—временная дѣйствительность, ею предполагаемая и воспроизводимая; а такъ какъ явленія, взятыя познаніемъ изъ этой дѣйствительности и имъ усвоенныя, развиваются при условіяхъ пространства и времени, и познаніе бессильно тамъ, гдѣ нѣтъ пространственно-временныхъ отношеній, связей, то, значитъ, и само оно дѣйствуетъ по законамъ пространства и времени. Существенное выраженіе познанія составляютъ предложенія, предложенія же суть не что иное, какъ воспроизведеніе или отображеніе непременно рядовъ предметовъ, т. е., явленій; стало быть—ясно, что дѣйствія познанія совершаются по законамъ пространства и времени.

3) Пространственно-временная дѣйствительность и познаніе ея, такъ какъ одна есть содержаніе другого, по границамъ своимъ должны совпадать. Поэтому, если бы было доказано, что, кромѣ упомянутой дѣйствительности, существуетъ еще другая, то наше пространственно-временное познаніе не могло бы простирается на эту дѣйствительность, кромѣ какъ отрицательнымъ путемъ, т. е., посредствомъ указанія лишь различія между ними, при чемъ положительная сторона этихъ указаній вся цѣликомъ была бы замаскирована изъ первой дѣй-

ствительности. Значить тутъ образъ выраженія былъ бы простымъ *подобіемъ*.

4) Если возникнетъ вопросъ объ отношеніи другъ къ другу двухъ дѣйствительностей, то какая бы разница ни раздѣляла ихъ,—это еще не должно служить основаніемъ, будто между ними *нѣтъ и быть не можетъ какихъ либо связей*. Понятіе разницы въ смыслѣ взаимовытѣсенія, почерпнуто изъ пространственно-временныхъ отношеній, поэтому оно къ нимъ только и примѣнимо. Отношеніе же между предметами, изъ которыхъ одинъ *безусловно* не то, что другой, не можетъ походить на условія пространства и времени. Должно помнить также, что возможность или невозможность—понятія, опять—имѣющія приложенія только къ тому, откуда почерпнуты. Возможно, все, что соотвѣтствуетъ законамъ или условіямъ доступной нашему познанію пространственно-временной дѣйствительности, что ей не противорѣчитъ; невозможно то, что съ ней несогласно, противорѣчитъ ея свойствамъ, при чемъ,—если бы это противорѣчащее стали соединять въ одно съ тѣмъ, чему оно противорѣчитъ (бѣлое есть не бѣлое). Вотъ почему если бы мы, напримѣръ, сказали, что пространственно-временный міръ существуетъ наряду съ безпространственнымъ и безвременнымъ при его условіи или даже имъ созданъ, то въ нашихъ словахъ не было бы никакой нелѣпости, такъ какъ здѣсь не было бы соединенія двухъ взаимноисключающихъ, а только положеніе ихъ рядомъ.

5) Дѣйствительность, сосредоточивающаяся на пространствѣ и времени, должна мыслиться столь же опредѣленной, на сколько опредѣлены причины пространства и времени; отсюда она должна быть признана ограниченной. Но признавая ея ограниченность, мы получаемъ, *eo ipso*, и еще важную истину, именно: необходимое существованіе какой либо ограничивающей реальности. Ограниченность пространственно—временной дѣйствительности есть опредѣленное свойство. Оно означаетъ то, что эта дѣйствительность имѣетъ „предѣлъ“ и не бесконечна—свойство точь въ точь такое, какое мы можемъ находить въ любой части дѣйствительности, доступной нашему непосредственному наблюденію. А во всѣхъ такихъ случаяхъ огра-

ниченность является предѣльностью какого либо даннаго тѣла *вмѣстѣ съ существованіемъ другого*. Опытъ не даетъ ни одного случая, гдѣ бы ограниченный предметъ не имѣлъ съ собою какого либо сосѣдняго; и ограниченность отнюдь не можетъ означать предѣла существованія всякой реальности, напротивъ послѣднее составляетъ ея необходимое условіе. Вотъ почему справедливо предложеніе: ограниченное непременно требуетъ и предполагаетъ ограничивающее. Это значитъ, что гдѣ есть первое явленіе—ограниченность, тамъ должно быть и второе—ограниченіе, потому что эта пара явленій и образуетъ то, что, въ понятномъ смыслѣ, можно назвать ограниченностью или предѣльностью.

Извлеченныя положенія даютъ намъ возможность сдѣлать сильное разрѣшеніе имѣющаго для нашего изслѣдованія существенное значеніе вопроса о границахъ бытія. Намъ извѣстно, что пространство означаетъ дѣлимое до опредѣленнаго предѣла протяженіе; время также—дѣлимое не безконечно теченіе или измѣненіе. То и другое дается намъ, какъ принудительное, а слѣдовательно, и объективное воспріятіе. Обращаясь къ существующему, мы замѣчаемъ, что въ средѣ его, за вычетомъ предметовъ, означенныхъ названіями—пространство и время, остается еще предметъ, дѣйствующій на насъ съ не меньшимъ принужденіемъ, чѣмъ и указанные. Предметъ этотъ—*непрерывность* существованія. Эту часть дѣйствительности мы воспринимаемъ отдѣльно отъ причинъ пространства и времени, она имѣетъ свое особое существованіе и обладаетъ свойствами не тѣми, которыя входятъ въ означеніе первыхъ названій, оттого и смѣшивать ее съ пространствомъ или временемъ можно лишь, нарушая выведенное нами первое правило. Но коль скоро засвидѣтельствована обособленность непрерывности въ бытіи, для ея означенія не только можно, но и должно избрать соответствующее названіе. Такимъ названіемъ мы избираемъ слово „постоянство“; означенный имъ предметъ прежде всего долженъ быть отличенъ отъ пространства и времени и пока опредѣлеть, какъ не имѣющій свойствъ ни того ни другого. Итакъ, границы бытія не однѣ и тѣ-же, что границы пространства и времени; кромѣ этихъ предметовъ должно

быть признано еще безпространственное и безвременное бытіе—„постоянство“.

Сказаннымъ мы можемъ покончить съ терминами. Разумѣется, здѣсь раскрыты далеко не всѣ термины, которые войдутъ въ разсужденія дальнѣйшихъ частей; но это мы не считаемъ недостаткомъ или доказательствомъ неполноты данной части. Всѣхъ терминовъ объяснить въ предварительной главѣ было нельзя, потому что это повлекло бы за собой увеличеніе ея объема въ ущербъ не только полнотѣ, но и послѣдовательности другихъ, а также повредило бы стройности всего сочиненія; ибо намъ по необходимости пришлось бы повторяться. По той же самой причинѣ мы не помѣщаемъ здѣсь и краткаго очерка метода, по которому мы будемъ строить свои доказательства, хотя помѣстить его въ этой главѣ было бы весьма уместно. О немъ читатель прочтетъ тамъ, гдѣ разбирается соотвѣтствующее возраженіе Милля.

М. Лебедевъ.

(Продолженіе будетъ).

ДАРВИНИЗМЪ.

(КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ).

(Продолженіе *).

С.

Но фиктивность фигуры естественнаго подбора, какъ главнаго фактора органической эволюціи, обозначится еще рельефнѣе, когда мы примемъ въ соображеніе то обстоятельство, что этотъ факторъ встрѣчаетъ въ природѣ двухъ непреодолимыхъ для него противниковъ, а именно — *безконтрольное скрещиваніе* между органическими существами и — *атавизмъ или реверсію* ихъ къ типу ихъ предковъ. Выше, во „введеніи“, мы уже привели вкратцѣ взглядъ Дарвина на значеніе скрещиванія въ процессѣ образованія новыхъ породъ органическихъ существъ. Здѣсь, въ виду особой важности для насъ этого предмета, мы поближе ознакомимся съ возрѣніями Дарвина на значеніе собственно безконтрольнаго скрещиванія въ процессѣ образованія новыхъ породъ растеній и животныхъ. Такъ, Дарвинъ говоритъ: „Скрещиваніе играетъ весьма важную роль въ природѣ, удерживая особей того же вида или той же разновидности однообразными“... „Для того, чтобы подборъ имѣлъ хорошія послѣдствія, очевидно необходимо предупреждать скрещиванія между различными породами“... Мелкія индивидуальныя измѣненія „по всей вѣроятности вскорѣ уничтожились бы вслѣдствіе свободнаго скрещиванія“... „Что касается весьма слабыхъ различій,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1896 г. № 1.

которыми характеризуются особи той же разновидности, то очевидно, что свободное скрещиваніе вскорѣ изгладитъ эти слабыя различія...“ „Когда двѣ разновидности, изъ которыхъ одна значительно многочисленнѣе другой, свободно скрещиваются между собою, то первая въ концѣ концовъ поглотитъ послѣднюю“... „Если одна изъ смѣшивающихся породъ значительно превосходитъ своею численностію другую, то эта послѣдняя вскорѣ исчезнетъ и будетъ вполнѣ или почти вполнѣ поглощена первою“¹⁾. Изъ приведенныхъ выписокъ ясно, что свободное скрещиваніе сглаживаетъ различіе признаковъ. Но для насъ особенно важенъ тотъ законъ, по которому порода менѣе многочисленная поглощается, благодаря скрещиванію, породой болѣе многочисленной, важенъ потому, что съ нимъ-то собственно всегда и приходится считаться естественному подбору, такъ какъ процессъ образованія новыхъ видовъ начинается съ измѣненія извѣстнымъ образомъ лишь нѣсколькихъ особей (приблизительно въ количествѣ одной третьей, пятой или десятой доли всѣхъ особей того же вида), которыя всегда и являются въ ничтожномъ меньшинствѣ сравнительно съ количествомъ индивидуумовъ породы—прародительницы, остающихся неизмѣнными. Нужно думать, на основаніи фактовъ, что упомянутый законъ, есть непреложный законъ природы не только по отношенію къ домашнимъ, но и дикимъ растеніямъ и животнымъ. Такъ, мы знаемъ, что количество соболя въ западной Сибири въ настоящее время сильно уменьшилось, между тѣмъ какъ количество куницы увеличилось. Это явленіе объясняется именно поглощеніемъ соболя куницею чрезъ скрещиваніе. Промышленники, постоянно и ревностно преслѣдуя соболя, истребили очень большое количество его самокъ. Недостатокъ этихъ послѣднихъ и принудилъ соболя скрещиваться съ родственной ему куницей. Ублюдки, рождающіеся отъ такихъ скрещиваній, получили названіе кидасовъ. Сначала кидасъ былъ очень рѣдокъ, но въ настоящее время онъ сталъ очень обыкновененъ. Кидасы въ свою очередь скрещиваются съ куницами же, а соболя все уменьшается въ числѣ. Такимъ образомъ процессъ

¹⁾ См. у Данилевскаго—*ibid.* ч. II. стр. 102—103.

вымиранія соболя совершается въ данномъ случаѣ чрезъ поглощеніе его куницею, при чемъ посредникомъ этого процесса является скрещиваніе (кидась). Такимъ же образомъ, какъ это можно почти съ несомнѣнностію допустить, вымирали и таршаны воронежскихъ степей, именно вслѣдствіе скрещиванія ихъ съ домашними лошадьми. Можно упомянуть здѣсь еще о поглощеніи голубой лазоревки бѣлою, даурской галки обыкновенною и мн. др. ¹⁾.

Атавизмъ или реверсія, нерѣдко вызываемые самимъ актомъ скрещиванія, зависятъ и отъ многихъ другихъ причинъ, имѣющихъ мѣсто въ природѣ. Постоянная возможность возврата благоприятно измѣнившихся особей къ типу ихъ первоначальныхъ, иногда очень отдаленныхъ, предковъ, очевидно имѣетъ большое значеніе для Дарвиновой теоріи происхожденія видовъ, потому что такіе возвраты,—особенно—если они часто будутъ повторяться, что не невозможно,—лишаютъ или всегда могутъ лишать процессъ образованія видовъ путемъ естественнаго подбора возможности всякаго прогресса. Такимъ образомъ несомнѣнно, что *рядомъ съ существованіемъ въ природѣ безконтрольнаго скрещиванія, ведущаго за собою поглощеніе менше многочисленныхъ (т. е. благоприятно измѣненныхъ особей) изъ скрещивающихся породъ, породами больше многочисленными (т. е. особями, оставшимися неизмѣненными) и—рядомъ съ существованіемъ въ природѣ атавизма или возврата благоприятно измѣнившихся особей къ типу ихъ неизмѣненныхъ предковъ, дѣятельность естественнаго подбора становится совершенно невозможною.*

Это возраженіе многіе изъ натуралистовъ и начали ставить на видъ Дарвину чуть не съ самаго того времени, какъ появилось его знаменитое „Происхожденіе видовъ“ etc. Да Дарвинъ и самъ предвидѣлъ это возраженіе, сознавалъ все его роковое значеніе для его теоріи и пытался устранить его съ первыхъ же изданій своего „Происхожденія видовъ“. Но эти попытки Дарвина, какъ сейчасъ увидимъ, не могутъ быть названы удачными. Такъ, въ устраненіе означеннаго возраженія Дарвинъ говоритъ ²⁾:

¹⁾ Проф. Мензбиръ: „Современныя задачи біологіи“.

²⁾ Въ цитаты мы заимствуемъ здѣсь у Дарвина—*ibid.* ч. II, стр. 105—122. такъ какъ онъ пользовался сравнительно новѣйшимъ (VI англійскимъ) изданіемъ „Происхожденія видовъ“.

„Въ случаѣ методическаго подбора производитель подбираетъ для нѣкоторой опредѣленной цѣли, и ежели особямъ дозволено будетъ свободно скрещиваться, дѣло его потерпитъ полную неудачу. Но ежели многіе люди, безъ намѣренія измѣнить племя, имѣютъ приблизительно то же мѣрило совершенства, и всѣ стараются добыть лучшихъ животныхъ и отъ нихъ размножить породу; то усовершенствованіе навѣрное, но медленно послѣдуетъ, вслѣдствіе бессознательнаго процесса подбора, не смотря на то, что тутъ нѣтъ выдѣленія отобранныхъ индивидуумовъ. Такъ будетъ это и въ природѣ“. Нѣтъ, въ процессѣ бессознательнаго подбора есть „выдѣленіе отобранныхъ индивидуумовъ“. Нѣтъ, въ природѣ это такъ не будетъ, потому что въ ней нѣтъ и быть не можетъ бессознательнаго подбора, который, какъ мы уже выше видѣли, есть тотъ же искусственный подборъ, но только не методическій; слѣдовательно, въ немъ, какъ и въ этомъ послѣднемъ, участвуетъ разумная человѣческая воля, уничтожающая, *выдѣляющая, отбирающая*, какъ это бываетъ напр. у дикарей въ голодные годы, всѣхъ особей, которыя почему-нибудь не представляются человѣку наилучшими, и оставляющая въ живыхъ особей, представляющихся человѣку наилучшими; въ результатѣ такого процесса и появляется непременно, но только не въ природѣ, улучшеніе всей породы (напр. собакъ у дикарей), хотя бы это послѣднее и не составляло прямой, сознательно поставленной человѣкомъ цѣли процесса.

„Такъ будетъ это и въ природѣ. Потому что внутри ограниченной площади съ нѣкимъ мѣстомъ, не вполне замѣщеннымъ въ экономіи природы, всѣ индивидуумы, измѣняющіеся въ должномъ направленіи, хотя бы и въ различныхъ степеняхъ, будутъ стремиться быть сохраненными“. Да почему же они „будутъ стремиться быть сохраненными“? Вѣдь если мы и допустимъ, вмѣстѣ съ Дарвиномъ, что количество индивидуумовъ, „измѣняющихся въ должномъ направленіи, хотя бы и въ различныхъ степеняхъ“, будетъ составлять даже одну треть, одну пятую или одну десятую долю всей породы, то вѣдь это количество все таки будетъ меньшинствомъ въ сравненіи съ количествомъ неизмѣнившихся особей, а потому и будетъ поглощено этими послѣдними чрезъ скрещиваніе и атавизмъ.

„Скрещиваніе будетъ главнымъ образомъ дѣйствовать на тѣхъ животныхъ, которыя спариваются вновь для каждаго полета, или много странствуютъ, или размножаются не въ слишкомъ быстрой прогрессіи“. Да, это вѣрно. Но вѣрно и то, что скрещиваніе будетъ дѣйствовать также и на тѣхъ животныхъ, которыя не спариваются вновь для каждаго помета, а спариваются, какъ напр. голуби, на всю жизнь, и на тѣхъ, которыя мало странствуютъ, и на тѣхъ, которыя размножаются въ быстрой прогрессіи. И это потому, что въ средѣ всѣхъ такихъ животныхъ такъ или иначе измѣнившіяся особи опять-таки будутъ являться въ ничтожномъ меньшинствѣ, слѣдовательно такъ же будутъ поглощаться, благодаря скрещиванію и атавизму, большинствомъ, какъ это бываетъ и среди всякихъ другихъ животныхъ. Кромѣ того, спариваніе животныхъ на всю жизнь фактически невозможно, такъ какъ спарившіяся особи часто могутъ подвергаться и подвергаются гибели. Не поможетъ здѣсь и быстрая прогрессія размноженія, потому что если, благодаря ей, увеличивается количество особей такъ или иначе измѣнившихся, то, благодаря ей же, въ той же пропорціи увеличивается и количество особей, остающихся неизмѣненными.

„У гермафродитныхъ организмовъ, которые скрещиваются только случайно, а также у животныхъ, которыя спариваются для каждаго помета, но которыя мало странствуютъ и могутъ размножаться въ очень быстрой прогрессіи, новая и улучшенная разновидность можетъ образоваться очень скоро на какомъ-либо одномъ мѣстѣ, удерживаться тамъ цѣлою толпою и въ послѣдствіи расцѣваться, такъ что индивидуумы новой разновидности будутъ преимущественно скрещиваться между собою“. Что касается гермафродитовъ, то вѣрно, что они скрещиваются только случайно. Но для нихъ совершенно безразлично—скрещиваться ли только изрѣдка, или скрещиваться весьма часто. Вѣдь гермафродиты принадлежатъ обыкновенно къ разряду самыхъ низшихъ существъ органическаго міра, такъ что нѣкоторые изъ нихъ причисляются къ тѣмъ же родамъ, къ которымъ причисляются и нѣкоторыя растенія; а самъ же Дарвинъ признаетъ, что для такихъ существъ, вслѣдствіе крайней простоты и однообразія условій ихъ существованія, никакихъ усовершенство-

ваній и измѣненій въ ихъ организаціи вовсе и не требуется. Также вѣрно и то, что дѣтеныши различныхъ животныхъ очень нерѣдко „удерживаются цѣлою толпою на какомъ-либо одномъ мѣстѣ“, но устраненію или ограниченію скрещиванія такое столпленіе содѣйствовать не можетъ, потому что дѣтеныши удерживаются вмѣстѣ только до наступленія половой зрѣлости, а потомъ разсѣиваются въ разныя стороны. Мало того, дѣтеныши нерѣдко разсѣиваются и до наступленія половой зрѣлости. Такъ бываетъ напр. съ насѣкомыми: ихъ гусеницы, вылущившись изъ яицъ, расползаются въ разныя стороны и нерѣдко—туда, гдѣ есть уже гусеницы другихъ насѣкомыхъ. Впрочемъ, весь вопросъ въ данномъ случаѣ и не въ томъ, столпляются или не столпляются дѣтеныши новой улучшенной разновидности на какомъ-нибудь особомъ мѣстѣ, разсѣиваются или не разсѣиваются потомъ въ разныя стороны и т. д., а въ томъ, какимъ образомъ могла образоваться и—образоваться именно путемъ естественнаго подбора—эта новая улучшенная разновидность изъ мелкихъ индивидуальных особенностей? А этого-то *главнаго* въ данномъ случаѣ вопроса Дарвинъ здѣсь и не рѣшаетъ.

„Даже и для животныхъ, которыя спариваются вновь для каждаго помета и не быстро размножаются, мы не должны предполагать, чтобы скрещиваніе всегда устраняло дѣйствіе естественнаго подбора. Потому что я могу выставить значительное число фактовъ, показывающихъ, что на томъ же самомъ пространствѣ двѣ разновидности того же животнаго могутъ долго оставаться различными: отъ того, что посѣщаютъ разныя мѣстности, оттого, что размножаются въ немного различные времена года, или оттого, что особи каждой разновидности предпочитаютъ скрещиваться между собою“. Совершенно справедливо, что „на томъ же самомъ мѣстѣ (хотя съ этимъ какъ-то и не вяжется то обстоятельство, что живущія „на томъ же самомъ мѣстѣ“ разновидности „посѣщаютъ разныя мѣстности“) двѣ разновидности того же животнаго могутъ долго оставаться различными“. Такъ, мы знаемъ, напр., что въ Мюнхенскомъ ботаническомъ саду совместно существуютъ, не смѣшиваясь другъ съ другомъ, болѣе 2000 разновидностей ястребинника

(Niegacium). Но сослаться на это обстоятельство въ данномъ случаѣ Дарвинъ не имѣетъ никакого права. Вѣдь ему собственно нужно доказать происхожденіе, путемъ естественнаго подбора, равновидностей изъ индивидуальныхъ особенностей и видовъ изъ разновидностей; слѣдовательно ему нужно доказать несомнѣнность устраненія или ограниченія скрещиваній между особями, имѣющими извѣстные индивидуальные признаки, изъ которыхъ потомъ, согласно его теоріи, должны сложиться сравнительно постоянные и устойчивые признаки разновидности, — съ особями, не имѣющими такихъ признаковъ, а — не несомнѣнность устраненія и ограниченія скрещиваній между уже образовавшимися разновидностями. Такимъ образомъ Дарвинъ долженъ былъ бы въ данномъ случаѣ указать на факты, доказывающіе именно несомнѣнность устраненія или ограниченія скрещиванія между особями одной и той же разновидности, нѣсколько отличающимися другъ отъ друга своими индивидуальными признаками. Указывать же въ данномъ случаѣ на разновидности, живущія совместно и все таки не скрещивающіяся другъ съ другомъ, значитъ, что называется, рассуждать совсѣмъ не на тему, ходитъ вокругъ да около, не рѣшая главнаго вопроса, а именно вопроса объ образованіи этихъ самыхъ разновидностей изъ индивидуальныхъ особенностей путемъ естественнаго подбора, — при вліяніи скрещиванія на дѣятельность послѣдняго.

Впрочемъ, Дарвинъ въ концѣ концовъ все таки приступаетъ какъ будто къ рѣшенію этого вопроса, очевидно, *сознавая, что при наличности неконтрольнаго скрещиванія между особями зачинающей разновидности и ихъ неизмѣнившимися сородичами сформированіе и дифференцировка этой разновидности невозможны*. Сознаніе такой невозможности образованія, при наличности неконтрольнаго скрещиванія, разновидностей изъ мелкихъ индивидуальныхъ особенностей путемъ естественнаго подбора выражается у Дарвина въ его стараніи — подыскать какія-либо обстоятельства, ручающіяся за устраненіе или ограниченіе скрещиванія между особями разновидности — прародителя и разновидности — потомка. Такими обстоятельствами и являются, по мнѣнію Дарвина, во-первыхъ, посѣщеніе разновидностями — прародительской и отъ нея происшедшей — различ-

ныхъ мѣстностей. Но ссылка Дарвина на это обстоятельство, очевидно, есть ссылка на гипотезу отъединенія въ пространствѣ, придуманную Морицемъ Вагнеромъ. Поэтому, въ отвѣтъ на эту ссылку мы скажемъ то же, что сказано Данилевскимъ ¹⁾ противъ означенной гипотезы, а именно:

1. Отъединеніе благопріятно измѣнившихся въ какомъ бы то ни было отношеніи организмовъ должно совершаться вскорѣ же послѣ того, какъ измѣненія въ этихъ организмахъ воспослѣдовали; если же отъединеніе будетъ запаздывать, то означенные организмы будутъ поглощены чрезъ скрещиваніе своими неизмѣнившимися сородичами.

2. Объясняя свою таблицу расхожденія признаковъ, Дарвинъ говоритъ, что для образованія хорошей разновидности, то есть, такой, которая заслуживала бы внесенія въ систематическія сочиненія, нужно извѣстное количество,—сколько именно—Дарвинъ не говоритъ,—послѣдовательныхъ измѣненій. А такихъ разновидностей нужно отъ 10 до 14, чтобы составить хорошей видъ. Если же для образованія хорошаго вида нужно отъ 10 до 14 хорошихъ разновидностей, то мы въ правѣ допустить, что столько же или не менѣе этого количества нужно и послѣдовательныхъ индивидуальныхъ измѣненій для образованія хорошей разновидности. Такимъ образомъ для образованія хорошей разновидности потребовалось бы отъ 10 до 14, а для образованія хорошаго вида отъ 100 до 140 поколѣній; столько же потребовалось бы и отъединеній въ пространствѣ и притомъ—отъединеній вполне своевременныхъ.

3. Благопріятныя измѣненія особей, подлежащихъ отъединенію, благопріятны, конечно, потому, что приспособляютъ этихъ особей къ условіямъ существованія именно въ той мѣстности, гдѣ онѣ родились и видоизмѣнились. По отъединеніи же ихъ въ другую мѣстность, ихъ видоизмѣненія, съ точки зрѣнія новыхъ условій существованія въ этой новой мѣстности, всегда могутъ оказаться совершенно невыгодными и вредными, вслѣдствіе чего эти особи всегда могутъ погибнуть въ борьбѣ за существованіе.

¹⁾ Ibid. ч. II, стр. 73—81.

4. Отъединенныя особи ничѣмъ не будутъ застрахованы отъ атавизма или возврата къ типу ихъ родоначальниковъ; и такъ какъ измѣненія въ условіяхъ существованія благопріятствуютъ атавизму, то можно съ большою вѣроятностію полагать, что этотъ послѣдній непременно произойдетъ.

5. Наконецъ, гипотеза отъединенія въ пространствѣ нисколько не объясняетъ вымиранія неизмѣняющихся благопріятно формъ: благопріятно измѣнившіяся формы отъединяются въ другую мѣстность, а ихъ неизмѣнившіеся предки продолжаютъ благоденствовать на своей родинѣ.

Сказаннаго считаемъ достаточнымъ для заключенія, что гипотеза отъединенія въ пространствѣ не выдерживаетъ критики. Да и самъ Дарвинъ прекрасно сознавалъ ея несостоятельность. Такъ, онъ говоритъ: „Морицъ Вагнеръ недавно показалъ, что услуги, оказываемыя отъединеніемъ, предотвращающимъ скрещиваніе вновь образовавшихся разновидностей, вѣроятно, значительнѣе, чѣмъ даже я предполагалъ. Но... я никоимъ образомъ не могу согласиться съ этимъ натуралистомъ, чтобы переселеніе и отъединеніе составляли необходимый элементъ образованія новыхъ видовъ“¹⁾.

Во-вторыхъ, Дарвинъ ссылается на то обстоятельство, что разновидности—прародители и разновидности—потомки „размножаются нѣсколько въ другое время года“, чѣмъ, по мнѣнію Дарвина, и устраняется или ограничивается скрещиваніе между ними. Но сослаться на это обстоятельство, въ сущности, значитъ сослаться на теорію отъединенія во времени (асингамія), предложенную Кернеромъ, Асканази и Зейдлицемъ. Противъ этой теоріи нужно замѣтить слѣдующее. Способность разновидностей—размножаться въ различное время года должна была образоваться постепенно, изъ легкихъ индивидуальных измѣненій въ этомъ направленіи въ воспроизводительной системѣ. Напримѣръ, въ то время, какъ громадное большинство растеній извѣстнаго вида зацвѣтало, а—животныхъ—начинало спариваться въ извѣстное время года, нѣкоторое количество растеній или животныхъ того же вида зацвѣтало или начинало

¹⁾ См. у Дарвинскаго,—*ibid.* ч. II, стр. 79.

спариваться ранѣе или позднѣе ихъ хотя на часъ, нѣсколько часовъ или на сутки,—вѣдь большихъ промежутковъ времени въ данномъ случаѣ, съ точки зрѣнія Дарвиновой теоріи, допустить непозволительно.

А такая ничтожная разница во времени наступленія періода размноженія, очевидно, бѣды смѣшенія видоизмѣнившихся индивидуумовъ съ неизмѣнившимися нисколько не устраняетъ и не поправляетъ: пусть извѣстное растеніе зацвѣтетъ на часъ или сутки ранѣе или позднѣе своихъ сородичей или—нѣкоторыя изъ животныхъ извѣстнаго вида также на часъ или сутки ранѣе или позднѣе остальныхъ животныхъ того же вида начнутъ спариваться другъ съ другомъ,—это все таки не спасетъ ихъ отъ скрещиванія съ своими неизмѣнившимися сородичами, а слѣдовательно—и отъ поглощенія ими, потому что періодъ цвѣтенія растеній и періодъ любви у животныхъ продолжаются не часъ и не сутки, а цѣлыя недѣли и даже мѣсяцы. Такимъ образомъ невозможнымъ становится самое образованіе, путемъ естественнаго подбора, такихъ разновидностей, которыя отличались бы способностію размножаться на такое количество времени ранѣе или позднѣе своихъ сородичей, чтобы сдѣлаться, дѣйствительно отъединенными отъ послѣднихъ во времени. Но вѣдь также, замѣтимъ здѣсь кстати, необъяснимо съ точки зрѣнія Дарвиновой теоріи образованіе изъ индивидуальныхъ особенностей, при наличности безконтрольнаго скрещиванія, и всякихъ другихъ разновидностей, отличающихся любыми признаками и особенностями. Вотъ и все, что Дарвинъ могъ сказать въ защиту фигуры естественнаго подбора отъ устраненія ея въ область фантазіи скрещиваніемъ. Какъ бы не сознавая всей слабости и неудачности такой защиты, Дарвинъ однако же говоритъ въ ея заключеніе: „хотя всѣ особи того же вида въ нѣкоторой слабой степени отличаются другъ отъ друга, часто проходитъ много времени прежде, чѣмъ могутъ случиться различныя нужныя качества въ требуемомъ смыслѣ въ разныхъ частяхъ организма. Этотъ результатъ часто будетъ значительно замедляться свободнымъ скрещиваніемъ. Многіе воскликнутъ, что этихъ различныхъ причинъ вполне достаточно, дабы нейтрализовать

дѣятельность естественнаго подбора. *Я такъ не думаю.* Но я думаю, что естественный подборъ будетъ дѣйствовать вообще очень медленно, только чрезъ долгіе промежутки времени и только на немногихъ обитателей той же мѣстности¹⁾. Да, скажемъ и мы съ своей стороны: дѣло построения научныхъ теорій было бы очень просто, если бы основаніями такихъ построеній служили только наши личные, субъективныя: „я думаю“ или „я не думаю“. Сознывая роковое значеніе для Дарвиновой теоріи возраженій относительно первоначальной безполезности для органическихъ существъ пріобрѣтенія ими тѣхъ или иныхъ особенностей и—относительно растворенія и уничтоженія этихъ послѣднихъ чрезъ скрещиваніе, послѣдователи Дарвина пытались устранить эти возраженія. Изъ такихъ попытокъ мы упомянемъ здѣсь о попыткахъ Романза и профессора Тимирязева.

Для устраниенія означенныхъ возраженій англійскій ученый далъ теорію фізіологическаго подбора. Эта теорія вкратцѣ состоитъ въ слѣдующемъ. Изъ тѣхъ разнообразныхъ измѣненій, которымъ, подъ вліяніемъ различныхъ условій, подвергаются органическія существа, главное значеніе въ процессѣ образованія новыхъ видовъ принадлежитъ измѣненіямъ въ воспроизводительной системѣ. Такія измѣненія ведутъ за собою способность обладающихъ ими индивидуумовъ быть плодовитыми при скрещиваніи съ одними и—безплодными при скрещиваніи съ другими особями. Такая способность обособляетъ обладающихъ ею индивидуумовъ отъ его сородичей и такимъ образомъ дѣлаетъ ненужнымъ отъединеніе въ пространствѣ. А такое обособленіе, въ свою очередь, ведетъ къ тому, что всякія полезныя измѣненія, какъ бы они ни были на первыхъ порахъ ничтожны, благодаря закону наследственности, будутъ передаваться потомкамъ и наростать въ нихъ до тѣхъ поръ, пока изъ нихъ не образуется новый видъ. Если напр. нѣсколько цвѣтковъ извѣстнаго вида пріобрѣли такую способность, что ихъ цвѣточная пыльца созрѣваетъ двумя недѣлями позже нежели цвѣточная пыльца ихъ сородичей, то очевидно, что эти

¹⁾ См. у Данилевскаго—*ibid.* стр.122.

цвѣтки могутъ скрещиваться только другъ съ другомъ, а не со всѣми остальными своими сородичами. Такимъ образомъ всѣ другія полезныя особенности, которыя будутъ пріобрѣтены этими цвѣтками, будутъ гарантированы отъ поглощенія чрезъ скрещиваніе и будутъ въ потомствѣ этихъ цвѣтковъ накапливаться, благодаря закону наследственности, до такихъ размѣровъ, что потомки этихъ цвѣтковъ образуютъ наконецъ изъ себя новый видъ ¹⁾).

Теорія Романза, какъ это замѣтно съ перваго же взгляда, напоминаетъ теорію отъединенія во времени. Но однимъ изъ существеннѣйшихъ различій ея отъ этой послѣдней является то обстоятельство, что потеря плодовитости и возникновеніе особенностей происходятъ здѣсь не постепенно, а внезапно. Противъ этой теоріи можно возразить слѣдующее. Во-первыхъ, что это за пріобрѣтаемая измѣнившимися благопріятно особями способность—быть плодовитыми *inter se* и—безплодными при скрещиваніи со всѣми своими остальными, остающимися неизмѣненными, сородичами? Очевидно, что эта способность ненормальна, неестественна, потому что, какъ говоритъ опытъ, половое соитіе особей одной и той же породы непременно должно давать плодъ. Такимъ образомъ означенная способность является лишь болѣзненнымъ исключеніемъ изъ общаго правила. Если же такъ, то никакъ нельзя поручиться, чтобы означенная способность непременно сохранилась и у дальнѣйшихъ потомковъ пріобрѣтшихъ ее особей: вѣдь консервативное начало наследственности *видовыхъ* признаковъ всегда можетъ взять верхъ надъ означенною способностію, и обладающія ею особи всегда могутъ, путемъ атавизма, возвратиться къ типу своихъ предковъ и смѣшаться съ ними. Во вторыхъ, если бы означенная способность и сохранилась за потомками впервые пріобрѣтшихъ ее органическихъ существъ, то и тогда изъ этого ровно ничего бы не вышло. Вслѣдствіе геометрической прогрессіи размноженія, количество такихъ потомковъ быстро увеличивалось бы. Всѣ они стали бы по прежнему подвергаться всевозможнымъ вліяніемъ, видоизмѣняться во всевозможныхъ направленіяхъ. И вышло бы то, что далѣе удержанія ими

¹⁾ С. Глаголевъ: „О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человеческого“, Москва, 1894 г. стр. 270—271.

приобрѣтенной способности—быть плодовитыми только *inter se*, процессъ ихъ видоизмѣненія не пошелъ бы и до образованія изъ нихъ новой разновидности, а тѣмъ болѣе—новаго вида, не дошелъ бы—по тѣмъ самымъ причинамъ, какъ и при образованіи разновидностей и видовъ путемъ естественнаго подбора, а именно: приобретаемыя нѣкоторыми изъ этихъ размножившихся и плодовитыхъ только между собою особями различныя индивидуальныя измѣненія уничтожались бы путемъ скрещиванія съ неимущимъ тѣхъ видоизмѣненій большинствомъ, а также—путемъ реверси или атавизма. Сохраняться и накапливаться они могли бы только при томъ невѣроятномъ условіи, если сейчасъ же, за ихъ возникновеніемъ имѣющія ихъ особи приобретаали бы и способность быть плодовитыми только *inter se* и такимъ образомъ, снова обособлялись бы отъ своихъ сородичей, оставшихся неизмѣненными, и т. д. А такое постоянное совпаденіе, быть можетъ, до 100 или до 140 разъ, возникновенія новой особенности и приобретаенія обладающими ею индивидуумами способности—быть плодовитыми только между собою, повторяемъ, также невѣроятно, какъ и постоянно своевременное отъединеніе въ пространствѣ такъ или иначе измѣнившихся особей въ гипотезѣ Вагнера.

Профессоръ Тимирязевъ, критикуя цитуемое нами сочиненіе Данилевскаго ¹⁾, пытается устранить какъ возраженіе относительно того, что индивидуальныя особенности должны растворяться и уничтожаться чрезъ скрещиваніе, такъ и относительно того, что на первыхъ порахъ эти особенности не могутъ быть полезны для организма и слѣдовательно не могутъ подлежать дѣятельности естественнаго подбора. Какъ извѣстно, Данилевскій доказываетъ ²⁾ невозможность, при наличности безконтрольнаго скрещиванія, происхожденія, путемъ Дарвиновой теоріи, новыхъ видовъ на примѣрѣ происхожденія пятилепестной сирени отъ обыкновенной четырехлепестной. Въ отвѣтъ на выкладки Данилевскаго проф. Тимирязевъ говоритъ, что „онѣ доказываютъ только невозможность образованія въ естественномъ состояніи чистокровной породы“ (стр. 235 — 236). Другими словами, профессоръ указываетъ здѣсь на невозмож-

¹⁾ „Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе“—начиная со стр. 221.

²⁾ Ibid. ч. II, стр. 4 и далѣе.

ность образованія какой-либо породы *внѣ скрещиванія*, то есть, —такъ, что бы на примѣръ самецъ, имѣющій извѣстныя индивидуальныя особенности, спаривался всегда только съ самкой, имѣющей тѣ же самыя особенности, а не съ самками, не имѣющими такихъ особенностей. И въ данномъ случаѣ профессоръ совершенно правъ, какъ правъ онъ и въ заявленіи, что ни Дарвинъ, ни его строгіе послѣдователи никогда и не доказывали возможности образованія въ естественномъ состояніи именно чистокровныхъ породъ. Итакъ, внѣ скрещиванія образованіе породъ немыслимо; какъ же происходитъ то, что различныя мелкія индивидуальныя особенности не уничтожаются вслѣдствіе безконтрольнаго скрещиванія,—вѣдь никакого контроля въ данномъ случаѣ въ природѣ нѣтъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ профессоръ говоритъ, что никакое воздѣйствіе на органическое существо, никакая, слѣдовательно, его особенность, являющаяся результатомъ этого воздѣйствія, не можетъ исчезнуть безслѣдно, хотя бы уже въ виду извѣстнаго афоризма Лавуазье: „rien ne se perd, rien ne se crée“. Что касается этого афоризма, то теоретически, взятый безотносительно, онъ конечно вѣренъ, но практически, взятый въ его отношеніи къ дѣйствительности, онъ можетъ оказаться и не справедливымъ. На примѣръ, по новѣйшимъ наблюденіямъ (на примѣръ Лаппарана) оказывается, что количество воды на земномъ шарѣ постепенно уменьшается. Нельзя конечно думать, чтобы исчезающая вода исчезала безслѣдно,—вѣдь гдѣ же нибудь она будетъ существовать—въ своемъ ли настоящемъ видѣ, или въ составляющихъ ее элементахъ—кислородѣ и водородѣ и—въ различныхъ кислородныхъ и водородныхъ соединеніяхъ; но вѣдь землѣ-то отъ этого не будетъ легче, потому что она все таки погибнетъ,—по крайней мѣрѣ—существующій на ней органическій міръ,—отъ исчезновенія воды. Подобнымъ же образомъ, мы имѣемъ право рассуждать и относительно измѣнчивости органическихъ существъ. Вслѣдствіе воздѣйствія внѣшнихъ условій, появилась у органическаго существа извѣстная особенность: воздѣйствіе не прошло безслѣдно, оно выразилось въ этой самой особенности. Но какъ ослабѣваетъ и уничтожается, вслѣдствіе на примѣръ силы тяжести, воздѣйствіе на примѣръ взрыва пороха на пушечное ядро, постепенно осла-

бѣвающее въ своемъ полетѣ и затѣмъ приходящее въ состояніе неподвижности: такъ точно, вслѣдствіе скрещиванія, уничтожается въ организмѣ и результатъ воздѣйствія на него внѣшнихъ условій,—то есть, уничтожается та или другая его индивидуальная особенность—„вѣдь ничто не вѣчно подъ луною“, отвѣтимъ мы афоризмомъ на афоризмъ. Далѣе профессоръ говоритъ (стр. 237), что для сохраненія извѣстной индивидуальной особенности достаточно только *ограниченія*, а не полного устраненія скрещиванія, что даже въ искусственномъ и безсознательномъ подборѣ скрещиваніе только въ болѣе или менѣе совершенной степени ограничивается, а не устраняется. Допустимъ, что это такъ (хотя всѣ хозяева и заводчики скажутъ, что это не совсѣмъ такъ, хотя и самъ Дарвинъ, какъ доказываетъ это Денилевскій ¹⁾, понималъ не совсѣмъ такъ). Но существуетъ ли въ природѣ даже ограниченіе скрещиванія, если не полное его устраненіе? По мнѣнію профессора Тимирязева, несомнѣнно существуетъ. Въ доказательство этого профессоръ приводитъ гипотетическую схему расположенія вокругъ благопріятно измѣнившагося цвѣтка А, другихъ неизмѣнившихся цвѣтковъ той же породы и—путемъ математическихъ выкладокъ доказываетъ, что цвѣтокъ А будетъ скрещиваться преимущественно съ своими ближайшими сосѣдями, а и не со всѣми остальными сородичами; по крайней мѣрѣ, изъ выкладокъ слѣдуетъ, что шансы оплодотворенія цвѣтка А однимъ изъ ближайшихъ сосѣдей будутъ не далеки отъ дроби $\frac{1}{2}$. „Слѣдовательно, каждая вповь появляющаяся форма будетъ встрѣчать соперниковъ (въ смыслѣ скрещиванія) далеко не во всѣхъ представителяхъ вида въ данной мѣстности, а въ гораздо болѣе ограниченномъ числѣ ближайшихъ сосѣдей“, и слѣдовательно, появляющіяся формы не такъ уже легко будутъ растворяться въ общей массѣ представителей всего вида (стр. 238—239). Но, во-первыхъ, всѣ выкладки почтеннаго проф. въ данномъ случаѣ основаны на положеніяхъ, что шансы скрещиванія будутъ пропорціональны числу растений и обратно пропорціональны квадратамъ разстоянія отъ цвѣтка А, и что пыльца, поднимающаяся съ цвѣтка, будетъ падать на площади, возрастающія, какъ квадраты радіусовъ; а въ такомъ случаѣ всѣ эти выклад-

¹⁾ Ibid. ч. II, стр. 102—105.

ки и будутъ приложимы развѣ только къ растеніямъ, неподвижно сидящимъ на одномъ мѣстѣ. Къ животнымъ же означенныя выкладки уже совершенно не приложимы, потому что, обладая способностію свободнаго передвиженія, животное постоянно будетъ измѣнять и перемѣшивать и „квадраты разстоянія“ отъ себя своихъ сородичей, и „квадраты радіусовъ“ площадей своего обитанія. Во-вторыхъ, и по приведенной выкладкѣ все таки выходитъ, что благопріятно измѣнившіяся формы составляютъ только меньшинство среди своихъ сородичей; значитъ, дробь, выражающая это меньшинство, благодаря скрещиванію съ неизмѣнившимися формами и атавизму, все будетъ уменьшаться и дойдетъ до нуля. Такимъ образомъ, по вышеприведенному закону скрещиванія меньшинства съ большинствомъ, благопріятно измѣнившіяся формы, рано или поздно, должны, въ концѣ концовъ, подъ „нивелирующимъ“, по выраженію профессора, вліяніемъ скрещиванія, раствориться въ общей массѣ большинства формъ того же вида или разновидности. Но, по мнѣнію профессора, допустить это значитъ пойти противъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ упорномъ сохраненіи наследственныхъ особенностей въ длинномъ ряду поколѣній. Изъ числа такихъ фактовъ профессоръ выставляетъ, конечно, (добавляемъ это „конечно“ потому, что какого-бы дарвиниста намъ ни приходилось читать, мы неизмѣнно встрѣчались съ этимъ фактомъ, изъ чего выводимъ заключеніе, что фактъ этотъ на взглядъ дарвинистовъ представляется особенно вѣскимъ) знаменитые—носъ Бурбоновъ и подбородокъ Габсбурговъ, которые, не смотря на то, что ни Бурбоны, ни Габсбурги не вступали въ кровосмѣсительные браки, все таки въ длинномъ ряду поколѣній сохраняются—первый въ семьѣ Бурбоновъ, второй—въ семьѣ Габсбурговъ (стр. 239—240). Мы съ своей стороны сказали бы на это слѣдующее. Вѣдь въ каждой семьѣ есть свои типичныя особенности, напр. въ формѣ глазъ, рукъ, губъ, черепа и т. под. (вслѣдствіе чего досужія кумушки и даютъ волю своимъ злымъ языкамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ не бываетъ похожъ ни на отца или на мать, ни на дѣда или бабуку,—когда, вообще ребенокъ не подходитъ подъ типъ своей семьи или рода: тогда-то именно кумушки и говорятъ что ребенокъ „ни въ мать ни въ отца, а въ прохожаго молодца“),

Но о такихъ особенностяхъ въ семьяхъ обыкновенныхъ смертныхъ не говорятъ и ни пишутъ,—почему?—Да просто потому, что обладатели ихъ не Бурбоны и не Габсбурги, а обыкновенные смертные. Далѣе, устойчивость формы носа Бурбоновъ и формы подбородка Габсбурговъ до *настоящаго времени* еще ничего не говоритъ за ихъ сохраненіе *и въ будущемъ*, а тѣмъ болѣе—за *распространеніе ихъ формы на носы и подбородки другихъ семей*, съ которыми Бурбоны и Габсбурги вступали въ брачные союзы или—за *образованіе изъ людей съ такими носами и подбородками особыхъ разновидностей*. Такимъ образомъ носъ Бурбоновъ и подбородокъ Габсбурговъ не могутъ служить сколько-нибудь прочной опорой для теоріи Дарвина. Далѣе, профессоръ Тимирязевъ ставитъ по адресу антидарвинистовъ такое возраженіе: „Первые потомки Адама первоначально вступали въ кровосмѣсительные браки, человѣческая семья должна бы быть совсѣмъ однородною,—какъ же появилось это безконечное разнообразіе (оттѣнковъ—расовыхъ, племенныхъ и др.) у существа, у котораго свободное скрещиваніе первоначально не было ничѣмъ ограничено? „Слѣдовательно“, выводитъ профессоръ изъ поставленнаго имъ возраженія: одна возможность скрещиванія не представляетъ непреодолимаго препятствія для дифференцировки вида“ (стр. 240). При всемъ нашемъ уваженіи къ мнѣніямъ нашего почтеннаго противника, мы все таки считаемъ себя вынужденными сознаться, что рѣшительно не понимаемъ основаній и умѣстности здѣсь поставленнаго имъ возраженія. Вѣдь профессору, конечно, лучше насъ извѣстно, что матеріальная природа человѣка подлежитъ тѣмъ же естественнымъ законамъ, что и природа остальныхъ органическихъ существъ; слѣдовательно ставить вопросъ о томъ, какимъ образомъ произошли разновидности въ человѣческомъ родѣ (состоящемъ лишь изъ одного вида), значитъ то же самое, что ставить вопросъ о томъ, какимъ образомъ произошли разновидности въ различныхъ видахъ растений и животныхъ. Какъ же онѣ произошли?—Какъ бы онѣ ни произошли, отвѣтимъ мы съ своей стороны, но только—не по Дарвиновой теоріи, то есть, не благодаря дѣятельности естественнаго подбора. Да и заключать отъ дифференцировки разновидностей къ дифференцировкѣ видовъ, конечно, нѣтъ никакихъ логическихъ о-

снованій. Затѣмъ профессоръ ссылается на упомянутый уже нами выше и разсмотрѣнный фактъ совмѣстнаго и однако же всегда раздѣльнаго существованія многочисленныхъ разновидностей ястребинника. Далѣе онъ доказываетъ математическими выкладками, что чрезъ пять поколѣній вліяніе благоприятно измѣненной формы А можетъ отразиться на 10000 недѣлимыхъ. Но здѣсь профессоръ предвидитъ такое возраженіе: „Въ то время, какъ указанныя формы (происхожденія отъ А) образовали потомство въ 10000, первоначальныя 10000 (особей, оставшихся неизмѣненными) возрасли до милліарда; отношеніе осталось то же,—эти десять тысячъ такъ же топуть въ милліардѣ, какъ и прежняя единица“ (тонетъ въ 10000). Означенное возраженіе профессоръ думаетъ устранить такимъ образоменіемъ: „Здѣсь-то и выступаетъ впередъ... факторъ—естественный отборъ. Этотъ милліардъ существуетъ только въ возможности. Въ дѣйствительности, по условію, нашъ клочекъ можетъ вмѣстить только 10000, слѣдовательно, въ каждомъ поколѣніи исчезаетъ, гибнетъ все, что нарождается свыше этого числа и простѣйшая здравая логика вынуждаетъ заключить, что если наша форма (А) и ея потомство представляютъ какое-нибудь преимущество, въ смыслѣ большей приспособленности къ условіямъ существованія, то они попадутъ въ число 10000 избранныхъ“ (стр. 241—243). Да, скажемъ мы съ своей стороны, „простая здравая логика вынуждала бы насъ заключить, что форма А и ея потомки попадутъ въ число 10000 избранныхъ“ только при тѣхъ условіяхъ, если бы борьба за существованіе истребляла только однихъ менѣе приспособленныхъ къ условіямъ существованія, если бы она истребляла ихъ немедленно же, прежде чѣмъ они скрестятся съ потомками формы А; если бы интенсивность борьбы за существованіе не ослабѣвала бы, если бы самая борьба совсѣмъ даже не прекращалась бы и послѣ того, какъ на данномъ клочкѣ земли оставались бы только 10000 недѣлимыхъ; если бы условія, вызывающія извѣстныя особенности въ потомкахъ формы А, дѣйствовали постоянно, если бы не дѣйствовали при этомъ другія условія и—въ другихъ направленіяхъ. Но вѣдь всѣ эти условія, какъ мы выше видѣли, могутъ быть, а могутъ и не быть, и ихъ постоянная наличность въ должной совокупности, въ должныхъ

состояніяхъ другъ къ другу всегда мыслится нами менѣе чѣмъ вѣроятною. Потомки формы А попадутъ въ число 10000 избранныхъ въ томъ случаѣ, если они будутъ имѣть какое-нибудь преимущество предъ другими формами, въ смыслъ большей приспособленности къ условіямъ существованія... Такимъ образомъ проф. Тимирязевъ доходитъ до вопроса о преимуществахъ, выгодныхъ организмамъ въ борьбѣ за существованіе, другими словами—встрѣчается съ возраженіемъ относительно первоначальной бесполезности тѣхъ индивидуальных особенностей, которыя, по мнѣнію дарвинистовъ, даютъ органическимъ существамъ „какія-либо преимущества, въ смыслѣ большей приспособленности къ условіямъ существованія“. Профессоръ именно говоритъ: „Такимъ образомъ все сводится къ почти отвлеченному вопросу: малая польза приноситъ ли пользу или только вредъ“? Прежде всего, не можемъ не сказать здѣсь нѣсколькихъ словъ о самой постановкѣ этого вопроса, такъ какъ она замѣчательна въ томъ отношеніи, что характеризуетъ отчасти приемы научной полемики, практикуемые дарвинистами. „Малая польза приноситъ ли пользу или только вредъ“? Вѣдь антидарвинисты вовсе не говорятъ того, что мелкія индивидуальныя измѣненія и особенности могутъ быть, хотя и въ ничтожной степени, полезны для организмовъ въ борьбѣ за существованіе, и что онѣ не подлежатъ подбору вслѣдствіе ихъ *малой пользы*; они прямо и категорично заявляютъ, что, означенныя особенности, на первыхъ порахъ ихъ возникновенія, именно—вслѣдствіе ихъ микроскопичности, *совершенно бесполезны въ борьбѣ за существованіе*, а потому самому и не могутъ подлежать подбору. А ставя вопросъ именно такимъ образомъ, то есть: „малая польза приноситъ ли пользу или только вредъ“, почтенный авторъ какъ бы инсинуируетъ ту мысль, что антидарвинисты признаютъ мелкія индивидуальныя особенности полезными, хотя и въ малой степени, и—тѣмъ самымъ какъ бы ставитъ ихъ въ смѣшное положеніе, какъ людей, занимающихся смѣшнымъ трудомъ доказыванія бесполезности и даже вредности того, что ими самими признано полезнымъ, хотя и въ малой степени; а читателей вообще почтенный авторъ такой постановкой вопроса во всякомъ случаѣ сбиваетъ съ толку. Переходимъ къ отвѣту профессора на поставленный имъ въ такой

формѣ вопросъ. „Тотъ, кто согласится съ Данилевскимъ, что малая польза бесполезна или даже вредна, конечно, долженъ будетъ отказаться отъ дарвинизма... Что касается до меня, то я попытаюсь возражать, какъ сумѣю, противъ этого общаго положенія“ (стр. 246). Мы позволяемъ себѣ думать, что не стоило бы и „пытаться возражать“ противъ нелѣпаго положенія, котораго ни Данилевскій, ни другіе антидарвинисты, повторяемъ, не ставили, да и не могутъ ставить, потому что... ну, да просто потому, что вѣдь не также они въ самомъ дѣлѣ наивны, чтобы доказывать, что малая польза не есть польза, а вредъ, и при этомъ—надѣяться, что и читатели согласятся съ ними... Но что же, однако, возражаетъ профессоръ противъ „этого общаго положенія“? Всѣ его возраженія,—если не считать его разсужденій о томъ, что связано съ предположеніемъ существованія формы, являющейся „ни павой, ни вороной“, относительно которыхъ (разсужденій) мы уже выше сдѣлали наши замѣчанія,—въ сущности, сводятся къ тому, что все дѣло здѣсь въ борьбѣ за существованіе, что Данилевскій въ различныхъ случаяхъ невѣрно понялъ Дарвиново ученіе о ней, что если бы онъ понялъ его правильно, то понялъ бы и то, что „и песчинка, по выраженію Дарвина, можетъ склонить вѣсы жизни“ (стр. 246--256). Мы съ своей стороны скажемъ на это, что все дѣло здѣсь вовсе не въ борьбѣ за существованіе, что если бы Данилевскій (правильно, по нашему мнѣнію, понимавшій ученіе Дарвина о борьбѣ за существованіе) и совсѣмъ неправильно понялъ означенное ученіе, то это въ данномъ случаѣ было бы совершенно безразлично, такъ какъ тому, кто хочетъ доказать пользу для органическихъ существъ малыхъ индивидуальныхъ измѣненій, слѣдуетъ разсуждать не о борьбѣ за существованіе и естественномъ подборѣ самихъ въ себѣ, а объ ихъ отношеніи къ акту скрещиванія. Въ самомъ дѣлѣ, согласимся даже съ почтеннымъ профессоромъ, что мелкія, едва замѣтныя для глаза, а подчасъ и вовсе неуловимыя для наблюденія, индивидуальные особенности безусловно полезны для органическихъ существъ въ борьбѣ за существованіе: что же изъ этого слѣдуетъ?—Да ровно ничего. Вѣдь выше мы уже сказали и неопровержимыми фактами доказали, что поглощеніе чрезъ скрещиваніе меньшинства большинствомъ есть непреложный за-

конъ природы. Очевидно, что этотъ законъ есть сила не равнодѣйствующая естественному подбору, какъ думаетъ проф. Тимирязевъ, а превышающая его. Слѣдовательно, органическое существо, получивъ ту или иную особенность, выходитъ, такъ сказать, изъ подъ фѣрулы естественнаго подбора и подпадаетъ дѣйствию скрещиванія. А вѣдь это послѣднее не соображаетъ, полезны ли вредны особенности, приобрѣтенныя этимъ существомъ, и одинаково поглощаетъ какъ полезныя, такъ и вредныя. И спорить противъ этого, кажется, не приходится.

Критикуя книгу Данилевскаго, почтенный профессоръ мимоходомъ бросаетъ послѣднему упрекъ за то, что онъ не сказалъ ничего новаго, а собралъ только старыя, давно всѣмъ извѣстныя возраженія противъ дарвинизма. Этотъ упрекъ, конечно, совершенно неоснователенъ. Онъ былъ бы основателенъ только въ томъ случаѣ, если бы эти старыя возраженія противъ дарвинизма были устранены дарвинистами. Не ни отъ проф. Тимирязева и ни отъ кого другаго изъ дарвинистовъ мы не знаемъ о такихъ ученыхъ, которые устранили бы, дѣйствительно, эти возраженія, хотя многіе и пытались сдѣлать это. А пока означенныя возраженія не устранены, всякій непредубѣжденный человѣкъ скажетъ, что фигура естественнаго подбора не реальна, а фиктивна.

Н. Румянцевъ.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Января № 2. 1896 года.

Содержаніе. Опредѣленіе Святѣйшаго Синода. — Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи за 1894—95 учебный годъ (продолженіе). — Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища за 1894—95 учебный годъ (продолженіе). — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Отъ 10 января 1896 года за № 6 по Высочайшему Манифесту о Коронаваніи и Муропомазаніи Ихъ Императорскихъ Величествъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: вѣдѣніе Правительствующаго Сената, отъ 5 сего января за № 18, съ приложеніемъ состоявшагося въ 1 день сего же января Высочайшаго Его Императорскаго Величества Манифеста о долженствующемъ совершиться въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года Священномъ Коронаваніи и Муропомазаніи Ихъ Императорскихъ Величествъ. — П р и к а з а л и: Означенный Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ, для прочтенія онаго во всѣхъ соборныхъ, монастырскихъ, приходскихъ и прочихъ церквахъ Имперіи, напечатать въ № 2 «Церковныхъ Вѣдомостей».

Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи за 1894—95 учебный годъ.

(Продолженіе *).

2. Пособіе отъ монастырей.

На иждивеніи монастырей въ отчетномъ году состояли школы: а) въ с. Рясномъ, Ахтырскаго уѣзда; б) въ с. Голой Долинѣ, Изюмскаго уѣзда; в) школа при Куряжскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, и г) при Верхо-Харьковскомъ Николаевскомъ женскомъ монастырѣ. На содержаніе Ряснянской школы отъ Ряс-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 1, за 1896 г.

нянскаго Свято-Дмитріевскаго монастыря поступило—625 руб.; на содержаніе Голо-Долинской школы отъ Святогорской Успенской Пустыни поступило—628 руб., и Банно-Татиановской—500 руб., итого 1128 р.; и на содержаніе школы при Купянскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ—400 р. 60 к., въ томъ числѣ: 152 р., составляющіе $\frac{1}{10}$ на капиталъ въ 4000 р., пожертвованный дѣйств. ст. сов. Е. С. Гордѣнко. Расходъ по содержанію школы при Верхо-Харьковскомъ Николаевскомъ монастырѣ въ отчетѣ уѣзднаго отдѣленія не показанъ, за недоставленіемъ свѣдѣній по сему предмету отъ управленія монастыря. Церковно-приходская школа при Старобѣльскомъ Скорбященскомъ монастырѣ въ отчетное время получила денежное пособіе отъ сего монастыря въ количествѣ 100 р. Итого на содержаніе школъ при монастыряхъ епархіи израсходовано 2253 р. 60 коп.

3. Пособіе отъ церковно-приходскихъ попечительствъ.

Средствами церковно-приходскихъ попечительствъ пользовались нижеслѣдующія школы п въ такомъ размѣрѣ: а) Харьковская при Воскресенской церкви—227 р. 50 к.; б) Харьковская при Свято-Духовской церкви—120 р.; в) Золочевская при Николаевской церкви, Харьковскаго уѣзда,—90 р. 16 к.; г) Больше Даниловская того же уѣзда,—30 р. 50 к.; д) Веселовская, того же уѣзда,—30 р.; е) Липецкая, того же уѣзда,—15 р. 73 к.; ж) Непокрытнянская, того же уѣзда,—10 р.; з) Русско-Тишковская, того же уѣзда,—2 р.; и) Циркуновская того же уѣзда,—10 р.; і) Александровская, Богодуховскаго уѣзда,—80 р.; к) Ново-Водолажская въ Николаевскомъ приходѣ—234 р. 30 к.; л) Непопменованная школа Волчанскаго уѣзда—160 р. 16 к.; м) Изюмская, Кресто-Воздвиженская—30 р.; н) Ново-Глуховская, въ Троицкомъ приходѣ, Купянскаго уѣзда,—66 р. 15 к., и Боголюбовская—6 р.; о) Трехизбянская, Старобѣльскаго уѣзда,—216 р. 72 к.; п) Петропавловская—5 р.; и) Сумская при Николаевской церкви,—240 р. Всего отъ церковно-приходскихъ попечительствъ поступило—1574 р. 22 коп.

4. Пособіе отъ городскихъ думъ, земства, городскихъ учреждений, городскихъ и сельскихъ обществъ.

Въ отчетномъ году нѣкоторыя церковно-приходскія школы пользовались пособіями отъ нѣкоторыхъ учреждений и обществъ. По опредѣленію Харьковской Городской Думы единовременное пособіе получали школы города Харькова: Воскресенская—300 р. (посто-

линый взносъ), Александро-Невская—300 р. и Свисто-Духовская—50 р.; на содержаніе церковно-приходской школы при Харьковской мѣщанской богадѣльнѣ израсходовано изъ средствъ Харьковского мѣщанскаго общества—300 р. Въ пользу школъ Ахтырскаго уѣзда Ахтырскимъ земскимъ собраніемъ выдано—200 р., полагая на каждую школу по 25 р. По распоряженію Валковской городской думы израсходовано на отопленіе Валковской, при соборѣ, церковно-приходской школы—20 р. На нужды Волчанской, при соборѣ, церковно-приходской школы отъ Волчанской городской земской управы выдано въ единовременное пособіе по—200 р. На усиленіе матеріальныхъ средствъ школъ Зміевского уѣзда зміевскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ выдано—600 р., изъ этой суммы двадцать школъ получили 300 р. (по 15 р. каждая) и 300 р. израсходовано на содержаніе Андреевской двухклассной школы. Чугуевская городская дума выдала въ пользу школъ: при Покровской церкви—25 р., и Скорбященской церкви—125 р. Куинянская уѣздная земская управа въ отчетное время израсходовала 53 р. 35 к. на покупку учебныхъ книгъ и письменныхъ принадлежностей, для безмездной раздачи оныхъ нуждающимся школамъ грамоты въ уѣздѣ. По распоряженію Лебедискаго уѣзднаго земскаго собранія единовременное пособіе изъ средствъ онаго получили церковно-приходскія школы: Олышанская, при Архангело-Михаиловской церкви,—100 р., и Мартыновская—50 р. Отъ Сумской городской Думы на содержаніе церковно-приходскихъ школъ въ городѣ Сумахъ поступило—700 р., въ томъ числѣ:—200 р. въ пользу школы при Николаевской церкви и—500 р. на школу при Рождество-Богородичной церкви. Существующія въ заштатномъ городѣ Бѣлопольѣ, Сумскаго уѣзда, при всѣхъ пяти церквахъ школы за отчетный годъ получили отъ мѣстной думы денежное пособіе въ размѣрѣ—575 р. Такимъ образомъ, отъ городскихъ думъ и уѣздныхъ земствъ Харьковской губерніи на усиленіе матеріальныхъ средствъ церковныхъ школъ поступило—3798 р. 35 к. Отъ земствъ Харьковскаго, Богодуховскаго, Валковскаго, Изюмскаго, Старобѣльскаго и Сумскаго уѣздовъ въ отчетное время денежныхъ пособій мѣстнымъ церковнымъ школамъ не было.

Кромѣ поименованныхъ учрежденій матеріальныя нужды церковно-приходскимъ школамъ и вообще расходы по содержанію ихъ покрывали опредѣленными денежными взносами и иными матеріальными пособіями нѣкоторыя сельскія общества. Обществъ, которыя при пособіи натурою дѣлали опредѣленные денежные

взносы въ отчетное время было 103, а именно: Харьковскаго уѣзда: Основянское—50 р., Роганское—150 р., Больше Даниловское—85 р., Веселовское—15 р., Линецкое—4 р., Русско-Типковское—50 р., Деркачевское (Николаевского прихода)—50 руб., Черкасско-Типковское—50 р., Калачье-Лопанское—20 р.; Ахтырскаго уѣзда: Жпгайловское—25 р., Янково-Рогское—20 р., Краснопольское (Преображенскаго прихода)—100 р.; Богодуховскаго уѣзда: Луговское, Вольновской волости,—100 р. и Больше-Писаревское—300 р.; Валковскаго уѣзда: Ново-Водолажское—200 р., Старо-Мерчанское—100 р., Хотѣнское—33 р. 70 к., Просянское (Ново-Водолажскаго Преображенскаго прихода)—230 р., Княжанское—125 р., Черемушанское—100 р.; отъ непоименованныхъ сельскихъ обществъ Волчанскаго уѣзда—142 р. 50 к.; Зміевскаго уѣзда: Терновское—100 р., Константиновское—30 р., Каменно-Яругское—300 р., Введенское—120 р., Чугуевское—50 р., Асѣевское—120 р., Верхне-Бишкнское—120 р., Черваско-Бишкнское—120 р., Березькое (для двухъ мѣстныхъ школъ)—290 р., Булацеловское—90 р., Лозовеньковское—13 р. 43 к., Михайловское—1657 р., Нижне-Орельское (для двухъ школъ)—36 р., Шебелинское—1865 р., Раздолье-Родиновское—135 р., Балаклейское—11 р. 50 к., Высоко-Ярское—62 р., Борщевское—187 р. 15 коп., Лагерское—150 р., Лыманское (для двухъ школъ)—240 р., Гинѣевское—60 р., Шелудковское—30 р., Скринаевское—25 р., Масловское—17 р., Кочетковское—65 р., Боровское—30 р., Дудковское—90 р., Бурлейское—40 р., Гуляйпольское—75 р., Кисилевское—705 р., Мѣловатское—120 р., Отрадовское—120 р., Плесовское—120 р., Андреевское—1320 р., Волчье-Ярское—829 р.; Изюмскаго уѣзда: Мало-Комышевахское—140 р., Чистоводское—120 р., Еремовское—60 р., Знаменское—150 р., Барвенковское—100 руб., Криволиуцкое—65 р., Спѣваковское—16 руб. 95 к., Щуровское—22 р., Привольское—10 р., Яровское (въ х. Яровомъ)—23 руб., Гусаровское—60 р.; Кулянскаго уѣзда: Коломійчевское—20 р., Сенихское—30 р., Комаровское—2 р., Краснянское—50 р., Пустынское—30 р., Тарасовское—45 р., Сватово-Луцкое—100 р., Поповское—10 р.; Лебединскаго уѣзда: Ворожбянское—100 р., Даченковское—44 р., Сергѣевское—105 р., Александровское—50 р., Старобѣльскаго уѣзда: Нижне-Верхолуцкое—50 р., Маньковское—50 р., Сычевское—7 р. 15 к., Евсугское—10 р., Колядовское—7 р., Шпотинское—3 р., Ново-Астраханское на двѣ школы—20 р., Боровеньское—10 р., Нижне-Покровское—15 р., Байдовское—5 р., Цоло-

винянское 5 р., Донцовское—5 р., Марковское—10 р., Боровское—50 р., Кряковское—12 р., Трехизбянское—43 р.; Сумскаго уѣзда: Локнянское—100 р., Гребенниковское—75 р., Водолажское (Бѣловодскаго прихода)—217 р., Мало-Чернетчинское—50 р., Вировское—20 р., Ободское—120 р., Юнаковское для двухъ школъ—50 р., Пушкинское—282 р. 60 к., Басовское—50 р. Итого отъ сельскихъ обществъ поступило—13903 р. 98 к., а всего отъ городскихъ думъ, городскихъ учрежденій, земствъ, городскихъ и сельскихъ обществъ поступило 17702 руб. 33 коп. (болѣе противъ прошлаго учебнаго года на 8949 р. 40 к.). Кромѣ повнесенныхъ 103 обществъ другія 255 припимали на себя заботу по отопленію освѣщенію, по найму прислуги и нѣкоторому благоустройству школьныхъ зданій. По даннымъ, имѣющимся въ Совѣтѣ, всѣхъ сельскихъ обществъ, которыя посильно содѣйствовали метеріальному обезпеченію церковно-приходскихъ школъ было 359.

(Продолженіе будетъ).

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18⁹⁴/₉₅ уч. годъ.

(Продолженіе *).

е) Число переведенныхъ изъ класса въ классъ, число окончившихъ курсъ съ аттестатомъ, число оставленныхъ на повторительный курсъ и число выбывшихъ изъ Училища по разнымъ причинамъ.

Къ началу учебнаго года состояло воспитанницъ: въ приготовительномъ классѣ—47, въ I нормальномъ классѣ—45, въ I параллельномъ классѣ—44, во II нормальномъ классѣ—42, во II параллельномъ классѣ—47, въ III нормальномъ классѣ—50, въ III параллельномъ классѣ—50, въ IV нормальномъ классѣ—44, въ IV параллельномъ классѣ—47, въ V нормальномъ классѣ—38, въ V параллельномъ классѣ—34, въ VI классѣ—39; итого 527 воспитанницъ.

Выбыло среди учебнаго года изъ приготовительнаго класса—5 воспитанницъ, изъ I параллельнаго класса—1, изъ II параллельнаго класса—2, изъ III нормальнаго класса—2, изъ III параллельнаго класса—1, изъ IV параллельнаго класса—1; итого 12 воспитанницъ.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1896 г. № 1.

Принято вновь среди учебного года: въ подготовительный классъ—1 воспитанница, въ I параллельный классъ—1, въ V нормальный классъ—1; итого 3 воспитанницы.

Оставалось по спискамъ ко времени экзаменовъ: въ подготовительномъ классѣ—43 воспитанницы, въ I нормальномъ классѣ—45, въ I параллельномъ классѣ—44, во II нормальномъ классѣ—42, во II параллельномъ классѣ—45, въ III нормальномъ классѣ—48, въ III параллельномъ классѣ—49, въ IV нормальномъ классѣ—44, въ IV параллельномъ классѣ—46, въ V нормальномъ классѣ—39, въ V параллельномъ классѣ—34, въ VI классѣ—39; итого 518 воспитанницъ.

Держали годовой экзаменъ: въ подготовительномъ классѣ—42, въ I нормальномъ классѣ—45, въ I параллельномъ классѣ—44, во II нормальномъ классѣ—41, во II параллельномъ классѣ—44, въ III нормальномъ классѣ—47, въ III параллельномъ классѣ—48, въ IV нормальномъ классѣ—42, въ IV параллельномъ классѣ—45, въ V нормальномъ классѣ—36, въ V параллельномъ классѣ—34, въ VI классѣ—38; итого 506 воспитанницъ.

Не держали экзамена: въ подготовительномъ классѣ—1 воспитанница (по болѣзни), во II нормальномъ классѣ—1 (по просьбѣ родителей), во II параллельномъ классѣ—1 (по неявкѣ въ Училищѣ), въ III нормальномъ классѣ—1 (по неявкѣ въ Училищѣ), въ III параллельномъ классѣ—1 (по просьбѣ родителей), въ IV нормальномъ классѣ—2 (по неявкѣ въ Училище), въ IV нормальномъ классѣ—2 (по неявкѣ въ Училище) въ IV параллельномъ классѣ—1 (по просьбѣ родителей), въ V нормальномъ классѣ—3 (одна по болѣзни и двѣ по просьбѣ родителей), въ VI классѣ—1 (по болѣзни); итого 12 (четыре по болѣзни, пять по просьбѣ родителей и три по неявкѣ въ Училище).

Переведены въ слѣдующіе классы: изъ подготовительнаго въ I классъ—40 воспитанницъ, изъ I нормальнаго во II нормальный—41, изъ I параллельнаго во II параллельный—39, изъ II нормальнаго въ III нормальный—37, изъ II параллельнаго въ III параллельный—40, изъ III нормальнаго въ IV нормальный—41, изъ III параллельнаго въ IV параллельный—46, изъ IV нормальнаго въ V нормальный—32, изъ IV параллельнаго въ V параллельный—34, изъ V нормальнаго въ VI нормальный—35, въ томъ числѣ 1 безъ экзамена по резолюціи Его Высокопреосвященства, изъ V параллельнаго въ VI параллельный—29; итого 414 воспитанницъ.

Оставлены въ тѣхъ же классахъ на повторительный курсъ: въ

приготовительномъ классѣ—2, одна по малоуспѣшности и одна по болѣзни; въ I нормальномъ классѣ—3, по малоуспѣшности; въ I параллельномъ классѣ—5, по малоуспѣшности; во II нормальномъ классѣ—4, три по малоуспѣшности и одна по просьбѣ родителей; во II параллельномъ классѣ—4, одна по просьбѣ родителей и три по малоуспѣшности; въ III нормальномъ классѣ—6, по малоуспѣшности; въ III параллельномъ классѣ—2, по малоуспѣшности; въ IV нормальномъ классѣ—12, десять по малоуспѣшности и двѣ по просьбамъ родителей; въ IV параллельномъ классѣ—11, девять по малоуспѣшности и двѣ по просьбамъ родителей; въ V нормальномъ классѣ—4, три по просьбамъ родителей и одна по малоуспѣшности; въ V параллельномъ классѣ—4, по малоуспѣшности; въ VI классѣ—1, по болѣзни; итого 58 воспитанницъ.

Окончили курсъ съ аттестатами 38 воспитанницъ.

Уволены изъ училища послѣ годовыхъ экзаменовъ и переэкзаменовокъ: изъ подготовительнаго класса—1 воспитанница, по малоуспѣшности; изъ I нормальнаго класса—1, по малоуспѣшности; изъ II нормальнаго класса—1, по малоуспѣшности; изъ II параллельнаго класса—1, за долговременную неявку въ училище безъ объясненія причины; изъ III нормальнаго класса—1, за долговременную неявку въ училище безъ объясненія причины; изъ III параллельнаго класса—1, по просьбѣ родителей; изъ IV параллельнаго класса—1, по просьбѣ отца; изъ V параллельнаго класса—1, за неявку къ переэкзаменовкѣ безъ объясненія причины; итого 8 воспитанницъ.

Такимъ образомъ къ началу 18^{95/96} учебнаго года въ училищѣ числилось 472 воспитанницы. Въ августѣ 1895 года вновь принято 65 дѣвицъ, именно: въ подготовительный классъ—48 дѣвицъ, въ I-й классъ 3 дѣвицы, во II-й классъ 5 дѣвицъ, въ III-й классъ 4 дѣвицы, въ IV-й классъ 2 дѣвицы и въ V-й классъ 3 дѣвицы. Изъ переведенныхъ въ слѣдующіе классы 1 воспитанница (II-го параллельнаго класса) умерла во время каникулъ. Вслѣдствіе всего этого 18^{95/96} учебный годъ начался при 536 воспитанницахъ, которыя по классамъ распределены были такъ: въ подготовительномъ классѣ 50 воспитанницъ, въ I классѣ 51 воспитанница, во II нормальномъ классѣ 46 воспитанницъ, во II параллельномъ классѣ 46 воспитанницъ, въ III нормальномъ классѣ 44 воспитанницы, въ III параллельномъ классѣ 45 воспитанницъ, въ IV нормальномъ классѣ 55 воспитанницъ, въ IV параллельномъ

классѣ 57 воспитанницъ, въ V нормальномъ классѣ 39 воспитанницъ, въ V параллельномъ классѣ 38 воспитанницъ, въ VI нормальномъ классѣ 36 воспитанницъ, и въ VI параллельномъ классѣ 29 воспитанницъ.

ж) *Общая свѣдѣнія объ успѣхахъ, поведеніи и состояніи здоровья воспитанницъ.*

1) *Успѣхи воспитанницъ* въ отчетномъ году наглядно изображаются въ нижеслѣдующей таблицѣ, показывающей аа) число и процентное отношеніе воспитанницъ каждаго класса, получившихъ баллы 5, 4, 3 и 2 по всѣмъ предметамъ вмѣстѣ и бб) средній баллъ цѣлаго класса по всѣмъ предметамъ вмѣстѣ.

Въ каждомъ классѣ показаны только тѣ воспитанницы, которыя держали экзаменъ по всѣмъ предметамъ.

Приготовительный классъ (42 воспитанницы).

Баллъ 5	получили	27	воспитанницъ,	или	$64^{12}/42^0/0$
— 4	—	8	—	—	$19^2/42^0/0$
— 3	—	7	—	—	$16^{28}/42^0/0$
Средній баллъ всего класса . . .					4,47.

I нормальный классъ (45 воспитанницъ).

Баллъ 5	получили	15	воспитанницъ,	или	$33^{15}/45^0/0$
— 4	—	22	—	—	$48^{40}/45^0/0$
— 3	—	8	—	—	$17^{35}/45^0/0$
Средній баллъ всего класса . . .					4,15.

I параллельный классъ (44 воспитанницы).

Баллъ 5	получили	14	воспитанницъ,	или	$31^{86}/44^0/0$
— 4	—	26	—	—	$59^4/44^0/0$
— 3	—	4	—	—	$9^4/44^0/0$
Средній баллъ всего класса . . .					4,22.

II нормальный классъ (41 воспитанница).

Баллъ 5	получили	14	воспитанницъ,	или	$34^6/41^0/0$
— 4	—	22	—	—	$53^{27}/41^0/0$
— 3	—	5	—	—	$12^8/41^0/0$
Средній баллъ всего класса . . .					4,21.

II параллельный классъ (44 воспитанницы).

Баллъ 5	получили	9	воспитанницъ,	или	$20^{20}/44^0/0$
— 4	—	28	—	—	$63^{26}/44^0/0$
— 3	—	7	—	—	$15^{40}/44^0/0$
Средній баллъ всего класса . . .					4,04.

III нормальный классъ (47 воспитанницъ).

Балль 5	получили	10	воспитанницъ,	или	$21^{13}/_{47}$	$0/0$.
— 4	—	21	—	—	$44^{32}/_{47}$	$0/0$.
— 3	—	16	—	—	$34^2/_{47}$	$0/0$.
Средній балль всего класса						3,87.

III параллельный классъ (48 воспитанницъ).

Балль 5	получили	8	воспитанницъ	или	$16^{32}/_{48}$	$0/0$.
— 4	—	31	—	—	$64^{28}/_{48}$	$0/0$.
— 3	—	9	—	—	$18^{36}/_{48}$	$0/0$.
Средній балль всего класса						3,97

IV нормальный классъ (42 воспитанницы).

Балль 5	получили	7	воспитанницъ,	или	$16^{28}/_{42}$	$0/0$.
— 4	—	13	—	—	$30^{40}/_{42}$	$0/0$.
— 3	—	21	—	—	$50^0/0$.	
— 2	—	1	—	—	$2^{16}/_{42}$	$0/0$.
Средній балль всего класса						3,64.

IV параллельный классъ (45 воспитанницъ).

Балль 5	получили	5	воспитанницъ,	или	$11^5/_{45}$	$0/0$.
— 4	—	17	—	—	$37^{35}/_{45}$	$0/0$.
— 3	—	22	—	—	$48^{40}/_{45}$	$0/0$.
— 2	—	1	—	—	$2^{10}/_{45}$	$0/0$.
Средній балль всего класса						3,57.

V нормальный классъ (36 воспитанницъ).

Балль 5	получили	12	воспитанницъ,	или	$33^{12}/_{36}$	$0/0$.
— 4	—	16	—	—	$44^{16}/_{36}$	$0/0$.
— 3	—	8	—	—	$22^8/_{36}$	$0/0$.
Средній балль всего класса						4,11.

V параллельный классъ (34 воспитанницы).

Балль 5	получили	6	воспитанницъ,	или	$17^{22}/_{34}$	$0/0$.
— 4	—	19	—	—	$55^{30}/_{34}$	$0/0$.
— 3	—	9	—	—	$26^{16}/_{34}$	$0/0$.
Средній балль всего класса						3,91.

VI-й классъ (38 воспитанницъ).

Балль 5	получили	15	воспитанницъ,	или	$39^{18}/_{38}$	$0/0$.
— 4	—	16	—	—	$42^4/_{38}$	$0/0$.
— 3	—	7	—	—	$18^{16}/_{38}$	$0/0$.
Средній балль всего класса						4,11.

2) *Въ поведеніи воспитанницъ* въ отчетномъ году не замѣчено было никакихъ проступковъ въ дисциплинарномъ или нравственномъ отношеніи, а потому всѣ онѣ, за исключеніемъ трехъ, получившихъ по поведенію годовой баллъ 4, отмѣчены баломъ 5 (отлично).

3) *Для здоровья воспитанницъ* отчетный годъ въ общемъ былъ довольно благопріятенъ. Хотя случаевъ заболѣванія было много, именно 450, или около 85¹/₂ % общаго числа воспитанницъ, но большая часть ихъ относится къ болѣзнямъ легкаго характера, каковы: лихорадка (93 случая), жаба (82 случая) и др. Тяжкими и заразными болѣзнями страдали только немногія воспитанницы, именно: брюшнымъ тифомъ 3 воспитанницы, дифтеритомъ 3 воспитанницы, скарлатиною 6 воспитанницъ, коклюшемъ 5 воспитанницъ, воспаленіемъ подреберной плевры 1 воспитанница, вѣтреной оспою, 10 воспитанницъ, трахомою 6 воспитанницъ. Благодаря строгому изолированію этихъ больныхъ, тщательному леченію и внимательному уходу, указанные болѣзни и не распространились въ Училищѣ, и всѣ имѣли благопріятный исходъ; хотя самое число и разнообразіе этихъ болѣзней въ теченіе всего учебнаго года держали училищное начальство въ большомъ страхѣ и причинили многозаботъ. Въ особенности встревоженъ былъ Совѣтъ Училища появленіемъ въ средѣ воспитанницъ въ началѣ года трахомы, занесенной нѣкоторыми изъ нихъ изъ домовъ родителей послѣ каникулъ. Крайне заразительный характеръ этой болѣзни, опасной въ особенности при многолюдствѣ и скученности живущихъ въ училищѣ дѣтей, угрожалъ Училищу большимъ бѣдствіемъ, отъ котораго оно было спасено энергіею и искусствомъ профессора офталмологіи въ Харьковскомъ университетѣ, Л. Л. Гиришмана. Уважаемый профессоръ съ самаго почти начала своей службы въ Харьковѣ безвозмездно лечилъ всѣхъ воспитанницъ училища, болѣвшихъ глазами, съ полною готовностію являлся въ Училище, когда Совѣтъ приглашалъ его для того, чтобы отъ него, какъ пользующагося заслуженнымъ авторитетомъ и извѣстностію въ своей отрасли медицинской науки, получить надлежащія указанія по вопросамъ, касавшимся его специальности. Такъ, по его непосредственнымъ указаніямъ распределены керосиновыя лампы въ занятыхъ воспитанницъ; его же указаніями пользовался Совѣтъ, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ думалъ было ввести, вмѣсто керосинового, электрическое освѣщеніе. И теперь, когда къ уважаемому профессору являлись воспитанницы, больныя трахомою, онъ отнесся къ этому

факту съ особенною заботливостію и вниманіемъ: приказалъ больнымъ трахомою приходить къ нему ежедневно, (и онѣ ходили въ теченіе почти всего учебнаго года), указалъ мѣры, которыя должны быть приняты для пресѣченія заразы, изъявилъ даже желаніе, въ случаѣ необходимости, осмотрѣть глаза всѣхъ 522 воспитанницъ. Благодаря такой энергіи г. профессора, и заболѣвшія трахомою всѣ выздоровѣли, и болѣзнь эта ограничилась только тѣми дѣвками, которыя и завезли ее въ Училище.—Смертный случай между воспитанницами былъ только одинъ, и при томъ не въ Училищѣ, а на капикулахъ, въ домѣ родителей, гдѣ началась и самая болѣзнь скончавшейся.

в) Число уроковъ, пропущенныхъ въ отчетномъ году преподавателями училища.

Законоучителемъ, протоіереемъ *Никандромъ Ошикевичемъ* (17 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Помощникомъ законоучителя священникомъ *Николаемъ Борисоглыбскимъ* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 26 уроковъ, 10 по обязанностямъ священника и 16 по болѣзни. Помощникомъ законоучителя, протоіереемъ *Георгіемъ Волобуевымъ* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущенъ 21 урокъ, 15 по обязанностямъ священника и 6 по обязанностямъ училищнаго казначея. Помощникомъ законоучителя, священникомъ *Павломъ Тимошеевымъ* (3 урока въ недѣлю) пропущено 6 уроковъ, по обязанностямъ священника. Преподавателемъ русскаго языка, *М. В. Доброправовымъ* (11 уроковъ въ недѣлю) пропущено 2 урока по болѣзни. Преподавателемъ русскаго языка *М. А. Кокоревымъ* (18 уроковъ въ недѣлю) пропущено 19 уроковъ по болѣзни. Преподавателемъ русскаго языка *Н. В. Гогинымъ* (11 уроковъ въ недѣлю) пропущенъ 1 урокъ по болѣзни. Преподавателемъ математики и физики *Я. М. Колосовскимъ* (21 урокъ въ недѣлю) пропущено 45 уроковъ, 19 по болѣзни и 26 по семейнымъ обстоятельствамъ. Преподавателемъ математики и физики *В. Н. Мощенковымъ* (17 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ географіи, священникомъ *Андреемъ Балановскимъ* (8 уроковъ въ недѣлю) пропущено 14 уроковъ, 6 по болѣзни и 8 по обязанностямъ священника. Преподавателемъ географіи и исторіи *Е. Г. Трифилевымъ* (14 уроковъ въ недѣлю) пропущено 13 уроковъ, по болѣзни. Преподавателемъ исторіи *А. Ѳ. Вертеловскимъ* (7 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ дидактики *Н. Н. Страховымъ* (4 урока

въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Учителемъ церковнаго пѣнія *И. В. Петровскимъ* (22 урока въ недѣлю) пропущено 9 уроковъ по обязанностямъ службы въ Харьковскомъ Благотворительномъ Обществѣ. Учителемъ чистописанія, *Д. О. Ланевскимъ* (18 уроковъ въ недѣлю), пропущено 8 уроковъ, но домашнимъ обстоятельствамъ. Учительницею арифметики и географіи, *В. А. О'Конноръ* (12 уроковъ въ недѣлю), пропущено 10 уроковъ, по болѣзни. Учительницею географіи, *Л. Е. Дьяковою* (4 урока въ недѣлю) не пропущено ни одного. Учительницею чистописанія, *А. В. Яновскою*, (2 урока въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Учительницею чистописанія, *М. Я. Павловою* (2 урока въ недѣлю), не пропущено ни одного урока. Учительницею приготовительнаго класса, *Т. А. Щелкуновою* (15 уроковъ въ недѣлю) пропущено 2 урока по болѣзни.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Троицкой церкви сл. Крючковъ, Изюмскаго уѣзда, Антоній *Черняевъ*, за отапно усердную и ревностную службу награжденъ бархатною фіолетовою скуфіею.

— Определеніемъ Харьковскаго Епархіальнаго Начальства 30 декабря 1895 г. и 17 января 1896 г. священники церквей: Дмитріевской сл. Ряснаго, Ахтырскаго уѣзда, Адрианъ *Мухинъ* и Пророко-Ильинской сл. Березовой, Харьковскаго уѣзда, Георгій *Палтавецъ*, перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

— Діаконъ сл. Стецковки, Сумскаго уѣзда, Николай *Юшковъ*, согласно просьбѣ его, перемѣщенъ къ Николаевской церкви сл. Николаевки, Изюмскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Георгіевской церкви сл. Барвенковой, Изюмскаго уѣзда, Евгений *Линтикій*, определенъ на штатное діаконское мѣсто къ Александроневской церкви сл. Александровки, того же уѣзда, а на его мѣсто въ сл. Барвенково перемѣщенъ псаломщикъ сл. Мироновки, Харьковскаго уѣзда, Евгений *Кунцынъ*, согласно прошенію его.

— Псаломщикъ Николаевской церкви сл. Дробышевой, Изюмскаго уѣзда, Софроній *Монинъ*, определенъ діаконъ къ Троицкой церкви сл. Кривой Луки, того же уѣзда, а на его мѣсто определенъ псаломщикомъ сынъ псаломщика Дмитрій *Посовъ*.

— Псаломщикъ—діаконъ Иоанно-Предтечевской церкви сл. Пашковки, Изюмскаго уѣзда, Алексій *Понировскій*, волею Божіею, умеръ, а на его мѣсто определенъ псаломщикомъ безмѣстный діаконъ, Георгій *Улиновъ*.

— И. д. псаломщика Рождество-Богородичной церкви сл. Кальченкова, Сумскаго уѣзда, Михаилъ *Бородаевскій*, утвержденъ въ должности штатнаго псаломщика означенной церкви.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Казанской церкви с. Чупаховки, Лебединскаго уѣзда, крест. Сергѣй *Ярыско* и Всѣхсвятской церкви с. Вирей, Сумскаго уѣзда, крест. Родіонъ *Куценко*.

ИЗВѢСТІА И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Коронаваніе русскихъ государей.—Къ вопросу о матеріальномъ обезпеченіи духовенства.—Братскія собранія военнаго духовенства.—Любовь народа къ просвѣщенію.—Завершеніе организаціи церковно-приходской школы.—Кочующія школы.—Происхожденіе англичанъ.

Въ виду предстоящаго св. торжества Коронаванія, съ особеннымъ интересомъ читается статья г. Георгіевскаго въ «Рус. Обоз.»: „Коронаваніе русскихъ государей“. Собственно тотъ чинъ Коронаванія, который существуетъ въ настоящее время, сложился окончательно не очень давно. Съ началомъ XVIII вѣка, пишетъ авторъ, въ исторіи коронаціоннаго чина наступаетъ новый и послѣдній періодъ его окончательнаго образованія въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ совершается въ настоящее время. Не коснувшись существенныхъ и основныхъ частей чина, этотъ періодъ измѣнилъ почти всю его внѣшнюю обстановку. Измѣненію подвергся, прежде всего, самый церковный чинъ коронаванія. Въ него внесены были нѣкоторыя новыя подробности, благодаря которымъ онъ принялъ цѣлый видъ особаго молебнаго пѣнія. Молебенъ и коронаваніе соединены были вмѣстѣ въ одно священнодѣйствіе, вслѣдствіе чего самое чинопослѣдованіе получило новый видъ особаго молебнаго пѣнія. Въ составъ его необходимо должны были войти и вошли нѣкоторыя дополненія, какъ-то: ектенія, тропарь, паремія изъ пророковъ и чтенія изъ Апостола и Евангелія. Древнія молитвы вѣнчанія остались неприкосновенными въ чинѣ, но къ нимъ прибавлены еще двѣ, изъ которыхъ одну сталъ колѣнопреклоненно произносить самъ вѣнчанный государь, а другую—священнодѣйствующій іерархъ. Вмѣстѣ съ составомъ чина коронаванія измѣнилась и вся его внѣшняя обстановка. Древнія царскія облаченія уступили свое мѣсто новымъ, прежнія боярская свита замѣнена новыми военными и придворными чинами, нѣкоторые старые обряды совсѣмъ отмѣнены. Такъ, шапка царская замѣнена европейскою короной, древняя царская одежда, бармы и цѣпь животворящаго креста замѣнены порфирой съ цѣпью ордена Св. Апостола Андрея Перво-

званнаго, бояре и дьяки уступили мѣсто генераламъ и другимъ новымъ чинамъ, осыпаніе золотыми монетами совсѣмъ отмѣнено, и т. п. По мнѣнію автора, причиной такой реформы коронаціоннаго чина было принятіе московскимъ царемъ императорскаго титула и перенесеніе на Русь западно-европейскихъ порядковъ и обычаевъ. Высокое значеніе новаго титула, пышность и блескъ императорскаго двора требовали соответственныхъ измѣненій во всемъ обиходѣ царскаго дома, между прочимъ и въ чинѣ коронованія императора. Но самъ виновникъ новаго теченія русской жизни, императоръ Петръ I, уже былъ вѣнчанъ на царство. Однако же онъ самъ совершилъ первое коронованіе по новому чину, вѣнчавъ императорскою короной свою супругу императрицу Екатерину I. Самое коронованіе императрицы было тогда новостью: намѣреніе императора являлось необычнымъ для того времени. На Руси никогда еще ни одна царица не была коронована. Свое намѣреніе Петръ основывалъ на примѣрахъ многихъ православныхъ царей греческихъ, которые имѣли обыкновеніе короновать императрицъ, а также на постоянныхъ трудахъ императрицы на пользу отечества, на ея помощи въ дѣлахъ государственныхъ и самоотверженіи „во многихъ военныхъ дѣйствахъ, а наипаче въ Прутской баталіи съ Турки“. Такимъ образомъ въ вѣнчаніи на царство императоръ Петръ Великій лишь возвратился къ первообразу, давшему самодержавный принципъ нашему отечеству.

— Въ столичной печати затронуть въ послѣднее время очень важный вопросъ—о матеріальной необезпеченности нашего сельскаго духовенства, отчего не только роняется значеніе его въ глазахъ народа, но и страдаютъ духовно-нравственные интересы и потребности послѣдняго. Такъ, «Рус. Сл.» пишетъ: „У русскаго человѣка просто сердце обливается кровью, когда, проѣзжая по какой-либо изъ центральныхъ русскихъ губерній, ему приходится видѣть православнаго священника, машущаго поле и изнывающаго подъ тяжестью непосильнаго труда. Заѣзжайте въ домъ такого священника-пахаря и вы глазамъ своимъ не повѣрите, что это жилище православнаго священника въ Россіи, пастыря Церкви, ближайшаго учителя народа, духовно-православнаго просвѣтителя его. И самое жилище, и обстановка его, и домашняя жизнь—этого не говорятъ. Любой крестьянинъ средней руки живетъ въ центральной Россіи лучше, чѣмъ православный священникъ, который въ лѣтнее время и дома-то почти не бываетъ, проводя весь день въ полѣ за тяжелою работою подъ палящими лучами солнца. Словомъ, духовенство наше въ

центральныхъ губерніяхъ прямо бѣдствуетъ и этому нечего даже удивляться, такъ какъ только въ послѣдніе три года начался отпускъ суммъ на содержаніе ему; до 1893 года въ однѣхъ епархіяхъ сельское духовенство если и получало что-нибудь отъ казны, то не болѣе того, что получаетъ каждый сторожъ въ волостномъ правленіи, въ пятнадцати же центральныхъ и южныхъ епархіяхъ (Московской, Владимирской, Ярославской, Вятской, Рязанской, Тверской, Тульской, Тамбовской, Пензенской, Нижегородской, Симбирской, Орловской, Курской, Донской и Бессарабской) не получало никакого содержанія отъ казны и вынуждено поэтому было существовать личнымъ трудомъ и добродетельными подаяніями прихожанъ, въ большинствѣ случаевъ крайне скудными, какъ скудны вообще достатки народа. Только на окраинахъ, въ губерніяхъ Прибалтійскаго, Западнаго и Привислянскаго краевъ православное духовенство получаетъ въ общемъ довольно сносное содержаніе отъ казны. Положеніе, конечно, ненормальное, мало того, унижительное для духовенства и обидное для религіознаго народнаго чувства... Благодаря заботамъ почившаго Государя, положено начало обезпеченія быта нашего духовенства, и слѣдуетъ только пожелать, чтобы желанный конецъ не далеко отстѣялъ отъ этого добраго начала. Матеріальное обезпеченіе духовенства подниметъ въ немъ энергію и усилитъ просвѣтительную дѣятельность его на пользу народную и государственную. Никогда не слѣдуетъ забывать, что только подъ водительствомъ пастырей Церкви народъ русскій можетъ правильно и успѣшно идти по предназначанному ему Провидѣніемъ пути къ своему міровому назначенію“.

Касаясь того же вопроса въ особой статьѣ, «Моск. Вѣд.» категорически заявляютъ, что давно бы пора сознать, что просвѣщеніе народной массы возможно лишь однимъ путемъ—путемъ религіозно-нравственнаго воспитанія ея подростяющаго поколѣнія и постояннаго, непрерывнаго и ближайшаго воздѣйствія Церкви и ея пастырей на духовную жизнь народа. Грамотность, продолжаетъ названная газета, не можетъ быть сама по себѣ цѣлью обученія, а составляетъ лишь средство и при томъ средство не для познанія наукъ, недоступныхъ народной массѣ по матеріальнымъ условіямъ ея быта, а средство для развитія вѣры и любви, которыя всегда были живы и дѣятельны въ народѣ; поэтому начальное народное обученіе есть отрасль дѣла церковнаго, которую нельзя выдѣлать изъ прямаго и непосредственнаго вѣдѣнія церковной іерархіи, и забота о матеріальномъ обезпеченіи и подъемѣ нравственнаго и умственнаго уровня

приходскаго духовенства должна быть разсматриваема какъ первѣйшая и настоятельнѣйшая нужда народнаго образованія. По мнѣнію газеты, настоятельная необходимость улучшить матеріальное положеніе духовенства, въ особенности сельскаго, настолько очевидна, что принципиальные противники какихъ бы то ни было взаимоотношеній между церковью и государствомъ, охотно дошедшіе бы до ихъ полнаго разъединенія, прибѣгаютъ къ явно-несостоятельнымъ доводамъ противъ ассигнованія государственныхъ средствъ на улучшеніе быта духовенства. Они увѣряютъ, что казенное содержаніе подорветъ связь священнослужителей съ приходомъ, что священникъ, матеріально болѣе или менѣе независимый отъ своихъ прихожанъ, превратится въ своего рода чиновника, далекаго отъ жизненныхъ матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ своихъ прихожанъ и относящагося къ своимъ обязанностямъ формально и бездушно. Прежде всего, замѣчаетъ газета, представляется нѣсколько страшнымъ, что такіе доводы примѣняются исключительно лишь къ служителямъ церкви: вѣдь въ положеніи, имѣющемъ съ ними много общаго, находятся въ отношеніи населенія и нѣкоторые другіе дѣятели. Возьмите, напримѣръ, земскаго участковаго врача или школьнаго учителя; вѣдь нельзя отрицать, что для успѣшности ихъ дѣятельности между ними и населеніемъ также необходима и духовная и матеріальная связь, однако никому не приходитъ въ голову для подкрѣпленія этой связи лишить врачей и учителей содержанія. Кромѣ того, никто не предлагаетъ совершенно лишить причты сборовъ съ прихода, и вопросъ идетъ лишь объ обеспеченіи сельскому духовенству того мнѣннума содержанія, при отсутствіи котораго священнослужители могутъ терять нужду и бѣдность, лишаящія ихъ времени и силъ для пастырской и проповѣднической дѣятельности. Наконецъ, опытъ какъ нашихъ окрестностей—напримѣръ, епархій Литовской, Рижской и Холмско-Варшавской,—въ которыхъ православные священники получаютъ до 1.500 руб. въ годъ, такъ и другихъ странъ, показываетъ, что прочный и въ извѣстной мѣрѣ независимый матеріальный бытъ духовенства составляетъ необходимую основу его плодотворной просвѣтительной дѣятельности.

— Братскія собранія военнаго и морскаго духовенства, устроенныя въ Петербургѣ протопресвитеромъ А. А. Желобовскимъ и здѣсь упрочившіяся, какъ учрежденіе полезнѣйшее для церкви и духовенства, временно устроятся и въ другихъ мѣстахъ, при должностныхъ поѣздкахъ о. протопресвитера по Россіи. Во время

послѣдняго его путешествія такія собранія были въ Брестъ-Литовскѣ и въ Варшавѣ, и на этихъ собраніяхъ происходили сужденія о многихъ предметахъ первостепенной важности. Въ Брестъ-Литовскѣ, какъ пишетъ самъ о. протопресвитеръ въ «Вѣст. Воен. Дух.», мѣстные условія служебной пастырской дѣятельности выдвинули вопросы: 1) О неправославныхъ именахъ, которыя при крещеніи, или при присоединеніи къ православной церкви лицъ р.-католическаго исповѣданія, даютъ православные священники: обычай несогласный съ постановленіями нашей церкви, но закрѣпленный временемъ и поддерживаемый существующими примѣрами. Родители и воспріемники (крещаемыхъ и присоединяемыхъ) въ данныхъ случаяхъ употребляютъ и усердныя просьбы и горькія слезы, чѣмъ поставляютъ совершителей таинства въ затруднительное положеніе. Нѣкоторые изъ священниковъ, или по не опытности, или по мягкости характера, или по особеннымъ не твердымъ взглядамъ на это дѣло, допускаютъ уклоненія отъ правилъ церкви: уступчивость неизвинительная. 2) О служеніи панихидъ по умершимъ р.-католикамъ и лютеранамъ, когда просьба объ этомъ исходитъ отъ лицъ православнаго исповѣданія, родственниковъ или товарищей умершаго. Вопросъ, давно назрѣвшій и достойный глубокаго вниманія и полнаго разъясненія, тѣмъ болѣе, что на практикѣ рѣшается онѣ разными лицами совершенно неодинаково. Въ дѣлѣ религіи всегда и во всемъ должна быть полная устойчивость. 3) Воспитаніе дѣтей, особенно дочерей военныхъ пастырей, въ духѣ православной церкви: чтобы во всѣ воскресные и праздничные дни неопустительно ходили къ службамъ церковнымъ, принимали участіе въ пѣніи церковномъ, истово—но православному творили крестное знаменіе, соблюдали установленные посты. Любовь къ православной церкви особенно должна обитать въ семьѣ пастыря православнаго, окруженнаго иновѣрцами и разновѣрцами. Прискорбно замѣчать, какъ р.-католическіе взгляды на обряды и постановленія православной церкви проникаютъ въ жизнь семействъ, стоящихъ особенно близко къ интересамъ православія. На братскомъ собраніи духовенства въ Варшавѣ, на которомъ присутствовало до 35 священниковъ, говорили: о необходимости каждому полку въ краѣ имѣть полковую церковь; о пользѣ перенесенія времени говѣнія нижнихъ чиновъ съ великаго поста на рождественскій; о воспитаніи дѣтей священно-служительскихъ въ духѣ православія и строгомъ соблюденіи уставовъ и постановленій церковныхъ; объ особенной осторожности, въ словахъ и дѣлахъ, которую православ-

ный священникъ долженъ наблюдать, при неизбѣжныхъ, въ тамошнемъ краѣ, столкновеніяхъ съ пновѣрцами и разновѣрцами.

— О жаждѣ духовнаго назиданія, наблюдаемой въ народѣ, особенно часто свидѣтельствуютъ нами миссіонеры, трудящіеся среди сектатовъ и раскольниковъ. Пензенскій епархіальный миссіонеръ, священникъ К. Поновъ, въ отчетѣ о своей миссіонерской поѣздкѣ прошлымъ лѣтомъ, описывая одну изъ бесѣдъ съ раскольниковымъ попомъ въ вагонѣ желѣзной дороги о епископахъ въ христіанской церкви, замѣчаетъ, что за этой бесѣдой съ интересомъ слѣдили всѣ пассажиры вагона. И такихъ бесѣдъ, во время пути было много. На казанской желѣзной дорогѣ, пишетъ о. миссіонеръ, мнѣ попался молоканинъ тамбовской губ. Такъ какъ бесѣда съ нимъ заинтересовала пассажировъ другихъ вагоновъ, то они столпились въ одинъ вагонъ и кондукторъ просилъ меня прекратить бесѣду. Объ этомъ узнали во 2 классѣ и пассажиры попросили кондуктора пригласить меня, отъ имени ихъ, войти къ нимъ въ вагонъ. Я отправился и бесѣдовалъ тамъ и съ дамами, и мужчинами о разныхъ предметахъ православной вѣры. Все это показываетъ, замѣчаетъ «Церк. Вѣст.», что въ народѣ есть жажда узнать Св. Писаніе, понять его, и намъ необходимо идти на встрѣчу этому доброму стремленію.

— Въ заключительномъ передъ праздниками засѣданіи Государственнаго Совѣта, по сообщ. «Моск. Вѣд.», рассмотрѣно представленное Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода „Положеніе объ управленіи церковными школами вѣдомства православнаго исповѣданія“. Положеніе это составляетъ большой шагъ впередъ въ дѣлѣ упроченія и развитія нашей народной школы въ духѣ православія и церковности. Положеніе, какъ показываетъ самое названіе, имѣетъ цѣлю упорядочить и привести въ систему организацію управленія школьнымъ дѣломъ, которое съ начала прошлаго царствованія фактически находится въ рукахъ духовнаго вѣдомства. Положеніе оставляетъ неприкосновенными существующіе нынѣ училищные совѣты, епархіальный и уѣздный, на которыхъ лежитъ вся тяжесть завѣдыванія школьнымъ дѣломъ на мѣстахъ, и вводитъ лишь двѣ новыя должности—епархіальнаго и уѣзднаго наблюдателей за школами; но, не внося ничего существенно новаго въ организацію школьнаго дѣла,—„Положеніе“ важно тѣмъ, что вводитъ эту организацію въ общую систему нашихъ государственныхъ установленій, сообщаетъ училищному совѣту при Святѣйшемъ Синодѣ и зависящимъ отъ него мѣстнымъ органамъ

права государственныхъ учреждений, которыми они до сихъ поръ не пользовались, не имѣя законодательной санкціи, а носили характеръ временныхъ церковныхъ учреждений. Въ этомъ нетрудно убѣдиться, замѣчаетъ названная газета, если только въ краткихъ чертахъ припомнить исторію послѣднихъ лѣтъ нашего школьнаго дѣла. Въ 1882 году учреждена была коммиссія подъ предѣтельствомъ архіепископа Леонтія, для разсмотрѣнія вопроса объ обезпеченіи за православнымъ духовенствомъ надлежащаго вліянія на народное образованіе, которая признала, что для достиженія намѣченной цѣли самою важною мѣрой должно быть предоставленіе православному духовенству большей самостоятельности и пренданіе ему опредѣленныхъ указаній по устройству и завѣдыванію церковно-приходскими школами и другими начальными народными училищами. Выработанныя коммиссіей въ этомъ духѣ „Правила для церковно-приходскихъ школъ“ удостоились Высочайшаго утвержденія 13 іюня 1884 г. По закрытіи коммиссіи, обязанности ея по завѣдыванію церковными школами и дальнѣйшему направленію всего дѣла возложены на училищный совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ, дѣятельность коего выразилась главнымъ образомъ въ заботахъ о приготовленіи учителей для школъ грамотности и въ изданіи улучшенныхъ и дешевыхъ учебныхъ пособій и книгъ духовнаго содержанія; затѣмъ въ 1884 году училищнымъ совѣтомъ выработаны правила о школахъ грамоты—этомъ прототипѣ исторической народной школы, удостоившіяся Высочайшаго утвержденія 4 мая 1891 г.; наконецъ, Высочайшее повелѣніе объ отпускѣ изъ Государственнаго Казначейства, начиная съ 1896 г., ежегодно 3.279,145 руб. на содержаніе церковно-приходскихъ школъ вмѣсто 175.000 р., какъ это было до сихъ поръ, обезпечило ихъ существованіе съ матеріальной стороны. Теперь, продолжаетъ газета, этотъ рядъ мѣропріятій, носившихъ какъ бы характеръ временныхъ мѣръ, приступа къ дѣлу, получилъ окончательное завершеніе: благодаря новому „Положенію объ управленіи церковными школами“, теперь есть правильная организація этого дѣла, есть правительственное учрежденіе, для руководства имъ указанъ опредѣленный порядокъ разрѣшенія дѣлъ. Всякій, кому близки интересы православія и народной школы можетъ только порадоваться новому усилю, достигнутому въ этомъ важномъ дѣлѣ.

— «Гоб. Губ. Вѣд.» поддерживаютъ мнѣніе «Кир. Степ. Газ.» объ особомъ типѣ школъ, который былъ бы потребенъ для кочующаго населенія. Степной край небогатъ школами, и чѣмъ глуб-

же въ степь, тѣмъ школъ становится все меньше и меньше. Такъ, напримѣръ, въ Зайсанскомъ уѣздѣ (считая тутъ же и самый городъ) всего только три школы: одна сельскохозяйственная, начальная (мужская и женская отдѣльно) въ городѣ и одна Кеендорлькская, причемъ киргизы учатся только въ первой, а въ остальныхъ русскіе. Сравнительно съ населеніемъ уѣзда (около 30,000 жителей) такое количество просто ничтожно. Но и эти школы, по словамъ газеты, далеко не выполняютъ своего назначенія, потому что большинство населенія (киргизы) ведетъ кочевой образъ жизни, и въ школахъ учатся по преимуществу дѣти русскіхъ; ученики же изъ киргизъ лишены возможности правильно посѣщать школу, постоянно находящуюся въ одномъ мѣстѣ. Изъ этого видно, что наряду съ существующими школами, число которыхъ необходимо увеличить, нужно учредить такія школы, которыя могли бы выполнить то, что не въ состояніи сдѣлать существующія школы. По мнѣнію газеты, школы для киргизовъ должны носить свой особый характеръ: устройство ихъ должно соответствовать тому образу жизни, который ведутъ киргизы, то-есть онѣ должны быть кочующими, какъ и само населеніе; такъ что, если аулъ откочевываетъ на другое мѣсто, то вмѣстѣ съ нимъ можетъ перекочевывать и школа. Такія школы могутъ вполне удовлетворить потребностямъ населенія, потому что тогда будутъ удалены препятствія къ правильному посѣщенію школъ учениками, а это самое важное; кромѣ того, и учениковъ изъ киргизовъ будетъ гораздо больше, чѣмъ теперь; даже взрослые, и тѣ, не нанося существеннаго ущерба своему хозяйству, будутъ въ состояніи посѣщать школу. Понятно, что чѣмъ больше будетъ открыто такихъ школъ, тѣмъ лучше, и если всѣ болѣе или менѣе значительные аулы будутъ имѣть у себя по школахъ, то успѣхъ обученія будетъ внѣ всякаго сомнѣнія.

— Всемирное торгашество сыновъ Альбіона, ихъ торговое мореплаваніе, напоминающее мореплаваніе древнихъ финикіанъ, наконецъ, ихъ торгашеская политика, готовая изъ за торговыхъ интересовъ приносить въ жертву мамонъ цѣлыя народы,—все это издавна заставляло подозрѣвать въ англичанахъ нѣкоторое средство съ израильтянами—въ его позднѣйшихъ стадіяхъ, и это подозрѣніе, наконецъ, нашло себѣ любопытное подтвержденіе въ цѣлой литературѣ, трактующей о томъ, что англичане, дѣйствительно, истые израильтяне, заброшенные исторической судьбой на берега далекаго Альбіона. Эта литература въ самой Англіи появилась болѣе 20 лѣтъ тому назадъ и на нее не обращалось надлежащаго

вниманія на континентѣ, но теперь она перешла и во Францію, и недавно вышла любопытная книжка, которая, такъ сказать, подводитъ итогъ этой англо-израильской теоріи. Любопытныя данныя извлекаетъ изъ этой книжки «Церк. Вѣст.». Какъ извѣстно, еврейская монархія раздѣлилась при Ровоамѣ на два царства—іудейское и израильское, которыя взаимнымъ соперничествомъ подготовили свою гибель. Израильское царство разрушено было ассириянами въ 725 г. до Р. Хр., а іудейское—вавилонянами въ 588 г. при чемъ побѣдители массами переселили завоеванный народъ во внутрь своей монархіи. Но въ то время, какъ іудеи послѣ 70-ти лѣтняго плѣна возвратились на старое пепелище и восстановили свое царство, израильтяне затерялись въ Ассиріи и исчезъ самый слѣдъ ихъ существованія. Что съ ними случилось и какъ могъ исчезнуть цѣлый народъ? Этотъ вопросъ издавна занималъ историковъ, и теперь представители указанной англо-израильской теоріи пытаются разрѣшить его указаніемъ на то, что израильтяне послѣ разрушенія Ниневіи выселились изъ Ассиріи и, направляясь на сѣверо-западъ, наконецъ, добрались до Британскихъ острововъ, на которыхъ и поселились. Въ подтвержденіе этого приводятся слѣдующія данныя. 1) Ирландія носила прежде названіе Иберніи, данное ей иберами, которые ясно указываютъ на Евера, родоначальника евреевъ. Они сначала обитали по берегамъ Средиземнаго моря, гдѣ при своемъ переселенческомъ движеніи могли соединиться съ финикіянами и, такимъ образомъ, добрались до Иберніи или Ирландіи. Замѣчательно, что древне-ирландскій алфавитъ почти тождественъ съ алфавитомъ еврейскимъ. И теперь еще въ Ирландіи встрѣчается много именъ израильскаго происхожденія. 2) Данія самымъ своимъ названіемъ указываетъ на Даново колѣно, которое, сначала поселившись въ теперешней Даніи, переселилось затѣмъ въ Ирландію и Англію, оставивъ въ названіи страны слѣды своего пребыванія въ ней. 3) Норманны были частью Данова колѣна. Извѣстно, что даниты вмѣстѣ съ финикіянами уже съ давняго времени имѣли свои торговыя факторіи по всему сѣверному берегу Европы. Кромѣ того, въ Англіи много и другихъ признаковъ связи ея населенія съ древнимъ израилемъ. Такъ, камень, на которомъ покоилась голова Іакова во время видѣнія имъ лѣстницы, по преданію, хранится въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Англичане во многомъ напоминаютъ собою ветхозавѣтный народъ: въ ихъ богослуженіи десять заповѣдей ежедневно читаются, какъ и въ снагогахъ; проповѣдники ихъ берутъ темы своихъ проповѣдей преимущественно изъ Библии.

щественно изъ ветхаго завѣта; празднованіе воскреснаго дня имѣеть въполнѣ характеръ древняго субботства; система англійскихъ мѣръ основана на еврейскомъ перстѣ, т. е. 25-й части священнаго локтя; въ англійскомъ языкѣ насчитывается до 800 еврейскихъ словъ, и ни въ какой еще странѣ въ мірѣ не встрѣчается такого множества семействъ, носящихъ чисто израильскія фамиліи; много еврейскихъ словъ встрѣчается и въ словаряхъ ирландскомъ или кельтскомъ. Наконецъ, непонятное юдофильство англичанъ, заставляющее ихъ поднимать шумъ въ защиту мнимо-угнетаемыхъ евреевъ, весьма подозрительно, да и самое почтеніе англичанъ къ Библии отзывается чѣмъ-то ветхозавѣтнымъ—израильскимъ.

Эта англо-израильская теорія, каковы бы ни были ея историческія основанія, имѣеть въ Англии уже значительную литературу.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Объявленіе объ изданіи „Проповѣдническаго Листка“ въ 1896 году.

Въ 1896 году „Проповѣдническій Листокъ“ будетъ выходить въ такомъ же видѣ, въ какомъ выходилъ въ 1895 году, т. е. съ прибавленіемъ „Внѣбогослужебныхъ собесѣдованій“. „Внѣбогослужебныя собесѣдованія“ будутъ издаваться въ видѣ двухъ отдѣльныхъ рядовъ: первый рядъ собесѣдованій будетъ имѣть предметомъ жизнь и дѣятельность святыхъ; а второй рядъ будетъ имѣть предметомъ общепотребительныя молитвы, истины вѣры, нравственную жизнь, богослуженіе и христіанскіе праздники, евангельскіе и вообще библейскія сказанія и т. д.—При жизнеописаніи святыхъ будетъ обращено вниманіе на то, чтобы выискать характеристическія черты жизни каждаго святаго, выставить внутреннюю исторію его, показать нравственную силу, назидательность и примѣнимость его жизни и дѣйствій къ нашимъ современнымъ дѣйствіямъ. Равно при объясненіяхъ молитвъ, догматовъ вѣры, истинъ нравственности будетъ обращено вниманіе на то, чтобы они были проникнуты нравственно-назидательнымъ духомъ и имѣли въ себѣ жизнь, а не состояли только изъ сухихъ положеній и правилъ. „Поученія“ будутъ издаваться тѣ прежнемъ видѣ: 1) они будутъ кратки, но содержательны; 2) по изложенію будутъ просты, общедоступны; 3) будутъ выходить за мѣсяць до того времени, на которое назначены; 4) будутъ помѣщаться поученія на различные случаи (погребеніе—не мовѣ 15-ти, вѣчаніе и т. д.) и темы и планы для самостоятельнаго составленія проповѣдей.

Цѣна „Проп. Листка“ съ „Внѣбог. собесѣдованіями“ 2 р. Безъ „Внѣбог. собесѣдованій“ „Проп. Листокъ“ не можетъ быть высылаемъ;—какъ не могутъ быть высылаемы в „Внѣбог. собес.“ безъ „Проп. Листка“. За прежніе одиннадцать лѣтъ (1882, 1883, 1884, 1885, 1886, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893) можно получить „Пропов. Лист.“ по 1 рублю за годъ; а за 1887 годъ (въ расширенномъ видѣ) по 1 р. 50 к. за 1894 и за 1895 годы высылается Проп. Листокъ съ Внѣбог. собесѣдованіями по 2 рубля за каждый годъ.

Съ требованіями обращаться исключительно на имя редактора-издателя, профессора Кіевской духовной Академіи, Маркеллина Алексѣевича Олесницкаго.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ КНИГА:

„Нравственное Богословіе или христіанское ученіе о нравственности“

проф. М. Олесницкаго. Цѣна 1 р. 40 к. съ перес.

Вышло въ овітъ новое изданіе Московскаго Психологическаго Общества.

КУНО ФИШЕРЪ АРТУРЪ ШОПЕНГАУЭРЪ

XVI+521 стр. Цѣна 3 рубля.

Лица, подписавшіяся на все сочиненіе и получившія 1-й выпускъ, могутъ получить 2-й выпускъ. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль“—Москва. Б. Николаевская, д. 2—24.

КНИГОПРОДАВЦАМЪ ОБЫЧНАЯ УСТУПКА.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

С Л О В А Р Ъ

церковно-славянскаго языка новаго періода на Новый Заветъ, Псалтырь, Богослужебныя каноны и тѣ отрывки изъ пыхъ книгъ Ветхаго Завета, какіе помѣщены въ учебныхъ книгахъ по церковно-славянскому языку.

Составилъ Н. ЛОЗАНОВЪ.

С Л О В А Р Ъ

ОДОБРЕНЪ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи церковно-славянскаго языка въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ. за мартъ 1895 г. стр. 39), ОДОБРЕНЪ Грузинскимъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ, съ утвержденія Его Высокопреосвящ., Экзарха Грузинъ, къ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ Грузинской епархіи (Духовн. Вѣст. Грузинскаго Экзархата № 16 за 1895 г.), РЕКОМЕНДОВАНЪ Его Пресвященствомъ Гуріемъ, епископомъ Самарскимъ къ приобрѣтенію въ бібліотеки церквей и церковно-приходскихъ школъ Самарской епархіи (Самар. Епар. Вѣд. за 15-ое сентября 1894 г.). Словарь заключаетъ въ собѣ ПЯТЬ ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ въ восьмую большого формата и стоитъ 50 коп. Складъ изданія у составителя.

ВЫПИСЫВАЮЩИМЪ:

отъ 4 до 10 экзмп.	составителемъ дѣлается скидка въ размѣрѣ	12 ⁰ / ₁₀₀
отъ 10 до 100	— — — — —	20 ⁰ / ₁₀₀
отъ 100 и болѣе	— — — — —	30 ⁰ / ₁₀₀

Пересылка и страховка книгъ производится въ счетъ выписывающаго.

Адресъ составителя-издателя: г. Балашовъ Саратовской губерніи, инспектору народныхъ училищъ Н. ЛОЗАНОВУ.

МАГАЗИНЪ ФАБРИКАНТА Ф. С. ІОНОВА

Въ Харьковѣ. Гостин. дворъ № 17 близъ Собора и Монастыря.

Имѣеть большой выборъ нарчи, газета, галуна, воздуховъ, плащаницъ, хоругвей, напикадилъ, подсвѣчниковъ, крестовъ, евангелій, сосудовъ, ковчеговъ, лампадъ, дароносицъ, крошлъ, мурницъ, копій, кадиль, блюдъ всемоцныхъ и антидорныхъ, водосвятныхъ чашъ, купелей, панихидницъ, металлич. свѣчъ, вѣщцовъ, иконъ, кіотовъ, готовыхъ священ. облаченій, подрпзниковъ, скуфей, камлавокъ и проч. церкви. издѣлій.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

на архіерейскія и соборныя ризницы, работу ризъ на иконы и живопись иконъ, исправленіе, серебреніе и золоченіе церковной утварц, вещей для поднесенія, какъ-то: посоховъ, панагій, крестовъ, митръ, образовъ и проч. и колокола московскихъ заводовъ.

Въ Харьковѣ, Гостинный дворъ № 17.

Въ Москвѣ, на Ильинкѣ.

Въ Иванежъ-Новгородѣ, Ярмарка. 15—16 линія.

Въ Ирбитѣ, Гостинный дворъ.

Фабрика въ Москвѣ. Въ собствен. домѣ.

Довѣреный П. Д. Александровъ.

Адресъ для писемъ и телеграммъ: Харьковѣ, магазинъ Іонова. Александрову.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Въ 1896 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе Богословскаго Вѣстника ежемѣсячно, книжками отъ двѣнадцати до пятнадцати листовъ по прежней программѣ. Содержаніе журнала распадается на пять отдѣловъ. Отдѣлъ I. Творенія Св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ. Здѣсь будетъ печататься доселѣ не переведенное на русскій языкъ толкованіе на четвероевангеліе Св. Ефрема Сирина и кромѣ того, будетъ продолжаться печатаніе толкованій св. Киррлла Александрійскаго на малыхъ пророковъ. Отдѣлъ II. Исслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ. Здѣсь, между прочимъ, будетъ помѣщено составленное преимущественно по неизданнымъ письмамъ и документамъ и удостоенное совѣтомъ Академіи преміи преосв. Николая, епископа Алеутскаго, изслѣдованіе: «Ректоръ Московской Духовной Академіи Протоіерей Александръ Васильевичъ Горскій» (Опытъ біографическаго очерка). Отдѣлъ III. Изъ современной жизни. Въ этотъ отдѣлъ войдутъ обзорныя современныхъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ, а также свѣдѣнія о внутренней жизни Академіи. Отдѣлъ IV. Критика, рецензіи и бібліографія по богословскимъ, философскимъ и историческимъ наукамъ. Отдѣлъ V. Приложенія. Здѣсь будутъ напечатаны: Докматическое Богословіе. Курсъ лекцій заслуженнаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, протоіерей В. И. Добротворскаго и протоколы за сѣданій Совѣта М. Д. Академіи. Подписная цѣна за годъ: безъ пересылки шесть рублей, съ пересылкой семь рублей, за границу восемь рублей. Адресъ: въ Сергіевъ посадѣ, Московской губерніи, въ редакцію „Богословскаго Вѣстника“.

Редакторъ э.-орд. проф. В. Соколовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 г. (второй годъ изданія) НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ДУХОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“,

издаваемый „Обществомъ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви“ въ С.-Петербургѣ

Въ журналѣ «Спб. Духовный Вѣстникъ» печатаются списки сари въ русскомъ переводѣ, житія святыхъ въ видѣ краткихъ бесѣдъ, слова, бесѣды и поученія на предстоящіе праздники или церковныя событія и письма еп. Феофана-затворника. Протоіерей І. П. Сергіевъ (Кронштадскій) далъ для журнала два свои дневника: первый, написанный имъ въ жизни, за 1865 г., и другой—послѣдній—за 1894 г., обѣщавъ свое сотрудничество и впредь. Профессоръ Н. И. Барсовъ передалъ въ распоряженіе редакціи нигдѣ не напечатанныя статьи протоіерей Г. П. Павскаго. Руководящія статьи посвящаются важнымъ вопросамъ и событіямъ изъ столичной и общей церковной жизни. Къ объясненію праздниковъ по временамъ будутъ прилагаться древнѣйшія изображенія ихъ. Будутъ печататься свѣдѣнія о состояніи раскола и сектантства въ столицѣ, епархіи и Россіи, о прошлой церковной жизни по намятникамъ старины и письмамъ историческихъ дѣятелей, о состояніи церковной и общественной жизни и просвѣщенія въ другихъ епархіяхъ и за-границей. Служа органомъ «Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви» и С.-Петербургской епархіи, «Спб. Духовный Вѣстникъ» имѣетъ задачей дать полную картину жизни, просвѣщенія и благотворительности въ епархіи, совершающихся подъ покровомъ Православной Церкви—и обзоръ религіозно-просвѣдительной дѣятельности столичнаго „Общества“.

Подписная цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкой—5 р., 1/2 года—3 р., за граппу—6 р. Въ розничной продажѣ 10 к. за №. Журналъ выходитъ по пятницамъ, въ размѣрѣ не менѣе 1 1/2 печатнаго листа каждый №. Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, уголъ Николаевской и Стремянной ул., д. № 5—21. Редакція, для личныхъ объясненій съ редакторомъ, открыта по четвергамъ отъ 2 до 3 ч. дня. Подписка принимается въ конторѣ, которая открыта ежедневно съ 10 ч. утра до 4 ч. пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Въ конторѣ продаются и отдѣльные №№ журнала. Имѣются экземпляры журнала за 1895 г. по 5 р. Редакторъ, священникъ Философъ Орнатскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА ИЗДАВАЕМЫЯ ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СУНОДѢ

„ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ“.

«Церковныя Вѣдомости», издаваемые при Святѣйшемъ Синодѣ, имѣютъ выходить въ 1896 году (9-й годъ изданія) по утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ программѣ, въ объемѣ 2—3 печатныхъ листовъ, еженедѣльно. Программа пхъ: I. Узаконенія и распоряженія по духовному вѣдомству, узаконенія и распоряженія по другимъ вѣдомствамъ, имѣющія отношеніе къ церквамъ и причтамъ. II. Прибавленія къ «Вѣдомостямъ»: наиболѣе замѣчательныя слова и рѣчи, статьи научно-богословскаго содержанія, изложенныя просто и общепонятно, разъясненіе узаконеній и распоряженій по духовному вѣдомству, статьи о церковной жизни Россіи, православнаго Востока и внославнаго Запада, отзывы о книгахъ духовнаго содержанія, извѣстія и замѣтки и т. под. «Церковныя Вѣдомости»—органъ Святѣйшаго Синода, изданіе обязательное для церковныхъ причтовъ и учреждений духовнаго вѣдомства. Цѣна «Церковныхъ Вѣдомостей» съ доставкой и пересылкою три рубля за границу 4 руб. Иногородные частныя подписчики адресуютъ свои требованія на «Церковныя Вѣдомости» въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ. Отъ частныхъ же лицъ, живущихъ въ С.-Петербургѣ, подписка принимается въ конторѣ Редакціи (Конно-гвардейскій бульваръ, домъ № 5, кв. 7) отъ 10 час. утра до 4 час. ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ, праздничныхъ и табельныхъ дней. Кромѣ конторы Редакціи, отъ частныхъ лицъ подписка на «Церковныя Вѣдомости» принимается въ С. Петербургѣ—въ Синодальныхъ книжныхъ лавкахъ и у книгопродавцевъ: Тузова, Мартынова, Луковникова и Карбасникова; въ Москвѣ—въ Синодальной книжной лавкѣ и у книгопродавцевъ: Думнова, торгующаго подъ фирмою наследниковъ братьевъ Салаевыхъ, и Сытина; въ Кіевѣ—у Оглобина, въ Казани—у Дубровина. Частныя объявленія, соответствующія назначенію изданія, принимаются съ платою по 30 коп. за мѣсто, занимаемое строкою пята въ одинъ столбецъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на еженедѣльный религіозно-нравственный, иллюстрир. народный журналъ

„КОРМЧІЙ“

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Нормчій одобренъ Его Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, какъ полезное чтеніе для солдатъ, и рекомендованъ Имъ къ выпискѣ по Россійской Артиллеріи. Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ допущенъ въ бібліотеки церковно-приходскихъ школъ. Одобренъ и рекомендованъ Московскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ въ бібліотеки народныхъ училищъ для внѣкласнаго чтенія учащихся и взрослыхъ. Адресъ редакціи: Москва, Ордынка, д. Баженовой, квартира Протоіерея Снобращенной церкви. Кормчій предназначается для воскреснаго и праздничнаго народнаго чтенія. Въ виду этого программа изданія его носитъ характеръ общедоступности, какъ въ выборѣ статей для чтенія, такъ и въ формѣ ихъ изложенія. Кормчій имѣетъ главною своею цѣлью, какъ показываетъ и самое названіе, указать православнаго христіанина, т. е., указывать ему тотъ истинно добрый путь ко спасенію, который Церковь Православную предначертала для всѣхъ чадъ ея. Кормчій и въ 1896 году будетъ издаваться примѣнясь въ событіямъ недѣли, и такимъ образомъ, можетъ служить удобнымъ подспорьемъ для вибогослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ на весь годъ, въ особенности духовенству; а для мірянъ и христіанскихъ семей—благовременнымъ и полезнымъ чтеніемъ въ воскресные и праздничные дни.

Журнала будутъ украшаться рисунками или изъ событій Ветхаго и Новаго Завета, или видами замѣчательныхъ святыхъ и разныхъ достопамятностей съ соответствующими поясненіями въ текстѣ. Обязательный объемъ каждаго номера 12 стр., т. е. 1¹/₂ печатныхъ листа средняго убористаго шрифта. Но редакція, по примѣру прежнихъ лѣтъ, нѣкоторые номера будетъ выпускать въ два листа. Въ 1896 году въ журналѣ Кормчій по прежнему будетъ принимать участіе своими литературными трудами

Извѣстный Кронштадтскій Пастырь ОТЕЦЪ ІОАННЪ.

Въ 1896 г. Редакція Кормчаго дастъ своимъ подписчикамъ бесплатное приложеніе подъ заглавіемъ: «ВОСКРЕСНЫЯ ПОУЧЕНІЯ ПО ЖИТІЯМЪ СВЯТЫХЪ».

Особенное вниманіе редакціи будетъ обращено на обличеніе нашихъ расколочителей и сектантовъ, на что указываютъ и знаменія времени. Видное мѣсто въ журналѣ будутъ занимать извлеченія изъ твореній свв. отцовъ и учителей Церкви съ краткою повѣстію объ ихъ жизни. Кроме того, для помѣщенія въ журналѣ въ будущемъ году редакціей намѣчены слѣдующія статьи: Житія свв. Христа ради юродивыхъ, Греческихъ и Россійскихъ,—Сказаніе о всѣхъ явленныхъ и чудотворныхъ иконахъ Божіей Матери съ ихъ изображеніями,—Толкованія на Апокалипсисъ, св. Андрея Кессарійскаго. Въ редакціи имѣются экземпляры Кормчаго за 1890, 91, 92, 93 и 94 гг. Первые два года не въ полномъ видѣ (не достаетъ въ каждомъ около 10 номеровъ), цѣна каждому 1 руб. 50 коп., съ перес.; послѣдніе года полные, цѣна 1892 г. 2 руб., 1893 г. (сброшюрованъ) 2 руб. 50 коп., 1894 г. (сброшюрованъ) 3 руб., съ пересылкой. Въ редакціи имѣется въ продажѣ художественная олеографическая картина: Молитва Спасителя въ саду Геосиманскомъ, которая служила преміей къ журналу Кормчій въ 1894 году; цѣна картины 50 коп., съ пересылкой; наложеннымъ платежемъ не высылается.

Протоіерей С. П. Ляпидевскій.
 Редакторы-Издатели: Священники {
 I. Н. Бухаревъ.
 В. И. Гурьевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

Вопросы Философіи и Психологіи.

на 1896 (V!) годъ.

Объяваны статьи: Вл. С. Соловьева. Историческое воплощеніе безусловнаго идеала.—Кн. С. Н. Трубецкого. Ученіе о Логосѣ.—Л. М. Лопатина. Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта.—С. С. Корсакова. О сознаниі.—В. А. Вагнера. Границы и область біологіи.—В. О. Ключевского. Психологическій очеркъ изъ русской исторіи.—Г. И. Челпахова. Обзоръ новѣйшей литературы по психофизиологіи.—А. Н. Гилърова. Предсмертныя мысли нашего вѣка во Франціи.—В. Анри. О новѣйшихъ психологическихъ работахъ о памяти.—А. И. Введенскаго. Проблема реальности вѣшняго міра.—Л. Е. Оболенскаго. Критическій синтезъ этическихъ теорій.—Н. Н. Страхова. О естественной системѣ съ логической стороны.—Н. Я. Грота. () ближайшихъ задачахъ экспериментальной психологіи, и другія.

Подписка въ конторѣ журнала (Москва, Б. Никитская, уг. Леонтьевскаго, 2—24) и у всѣхъ книгопродавцевъ.

На годъ съ Января безъ дост. 6 р., съ дост. въ Москвѣ 6 р. 50 к. и перес. въ другіе города 7 р., за границу 8 р. Учащимся въ высш. учеб. завед. скидка въ 2 р. Программа, объемъ и сроки выхода книжекъ прежніе.

Предсѣдатель Психологическаго Общества Н. Я. Гротъ.

Редакторы: Л. М. Лопатинъ и В. П. Преображенскій.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

„ВОСКРЕСНАЯ БЕСѢДА“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

въ размѣрѣ до 80 печатныхъ листовъ въ годъ.

Цѣль издачія: проводить въ жизнь ученіе христіанской нравственности, привнѣняя ее по возможности ко всѣмъ вопросамъ жизни. Приступая ко 2-му году изданія „ВОСКРЕСНОЙ БЕСѢДЫ“, считаемъ долгомъ заявить, что неуклонно будемъ продолжать трудъ нашъ на основаніяхъ, изложенныхъ при самомъ началѣ журнала.

Не потворствуя вкусамъ времени и въ противоположность ложнымъ стремленіямъ создать христіанство безъ Христа, мы будемъ строить на единственно неизблемой почвѣ, т. е. Св. Писаніи и толкованіи Отцовъ Церкви. Любить Бога всѣмъ сердцемъ и ближняго какъ самого себя—есть основаніе христіанской нравственности и мы постараемся отвести по возможности широкое мѣсто въ нашемъ журналѣ для обзора благотвореній во всѣхъ его видахъ; будемъ постоянно знакомить

читателей съ выдающимися филантропическими дѣятелями какъ настоящаго, такъ и прошлаго времени, и полезными учрежденіями. Отдѣлъ по воспитанію дѣтей будетъ вестись на тѣхъ же основаніяхъ, съ точки зрѣнія нравственности христіанской. Для легкаго чтенія будутъ помѣщаться въ каждомъ номерѣ разсказы и стихотворенія. Журналъ нашъ не имѣетъ характера сухого, доктринальнаго: онъ долженъ служить бесѣдой во время отдыха воскреснаго дня, всегда предлагая читателямъ своимъ статьи назидательныя, будь это рассказы или біографическій очеркъ, статья по вопросу общественному или фактъ, взятый изъ самой жизни, преимущественно современной. Статьи будутъ помѣщаться какъ оригинальныя, такъ и переводныя, въ изложеніи наиболѣе общедоступномъ. Программа журнала слѣдующая: 1) Статьи по вопросамъ общественнымъ и духовно-нравственнымъ. 2) Очерки изъ жизни лицъ, посвятившихъ себя служенію ближнимъ, какъ-то: проповѣдниковъ, филантроповъ, миссіонеровъ и другихъ дѣятелей. 3) Статьи по воспитанію дѣтей. 4) Разсказы. 5) Очерки городской и деревенской жизни. 6) Благотворительность у насъ и за границей. 7) Стихотворенія. 8) Книжный листокъ. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Духовныя стихотворенія, переложенныя на музыку. Чтобы дать болѣе ясное понятіе о содержаніи журнала, приводитъ названія нѣкоторыхъ статей, помѣщенныхъ въ теченіи 1895 г. 1) По вопросамъ общественнымъ и духовно-нравственнымъ: Какъ научаются Уставамъ Божиимъ. Въ чемъ истинное счастье челоуѣка на землѣ.—Мы странники и пришельцы на землѣ.—По обычаю міра сего. (Что есть истина?) (Н. Н. Неплюева).—Живемъ ли мы, христіане, по христіански? (Гед. Еписк. Псковскаго).—Терпѣніе нужно намъ.—О жертвахъ. Св. Іоаннъ Златоустъ о семейной жизни.—Гдѣ христіане между сынами вѣка его? (Филарета)—Вліяніе общественныхъ условій на развитіе христіанскаго характера.—Просвѣтительная дѣятельность, какъ главная задача благотворительности церковной.—Нравственное значеніе женскаго вопроса.—Свѣтъ адвокатуры въ народѣ.—Воскресныя духовныя бесѣды въ газетахъ.—Трудовая братства, основанная Н. Н. Неплюевымъ.—Роскошь.—Какъ проводить воскресный день въ разныхъ странахъ.—Значеніе искусства по отношенію къ религіозно-нравственному чувству челоуѣка.—Нервы.—Учите и пріучайте дѣтей вашихъ благотворить.—Что ты читаешь?—и др. 2) Разсказы изъ Св. Исторіи и жизни святыхъ: Слѣдороденный и Іосифъ Аримавейскій.—Отшельники св. Павелъ и св. Антоній. Даниилъ пророкъ.—Изъ жизни св. Сергія—Изъ жизни св. Тихона Задонскаго, и др. 3) Историческіе очерки: Находки изъ древняго міра: а) Мученикъ изъ знатнаго рода б) Прошеніе противъ христіанъ. в) Увольнительная грамота.—Великій постъ въ первые вѣка христіанства.—Благотворительность въ первые вѣка христіанства, и т. д. 4) Очерки изъ жизни лицъ, посвятившихъ себя служенію ближнимъ: Изъ нихъ главные: Говардъ, другъ заключенныхъ.—Докторъ Гаазъ.—Книгоноша старушка Филипова.—Георгъ Мюллеръ, и др. 5) Веллетристика: «Вѣренъ до смерти». Разсказъ изъ временъ гонимій на христіанъ.—Бабын слезы.—Золотое сердце (К. Назарьевой).—Тѣни прошлаго (Полывановой)—Незамѣтная сила (Иванюккой).—Изъ солдатскаго быта—За общимъ столомъ.—Средство для страждущихъ сердецъ.—«Все содѣлалъ Ты премудро», и ми. др. 6) Благотворительность: въ этомъ отдѣлѣ мы старались собрать все сколько нибудь замѣчательныя явленія какъ въ Россіи, такъ и за-границей по части благотворенія, и помѣщали очерки дѣятельности лицъ, въ настоящее время трудящихся преимущественно въ Россіи, на нивѣ народной. 7) Стихотворенія выбирались болѣею частью чисто-религіознаго характера. 8) Музыкальныя приложенія выходятъ каждыя три мѣсяца. Цѣна: за годъ съ доставкой и пересылкой: 5 рублей; 6 мѣсяцевъ—2 р. 50 к.; 3 мѣсяца—1 р. 50 к.; 1 мѣсяць—50 к. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ редакціи журнала (Большая Итальянская, 5) принимается подписка исключительно по почтѣ отъ иногороднихъ. Личныя объясненія съ редакторомъ—по вторникамъ и субботамъ, отъ 1 ч. до 3 дня, кромѣ праздничныхъ дней. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть съ подписью и адресомъ автора, а также и съ указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получать за свою статью. Въ противномъ случаѣ статья будетъ считаться безплатною. Книжные магазины, доставляющіе подписку, пользуются обыкновенною уступкою.

Редакторъ-Издательница книжныя М. Н. Щербатова.

Съ 1 января журналъ **ГРАЖДАНИНЪ** будетъ выходить 2 раза въ недѣлю, по *воскресеніямъ* и *четвергамъ* (вмѣсто ежедневной газеты) Главное содержаніе журнала будетъ посвящено вопросамъ внутренней жизни, а именно: вопросамъ церковнаго быта, быта духовенства, сельской школы, русской деревни, сельскаго хозяйства, земской жизни и практики земскихъ пчальниковъ.

Въ журналѣ будетъ помѣщаться, день за днемъ, *дневникъ* издателя, посвященный Петербургской жизни во всѣхъ ея слояхъ. Въ журналѣ будетъ печататься новое произведеніе князя В. Мещерскаго „Мужчины Петербургскаго большаго свѣта“. Во всякомъ случаѣ, вѣрные своимъ преданіямъ, мы ручаемся за живой интересъ изданія, и за отсутствіе газетнаго балласта. Цѣна изданію *въ годъ съ пересылкою 6 рублей, за полгода 4 рубля*. На другіе сроки подписка не принимается. Можно подписываться съ разсрочкою: при подпискѣ 2 руб., въ маѣ 2 руб., и въ сентябрѣ 2 рубля С.-Петербургъ, Спасская, 27.

Редакторъ-издатель князь В. Мещерскій.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

НА

МОСКОВСКІЯ ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія въ Москвѣ. Каждый № въ размѣрѣ 2-хъ печатныхъ листовъ. Московскія Церковныя Вѣдомости имѣютъ своею цѣлю доставлять серьезное чтеніе по вопросамъ религіозно-нравственнымъ, церковно-историческимъ и практическимъ не для духовныхъ только, но и свѣтскихъ лицъ, интересующихся означенными вопросами. Согласно утвержденной Св. Синодомъ программѣ, въ составъ Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей будутъ входить: 1. Слова и поученія особенно выдающіяся. 2. Статьи (по временамъ передовыя), обсуждающія различныя вопросы и явленія жизни общественной, имѣющія то или иное соприкосновеніе съ жизнью Церкви, а также рефераты, читанные и обсуждаемые въ очередныхъ собраніяхъ Общества. 3. Очерки изъ исторіи Церкви—преимущественно русской, въ которыхъ будутъ сообщаться свѣдѣнія о замѣчательныхъ эпохахъ и дѣятеляхъ въ пользу православія, а также о движеніи въ расколѣ и проявленіяхъ сектантства съ обсужденіемъ ихъ. 4. Забѣтки и сужденія по вопросамъ пастырской практики. 5. Свѣдѣнія о благотворительныхъ и учебно-воспитательныхъ учрежденіяхъ Московской епархіи, куда войдутъ сообщенія изъ жизни церковно-приходскихъ школъ. 6. Московская хроника, сообщающая недѣльные свѣдѣнія о выдающихся явленіяхъ церковной и гражданской жизни и пастырской дѣятельности духовенства. 7. Библіографія: забѣтки о вновь появляющихся въ свѣтъ книгахъ, выдающихся чѣмъ либо журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ,—обозрѣніе духовныхъ журналовъ. 8. Извѣстія и забѣтки, гдѣ будутъ отмѣчаться разнообразныя свѣдѣнія о событіяхъ современной жизни (церковной и общественной)—мѣстныя, погородныя,—корреспонденціи. 9. Официальный отдѣлъ, въ которомъ печатаются Высочайшія повелѣнія, Указы Святейшаго Правительствующаго Синода, распоряженія Московскаго Епархіальнаго Начальства, распоряженія и отчеты мѣстныхъ епархіальныхъ учрежденій и т. п. Кромѣ этого въ 1896 году Московскія Церковныя Вѣдомости дадутъ читателямъ статьи съ историческо-археологическимъ описаніемъ Московской церковной старины и чтимой святыни. По временамъ будутъ помѣщаться иллюстраціи. Подписка принимается: а) въ Епархіальной библіотекѣ, въ Петровскомъ монастырѣ, на Петровкѣ б) въ редакціи: Б. Якимовка, церковь Петра и Павла, квартира священника Іоанна Федоровича Мансветова, с) въ конторѣ Печковской—на Петровкѣ. Подписная цѣна: На годъ съ перес. 5 р.—безъ перес. 3 р. 50 к. На полгода съ перес. 3 р.—безъ перес. 2 руб.

Редакторъ Священникъ *Іоанн Мансветовъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ XII годъ изданія

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ

ВОКРУГЪ СВѢТА

50 еженедѣльныхъ иллюстрирован. №№ въ годъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 3000 столбцевъ текста и до 500 рис. лучшихъ русск. и заграничн. художник. Въ журналѣ принимаютъ участіе: Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. Н. Потапенко, Вас. Ив. Пемровичъ-Данченко, Н. Н. Каразинъ, А. П. Грень, С. Л. Загорскій, Н. П. Боголюбовъ, К. М. Станюковичъ и др. Въ 1896 году между прочимъ будетъ помѣщено: новый романъ Жюль Верна, посмертный романъ Роберта-Льюкса Стивенсона Тайна корабля, историческій романъ А. Н. Красницкаго Матсмайскіе плѣнники, въ которомъ описываются интересныя походы русскихъ офицеровъ и матросовъ въ Японію, новый романъ Луи Буссенара Безъ гроша въ карманѣ и др. Романы превосходно иллюстрированы. Всѣ годовые подписки получаютъ бесплатно 12 томовъ второй половины полного собранія сочиненій МАЙНЪ-РИДА въ 1896 г. будутъ выданы слѣдующіе 14 ром. этого писателя: 1) Ползуны по скаламъ. 2) Стрѣлки въ Мексикѣ. 3) Вождь гверильесовъ. 4) Островъ Борнео. 5) Жилыще въ пустынь. 6) Молодые повольныя. 7) Огненная Земля. 8) Приключенія юнга Вильяма. 9) Охотники за растеніями. 10) Ямайскіе марроны. 11) Золотой Бракетъ. 12) Мальчики на сѣверѣ. 13) Дѣти хѣсовъ. 14) Молодые путешественники. Первая половина собранія сочиненій Майнъ-Рида выдана подписчикамъ въ 1895 г.

Кромѣ того годовые подписчики при доплатѣ одного рубля получаютъ 2 роскошныя преміи, состоящія изъ двухъ большихъ художественныхъ картинъ (олеографій). Картины, размѣромъ каждая 20¹/₄ вершковъ въ длину и 13¹/₂ вершковъ въ ширину, исполнены въ артистическомъ заведеніи братьевъ Кауфманъ въ Берлинѣ. 1) Входъ въ Босфоръ, съ картины профессора Лагоріо. 2) Царицынъ павильонъ въ Петергофѣ, съ картины художника Кондратенко. Подписная цѣна на годъ съ приложеніемъ второй половины собранія сочиненій Майнъ-Рида, съ доставкою и пересылкою 4 руб. съ двумя картинами 5 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1-му апрѣлю и къ 1 июля—по 1 руб. Подписчики, желающіе получить, кромѣ журнала „Вокругъ Свѣта“ съ прилож. за 1896 г., еще первую половину сочин. Майнъ-Рида, выдающую подписчикамъ въ 1895 году, состоящую изъ 12 томовъ, доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ съ доставкою и пересылкою 2 р. Въ ознаменованіе предстоящаго въ 1896 г. Священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ издатели журн. Вокругъ Свѣта рѣшили выдать всѣмъ своимъ годовымъ подписчикамъ на 1896 г., въ видѣ экстренной бесплатной преміи, роскошную олеографію: «ОБРЯДЪ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ», которая будетъ художественно исполнена въ 20 красокъ съ картины извѣстнаго художника Н. Н. Каразина. Иногородные подписчики за пересылку олеографій платятъ 20 коп. Подписка принимается: въ редакціи, Москва, Валовая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Объявленіе о продолженіи въ 1896 г. изданія въ г. Одессѣ періодическаго духовнаго листка

„НАСТАВЛЕНІЯ И УТѢШЕНІЯ СВ. ВѢРЫ ХРИСТІАНСКОЙ“.

Движимый желаніемъ вмѣстѣ съ молитвою служить духовному назиданію Русскаго народа, при посредствѣ его-же вещественныхъ даровъ, Русскій па Афонѣ Общежительный Скитъ свят. Апостола Андрея Первозваннаго предпринялъ въ 1887 году изданіе въ г. Одессѣ періодическаго духовнаго листка подъ названіемъ „Наставленія и Утѣшенія св. вѣры христіанской“. Непрерывно съ тѣхъ поръ ведя это изданіе, Скитъ будетъ продолжать оное и въ 1896 г., по той-же программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ, но какою изданіе было ведено въ теченіи предшествующихъ шести лѣтъ. Изданіе будетъ выходить по прежнему два раза въ мѣсяць, чрезъ каждыя двѣ недѣли, въ объемѣ 2—3 печатныхъ листовъ. Цѣна на годъ три рубля съ доставкою городскимъ подписчикамъ и съ пересылкою иногороднимъ. Подписку на изданіе просятъ адресовать: въ гор. Одессу на подворье Русскаго на Афонѣ Свято-Андреевскаго Общежительнаго снита, Рыбная ул., д. № 58, довѣренному сниту. Редак. Исп. Одес. Духов. Семинаріи В. Анисимовъ.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за всѣ истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то. „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера —„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова —„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о итундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Вѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодотвореніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Вѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Млорскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича —„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кирилловича.—„Православленъ-ли intercom munion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Маргынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и соображенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи,
Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.